

Сергей Кокорин

СОЛНЕЧНЫЙ КРУГ

Сергей Кокорин

СОЛНЕЧНЫЙ КРУГ

Курган 2015

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5
К 59

Художник – Николай Пономарев

Оформление обложки – Александр Голубкин

Компьютерная вёрстка – Александр Третьяков

г. Курган, ООО «Типография «Дамми»

В очередной сборник рассказов «Солнечный круг» вошли новые произведения писателя С.Кокорина, в которых нашла отражение сама жизнь от солнечного и волшебного мира детства до психологически сложных житейских ситуаций. Некоторые из рассказов читатель мог встретить в журналах «Тобол» и «Сибирский край».

ISBN 978-5-89506-126-8

Кокорин С.А. 2015
ООО «Типография «Дамми»

Сергей Кокорин – член Союза писателей России, автор нескольких сборников стихов и прозы. Его книги можно встретить во всех библиотеках Зауралья и за его пределами. В этом смысле можно сказать, что автор нашел своего читателя, потому что в последнее время возросла популярность такого жанра, как короткие рассказы и повести.

В рассказах Сергея Кокорина легкой литературный язык сочетается с «народным» началом живого разговорного русского языка, а психологизм и юмор широкой палитры от самого доброго в рассказе «Солнечный круг» до гротескно-сатирического в рассказе «Конец Атамана» делают их яркими и интересными, читающимися, что называется, на одном дыхании.

НОВАЯ ВЫСОТА

Совсем недавно в мою жизнь вошел писатель Сергей Кокорин, а мне кажется, что прошли уже десятилетия.

Но почему так получилось? Наверно, потому, что этот автор по-настоящему уникален, а диапазон его творчества не перестаёт удивлять. Да и как не удивляться, не радоваться за него, если в последние годы он выпустил уже несколько сборников стихов и прозы, если он даже стал автором Гимна Кетовского района.

И всё же в его душе рядом с поэзией жило постоянное желание писать прозу. И это желание принесло плоды, - два года назад вышел из печати его сборник рассказов «Пути-дороги». Автор назвал тогда свою книгу – «первым опытом в прозе». И этот опыт оказался удачным. Я бы даже назвал его счастливым. Потому что рассказы Сергея Кокорина получили большое читательское признание. Думаю, это закономерно, ведь каждый рассказ в этой книге был наполнен живой жизнью, интересными характерами. И все это было скреплено таким же ярким и живым языком. Потому сегодня, читая эти рассказы, я постоянно вспоминаю большого русского писателя Василия Шукшина. И, кажется, я в своих предчувствиях не ошибся. Как то Сергей Кокорин мне признался, что Чехов и Шукшин – его самые любимые писатели, учителя на всю жизнь. И опять я порадовался за собрата по перу, ведь если сверять свои творения с такими вершинами, как Шукшин, то можно достичь многого. Именно так и живет Сергей Кокорин, его перо не отдыхает, а сам он – весь в новых идеях и планах. И результаты впечатляют. Только за последние два – три года он выпустил еще один сборник прозы, а его рассказы за это время неоднократно появлялись в наших журналах «Сибирский край» и «Тобол», печатали его прозу наши городские и областные газеты.

Одним словом, у Сергея Кокорина появился свой читатель. И это тоже закономерно, потому что сам литературный процесс последних лет представляется мне, как движение вширь и вглубь этого популярного у читателей жанра – короткой повести и рассказа. Продолжая эту мысль, скажу больше, - безусловно, вся наша новеллистика развивается очень бурно и поступательно. Происходит и определенная динамика жанра: углубляется психологизм, усложняются сюжетно-композиционные связи, усиливается и глубина художественного познания. И примеров не перечесть.

Один из таких примеров у меня прямо перед глазами. Да, это правда: на моём рабочем столе, на расстоянии дыхания от меня, - лежит рукопись новых рассказов Сергея Кокорина. А сам я только что закончил чтение этих страниц. И вывод мой однозначный, - итог: я убеждён, что рукопись – новая высота в творческой биографии нашего писателя – земляка. И снова, как и прежде, меня порадовал его авторский язык и то самое «шукшинское и народное» начало, которое чувствуется и в описаниях природы, и в диалогах, и в сюжетных трактовках. Конечно же, читая любого автора, ждешь от него новизны и каких-то оригинальных и самобытных характеров, то есть ждёшь открытий, и всё это есть в будущей книге Сергея Кокорина.

А для начала давайте откроем рассказ «Солнечный круг». Мне кажется, по размаху сюжета он мог бы называться и повестью. Да и состав действующих лиц очень обширен: перед нами предстаёт волшебный мир детства – жизнь сельских мальчишек со всеми их радостями и фантазиями, с их романтическими устремлениями и надеждами. Конечно, в такой жизни всегда много светлого, доброго, по-настоящему солнечного, золотого. И потому, наверное, не случаен и сам заголовок рассказа – «Солнечный круг». Не случайны и многие картинки природы, где тоже много

солнца, пронзительного света, любви. И само начало рассказа связано с этим словом – «Солнце вспыхнуло в комнате и отпечаталось на белой с синевой стене ярким оконным квадратом. Квадрат медленно передвигался к Сашкиному изголовью. Наконец, солнышко осветило его выгоревшую шевелюру и левую с поджившей царапиной щеку. Сашка часто-часто заморгал, проснулся и обрадовался. Обрадовался тому, что наконец-то дома! ...» Я с большим сожалением обрываю цитату, потому что дальше в рассказе начинаются удивительные события, но я не буду сейчас о них говорить. Не буду, потому что читатель во всём разберётся без всяких подсказок. И всё же я верю, что читательское сердце дрогнет и будет благодарно автору и за другой остро-сюжетный рассказ «Житейские хроники Бори Брусникина». Рассказ этот, на мой взгляд, читается на одном дыхании. Ведь на этих страничках много весёлых историй, много юмора, много самых точных глубинных наблюдений над современной жизнью, и мне снова хочется приводить примеры, - даже целые абзацы из этого увлекательного повествования, хотя все мои чувства можно заменить одной, только одной фразой – Сергей Кокорин хорошо знает жизнь и умеет об этом хорошо рассказать.

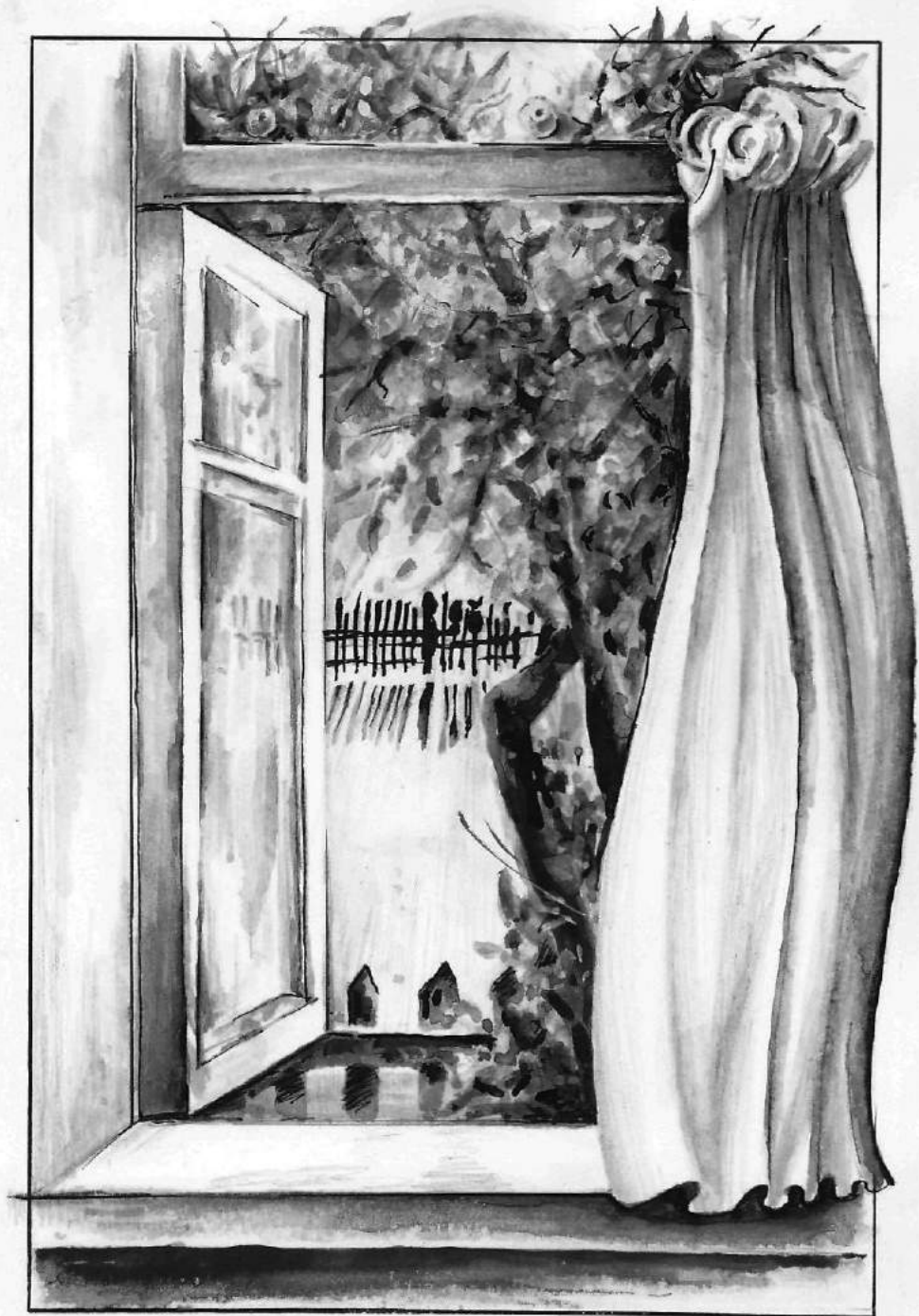
Впрочем, это знание жизни и глубинное проникновение в характер мы наблюдаем и в других рассказах из этого сборника. В таких, например, как «Конец Атамана», «Листовка», «От судьбы не уйдёшь», «Башкирки», «Встреча», «Благодарность»... Правда, в рукописи есть ещё и другие рассказы, но я снова обращаюсь к читателю – пусть он взглянет на эти страницы очень строгими и внимательными глазами. Впрочем, сам-то я убеждён, что рукопись Сергея Кокорина выдержит самый строгий и беспристрастный экзамен...

И всё же я допустил оговорку. Ведь я только что

употребил слово «рукопись», но за этими страницами мне уже видится что-то другое. Впрочем, вы уже догадались. Да, конечно же, - передо мной лежит уже книга. Очень нужная и очень талантливая книга, которая приходит к читателю в год Литературы в России. И я желаю этой книге счастливой судьбы и думаю, что у ней появится много друзей и поклонников. И я убеждён, что всё так и будет. И ещё я убеждён, - повторяю об этом снова, - что книга эта – новая высота в творчестве Сергея Кокорина. А если сказать ещё точнее, то перед нами книга самых сокровенных историй о простых людях – наших земляках-зауральцах. И эти истории рассказаны очень искренне и с большой любовью.

Виктор Потанин,
член Высшего Творческого Совета
Союза писателей России

СОЛНЕЧНЫЙ КРУГ

Солнце вспыхнуло в комнате и отпечталось на белой с синевой стене ярким оконным квадратом. Квадрат медленно передвигался к Сашкиному изголовью. Наконец солнышко осветило его выгоревшую шевелюру и левую с поджившей царапиной щеку. Сашка часто-часто заморгал, проснулся и обрадовался. Обрадовался тому, что наконец-то дома! Целый месяц он провёл в пионерском лагере и по дому очень соскучился. Соскучился по маме с папой, которые, наверно, уже ушли на работу, по младшему братишке – шестилетнему Костику, который ещё спал в своей кровати напротив Сашкиной кровати, по бабушке, которая уже пекла блины. Это было понятно по запаху, разносившемуся из кухни по всему дому. Запах щекотал ноздри, проникал внутрь и наполнял Сашку каким-то невероятным ощущением, от которого хотелось смеяться, кричать и прыгать. И если бы сейчас его спросили, что такое счастье? Он бы ответил: «Вот это! Это счастье! Сейчас я счастлив!»

Впереди было ещё почти два месяца каникул. От этой мысли хотелось петь. Увидев, что Костик открыл глаза, Сашка подскочил к нему, взял за плечи, стал тискать и трясти братишку:

- Ура, Костик! Костик, каникулы и я дома! Ура! Ура!

Костик хохотал и вертелся, пытаясь освободиться от крепких объятий брата. Он тоже был рад, что Саша приехал домой, потому что целый месяц с бабушкой очень скучно и тяжело. Всё время только дома и в огороде, а на улицу только с ней. А бабушка на улице сидит на лавочке и от себя не отпускает. В гости приходят только соседские бабушки. Тоска! То ли дело с Сашкой. Они пойдут играть в футбол – Саша вчера обещал. Потом, может быть, на речку или сходят погулять в центр – в парк и там попьют газировки.

В комнату заглянула бабушка:

- Проснулись? Ну, айда-те к рукомойнику и за стол. Я блинов напекла и квашёнку поставила. В обед пирожками вас попотчую.

Сашка погремел соском умывальника, добросовестно увлажнил овал лица и тщательно вытер полотенцем. Костик намочил кончики пальцев и немного потёр глаза с длинными, как у девчонки, ресницами. Братья наскоро заправили кровати и уселись за стол. С аппетитом уплетая блины, которые обмакивали то в блюде со сметаной, а то с сахаром, они вполуха слушали бабушкины наставления:

- Саша, Костика от себя не отпускай... Далёко не убегайте.

- Ба, мы на поле пойдём в футбол играть.

- На поле, так на поле. А боле никуда. А то мать ругаться будет, – снимая блины со сковородки, говорила бабушка, – и одёжу чисту оденьте, что мать приготовила.

Саша взял с дивана приготовленную мамой одежду и скривился. Рубашка новая, штаны выстираны и отглажены. Ну как он пойдёт играть с пацанами во всём этом? Чистюля такой! Даже неприлично – как маменькин сынок. А вечером дома ещё и спрашивать будут, зачем испачкал? Нет уж! Он решительно сунул приготовленную одежду под одеяло. Натянул старенькую футболку и штаны. Выбежал во двор. Нашёл футбольный мяч. Он был хорошо накачен и шнуровка аккуратно уложена – папа постарался для Сашки. Подождал Костика. Тот пробежал во всём чистеньком. Сашка подумал, что следить придётся за младшим братишкой. И сразу добавил строгости в голосе:

- Костя, меня слушаться и не отставать! А то больше с собой не возьму.

Костик радостно закивал головой. Конечно, он будет слушаться. Он только собирается в первый класс. А его брат уже большой мальчик – в третий класс перешёл, и ему уже девять исполнилось. Будущий первоклассник попрыгал на одной ноге и поделился с братом:

- Саша, а когда нас провожали из детского сада,

воспитательница меня дошколятом обозвала...Дай мне мяч, я понесу!

- Не нужно его в руках нести. Это ведь футбол. Ногами поведём – дриблинг называется. И ещё пас будем отрабатывать – ты мне пасуешь, я тебе.

Но Костику пасы и дриблинг быстро надоели. Мяч всё время летел в крапиву, в изобилии росшую у заборов в переулке, который вёл на футбольное поле, где были вкопаны жерди с перекладинами, изображавшие футбольные ворота.

Лишь только они появились на поле, раздался звонкий возглас:

- О! Серые идут! Щас на двое ворот играть будем.

У Саши с Костиком фамилия была Серовы. А на поле их уже поджидали Крюча – Пашка Крючков и Афоня – Генка Афонасьев. Они спрыгнули с огородного прясла и, подтянув штаны, двинулись навстречу братьям.

Сашка направил мяч Генке. Тот с ходу пнул его босой ногой.

- Ого! Как мячик напеткан – ногу больно!

- А ты не пыром пинай, а щёчкой, - подсказал ему Сашка.

Афоня – единственный из пацанов, кто всё лето ходил босиком. Сандали или ботинки ему родители позволяли одеть только первого сентября с началом школьных занятий. Отец у него был инвалид, а семья многодетная. Так что не пошикуешь. Зато пятки у Афони к сентябрю становились жёсткими, как колёса у полуторки, и никакие колючки ему были не страшны. Начали играть. Ещё счёт не открыли, как раздался разбойничий свист с огорода Пыриных, который тыльным забором выходил к полю. Из подсолнухов выскочил Васька Пырин и, лихо перемахнув прясло, подошёл к ребятам.

Васька был на два года старше Саши Серова, но с первого сентября будет его одноклассником. Потому что, во-первых, в школу пошёл с восьми лет, а во-вторых,

остался на второй год в третьем классе. Сашка даже рад был такому однокласснику. Ваську многие ребята уважали и боялись. Даже те, кто постарше. Васька Пырин был «отпетый». Так его называла бабушка. И не только она. Старший брат Пырина сидел в тюрьме. Целый год. За драку. Ещё у Васьки на левой руке была наколота буква «В». За эту наколку Васькин отец выдрал его ремнём. Но Ваське было всё нипочём и на всё наплевать. Он ничего не боялся. А плевать Васька умел красиво. Сквозь зубы. И свистеть умел громко, в два пальца. Плевать сквозь зубы Сашка тоже научился, а вот свистеть – пока не получалось.

- Поца, - обратился Пырин к пацанам, - айда в питомник за яблочками!

- До трёх голов, - Сашке хотелось поиграть, - и потом пойдём.

Васька присоединился к игре. Но футбол он не любил, потому придуривал – пинался по ногам и нарушал правила. Когда он отбил мяч рукой, Сашка закричал:

- Всё! Хорош! Бьём штрафной и заканчиваем.

- Какой ещё... Кому?

- Одиннадцатиметровый! Тебе!

- Пендаль, - подсказал Афоня.

- Не пендаль, а пенальти.

- Идите вы на фиг, со своими пенальтиями... Айда за яблочками!

Ребята уселись на пыльную вытопанную траву. Солнце уже поднялось высоко и начиналась жара. Сашка посмотрел вверх и зажмурился. Он любил солнышко. Чтобы солнцу пройти над всей нашей Советской страной нужен целый день от раннего восхода до позднего заката. Такая у нас огромная Родина. А по остальной земле солнце проходит быстро – не успеешь вечером глаза закрыть, а оно уже с востока в окошко заглядывает, опять начинает новый круг. Оно самое главное в солнечной системе. Вокруг него все планеты крутятся. И Земля тоже. Один оборот вокруг Солнца – один год. Сто кругов – человеческий век. Сто лет – это, вообще-то, много. Но Сашка был уверен, что через

сто лет, а может быть и раньше, изобретут лекарство от смерти, и он будет жить вечно. И Костик тоже. Наверное, успеют изобрести даже пока мама с папой живы. Хорошо бы! А то, что такое лекарство изобретут, Сашка даже не сомневался. Вон в сказках был ковёр-самолёт – изобрели самолёт и даже космическую ракету, ездил Емеля на печке – изобрели паровоз, был в сказках меч-кладенец – изобрели атомную бомбу, народу кладёт уйму! В сказках есть молодильные яблоки и живая вода? Есть! Значит изобретут.

Сашка посмотрел на младшего брата. Как с ним идти воровать яблоки? А если сторож? Не убежать.

- Я без Костика не пойду, а он тихо бегаёт, - объявил он Ваське. У Пырина на всё был готов ответ:

- Пусть с нами в сад не лезет. Посидит в защитной полосе. Оттуда смотреть легче. Яблочек мы ему и так дадим.

Группа налётчиков двинулась по грунтовой дороге в сторону сада. «Плохо будет, если с Костиком поймают, - рассуждал Сашка, - опять придётся мне отвечать. Васька от всего отопрётся. С него как с гуся вода!»

Тут Сашка вспомнил про гуся. Его застрелил Пырин из Сашкиного лука. Лук этот помог папа сделать из клёна. Он же и копьёнку для стрелы изготовил. Стрела была длинная с пером. Чудо, а не стрела. Сашка уверил отца, что будет стрелять только в забор. А когда лук показал Ваське, тот пришёл в дикий восторг. Натянул тетиву что было силы и бесшабашно выстрелил вдоль улицы, туда, где под уклон к котловану важно спускались гуси. Стрела взмыла вверх, блеснув на солнце наконечником и, пролетев полсотни метров, вонзилась крупному белому гусю прямо между крыльев. Белый гагакнул, растопырил крылья и остался лежать на земле вытянув шею. Подбежали, попытались вытащить стрелу. Куда там! Она вошла глубоко и безвозвратно, как гарпун. Убежали, пока взрослые не видели. Но бесполезно.

Вечером Сашкины родители уже знали о злодейском

убийстве гуся. Пришлось отвечать. Сашка просил прощения и клялся, что больше так не будет.

- Что ты нам объясняешь? – сказала мама.- Иди к хозяевам, к Поластровым, извиняйся и объясняй, как ты «нечаянно» в домашнюю птицу стреляешь.

Деваться было некуда. Сашка зашёл сначала к Ваське, позвать того вместе идти с повинной. Всё-таки не так страшно.

- Чё я дурак? – ответил Пырин. – Мой папка ничё не знает. А если я попрусь к дяде Яше, узнает. Опять «ремённую передачу» мне устроит. Сам иди, раз попался. А я признаваться не собираюсь.

Сашка дождался, когда к дому Поластровых подъедет ЗИС-5, на котором работал дядя Яша, и нехотя поплёлся туда. Раньше идти было нельзя. Потому что, если рассказать тётке Таисье, та раскричится, да ещё и хворостиной огреет. Очень Таисья за свою скотину переживала. Да и не только за скотину – за всё добро. А дядя Яша на фронте был офицером. Пулемётной ротой командовал. Он из-за гуся убиваться не будет. Ну поругает маленько и отпустит.

Сашка открыл калитку и заглянул во двор. Подумал, если собака залает на него, то он уйдёт и маме скажет, что Шарик не пустил. Но Шарика во дворе не было. Бегал, видимо, где-то с собаками. Заглянув в калитку, Сашка увидел, как тётка Таисья зашла в коровник. Он пробежал через загаженный курами и гусями двор, вошёл в дом. Поластровы жили в большом пятистеннике. А детей у них не было, оттого, как рассказывали бабушки на скамейке, Яков Михалыч частенько прикладывался к бутылке.

Саша вошёл на кухню. Хозяин в линялой серой майке сидел за столом, ел картошку с салом. Гость робко поздоровался:

- Здравствуйте...

- Не хвастуйте! – ответил Поластров и подмигнул пацану. У него было хорошее настроение. Сашка немного воспрял:

- Я, дядя Яша, извиняться пришёл. Гуся вашего – это

я, то есть не я, а ... в общем, вместе мы с... С пацанами, в общем, нечаянно. Не хотели, а вот вышло так, случайно застрелили. Простите!

Поластров продолжал есть, выбирая вилкой кусочки сала:

- Да, Саня, это, знаешь ли, серьёзно – нечаянно застрелили... У нас вот на фронте один офицера застрелил, так ему четвертак дали... Да...

- Какой четвертак?

- Двадцать пять лет лагерей. Вот какой.

Сашка, поняв, что сосед шутит и за гуся переживает не очень, совсем успокоился. Да и самое трудное было уже позади. Он признался, а теперь от него ничего не зависит. Теперь – как дядя Яша решит. Гусь, хоть и большая птица, но ведь не офицер, и, тем более, не корова. Корова одна в хозяйстве, а гусей этих вон сколько, весь берег на котловане засрала и купаться мешают. К тому же всё равно их съедят осенью...

Поластров как будто прочитал мысли незваного гостя:

- Вот, понимаешь, какую ты мне задачу задал – я теперь должен есть этого гуся, а летом я мясо не ем. Вот так, Саня. Что делать?

Сашка не знал, что делать. К тому же в том, чтобы съесть гуся, он проблемы не видел. Вот они бы с братом – запросто, а если бы не осилили, то Ваську бы позвали. Но предлагать дяде Яше помощь в этом деле он не стал. Поэтому промолчал.

В это время в хату вошла хозяйка. Она давно ощипала гуся и немного оправилась от этого горя. Теперь её мысли заняты были другой неприятностью. Надо было навоз убирать, а Яшка пьянел на глазах, собака такой. Опять где-то поллитру спрятал и прикладывается потихоньку. А она найти не может. Это с её-то опытом! То ли нюх стала терять? От этого без того вечно сердитая Тася Поластрова злилась. Потому что муж её, если выпьет, навоз возить не будет, а будет лежать на диване или уйдёт с удочкой на

реку.

- Яшка, где ты её прячешь, паразит?

- Кого, Тася?

- Не придуривай! Поллитру, кого...

- Не помню, Тасенька, - продолжал шутковать Яков Михалыч, - посмотри у кроликов, мобыть тамо...

- Тьфу, ты, шут гороховый! – Тася опять ушла.

Дядя Яша допил молоко из гранёного стакана. Поднял край свисавшей со стола скатерти. И Сашка увидел под столом бутылку с зелёной этикеткой. Он удивился, потому что бутылка не стояла на полу, а висела. Санька наклонил голову и заметил, что она была за горлышко привязана резинкой к гвоздику. Дядя Яша сунул стакан под стол, набулькал половину. Поправил скатерть. Выпил. И снова подмигнул Сашке:

- Вот так вот они и жили – работали до поздна и шею не мыли! – балагурил Яков Михалыч.

- Ну, я пойду, дядя Яша? – переминаясь с ноги на ногу, спросил Сашка.

- Пойди, пойди, кормилец ты мой – обеспечил мясом на неделю...

Сашка вышел и бегом припустил домой...

Ребята приближались к плодопитомнику учхоза. Последние сто метров решили пройти по защитной полосе, состоящей из зарослей акаций, клёнов и диких яблонек. Идти было трудно сквозь эти дебри, но нужно. Потому что в кустах их не видно, а сторожа – дядьку Накатникова, увидеть можно сразу. Он, сторож-то, не прячется, он на лошади. Его далеко видно. Пока продирались, Костик умудрился ухо расцарапать и порвать новую рубашку. Ох, уж это новое! Ухо-то заживёт, а за рубашку отвечать придётся.

Подошли к самому саду. До яблонь оставалось метров двадцать, которые нужно было преодолеть по открытой местности. Осмотрелись. Никого.

- Пошли!- громким шёпотом скомандовал Васька. Рванули вперёд сразу все. Каждый выбрал себе по яблоне,

и, нагибая ветки, принялись рвать яблоки вместе с листвой, быстро набивая пазухи.

- Вон она – медовая ранетка! - крикнул Пырин, налетел на маленькое деревце и начал драть его вместе с ветками. Потом и вершину обломал. «Правильно бабушка говорит – дикошарый!» - подумал Сашка. А на Ваську прикрикнул:

- Ну чё ты разорался?! Зачем деревце ломаешь? Крюча! Иди, глянь на тропинку.

Крючков подбежал к кустам, росшим у тропы на учхоз. И вовремя. Вдалеке увидел сторожа. Лошадь бодрой рысью несла его в сторону расхитителей учхозной собственности. Этот Накатников как будто чувствовал, когда к нему в сад залезают.

- Атаc! – крикнул Крюча.- Сторож в нашу сторону.

Ребята горохом бросились в защитную полосу, раздирая колючками и ветками одежду, царапая руки и лица. Выскочили на дорогу, побежали. Костик сзади всех, рядом Сашка. Нужно было брата подгонять и следить, чтобы яблоки из футболки не высыпались. Пробежали метров двести и, запыхавшись, упали в траву, распугав кузнечиков. Сторож на эту сторону не выехал. Видимо, сад осматривает. Поднялись и пошли шагом вдоль защитной полосы. Васька демонстративно вышел на большую дорогу и шёл там.

- Вася, сторож выскочит на эту дорогу и заметит, - предостерег его Афоня.

- А мне пофиг! – уплетая яблоки отвечал храбрый Васька.

Сашка поглядел назад, сделав правую руку козырьком. Придав голосу испуг, крикнул:

- Сторож!

Васька сайгаком прыгнул в кусты. Сашка расхохотался. Ребята, поняв, что это шутка, вслед за ним рассмеялись, хотя сами тоже спрятались. Васька вышел из кустов с порванными штанами. Расстроился до слёз. Огромный сатиновый лоскут свисал на правой ноге, обнажив колено и голень.

- Ты чё, гад, делаешь? – с кулаками подступил к Сашке. Костик моментально встал рядом с братом. Серов-старший ухмылялся про себя: «Это тебе за сломанную яблоньку!» Он Васьки не боялся. Знал, что один на один тот драться не будет. Пырину нужна поддержка пацанов, хотя бы моральная, а её не было – те давились от смеха, глядя на порванные сатиновые штаны. Васька злобно сопел в лицо Сашке:

- Ты чё сделал? Мне знаешь, что за эти штаны от отца будет?! – у него закипали слёзы. Серову стало жалко Ваську. Про его отца он как-то не подумал. Тот уж точно выдерет. И за меньшие провинности сына драл.

- Да ладно, я пошутил! Чего ты перепугался?

- Кто? Я? Сам, небось, в штаны наложил!

Сашка не ответил. Развернулся и пошёл вперёд. Инцидент был исчерпан.

Пришли на футбольное поле. Сели на забор, как куры на насест. Ели яблоки, вытирая их об одежду. Васька убежал менять штаны.

- Надоела эта кислятина, - Крюча вытер губы рукавом. – Щас бы дикого хрену на берегу накопать, да хлебушка с солью. Пойдём купаться? А, Саня?

- Сейчас Васька придёт и пойдём. А кто хлеба принесёт?

За хлебом идти никто не хотел. Домой придёшь – могут больше не отпустить. Дома всегда работа найдётся. Огород поливать, к примеру. Вон жарища какая стоит. Солнце уже к зениту идёт. Сашка посмотрел на Костика. Его тоже посылать нельзя. Бабушка заметит царапину и дома оставит.

- Больно? - спросил он брата и потрогал за ухо.

- Нисколечко! Я даже не заметил, - гордо ответил Костик, хотя ухо уже начало пощипывать. Он поплевал на ладошку и приложил её к царапине. Верное средство от боли.

- А в кинотеатре сегодня про пограничников кино, - вспомнил Афоня, - «Засада в горах» называется.

- Не «засада», а «застава», - поправил Сашка. – Денег-то всё равно нету.

Он задумался. Про пограничников очень хотелось посмотреть. Но на пятерых надо целых пятьдесят копеек. Новыми деньгами. А старыми – это целых пять рублей. Если бы Сашка был один, он просто стащил бы из курятника тайком от бабушки одно яйцо и сдал бы заготовителю. Оно как раз десять копеек стоит. А на пятерых надо пять яиц. Столько никак не будет. Бабушка регулярно собирает. Подошёл Пырин, переодетый в другие штаны. Ему тоже в кино охота. Васька долго не заморачивался, где взять деньги. Сразу же предложил:

- Айда на рынок! Базар копейку любит. Под торговыми рядами насобираем.

Идея всем понравилась. И хотя путь был не ближний, настроение поднялось. Все дружно двинулись в сторону базара. Молодец Васька! Он соображал быстро. Всегда и везде. Кроме школы. В школе у него наступал ступор. Особенно когда к доске вызывали. Пырин, хоть и двоечник был, но иногда делал домашние задания. Выучил он как-то стихотворение, вернее, ему дома казалось, что выучил. А когда вызвали к доске, забыл напрочь. Ну ни слова не помнит! Учительница подсказала первую строчку:

- Однажды, в студёную зимнюю пору...

Васька добросовестно повторил и снова замолчал.

- Ну, что же ты, Пырин? Не учил стихотворение? – учительнице не хотелось ставить очередную двойку.

- Учил я... Три раза прочитал.

- Скажи нам, если ты читал, о чём же говорит автор?

- Автор говорит о том, что в сильные морозы он выходил из лесу...

Одноклассники захихикали, и у Васьки совсем пропало желание отвечать. Он стал думать о том, как отлупит того, кто первый заржал.

Зато навсякое другое у него была память великолепная. Блатных песен он знал множество. Вот и сейчас – руки в брюки, загребая сандалями прокалённую солнцем пыль,

Васька напевал:

Гоп со смыком – это буду я,
Воровать – профессия моя...

Улицы были почти пусты. Городок изнывал от жары.

Из открытого окна слышно было радио:

Солнечный круг,
Небо вокруг –
Это рисунок мальчишки.

Нарисовал он на листке
И подписал в уголке...

Афоня дурашливо затянул припев со своими словами:

Пусть всегда будет водка,
Колбаса и селёдка...

У Генки Афонасьева был голос, как у Робертино Лоретти. Ему бы в музыкалке учиться, но отец не пускал – денег не было.

Васька закричал:

- Стой, Афоня! Давай другую!

И объявил как конферансье:

– Русская народная, блатная, хороводная «Не стой под окном, не копай замазку!»

Пацаны тоже закричали:

- Нет! Нет, Афоня! Давай «Терезу»!

Афоня затянул «Терезу» высоким голосом на мотив «Ямайки»:

Тере-е-еза, Тереза!

Два зуба, четыре протеза...

Васька стал приплясывать, вихляя тощим задом и выписывая кренделя ногами. Костик смеялся и подпевал Афоньке:

Одна нога у ней была короче,

Другая деревянная была.

Я часто просыпался среди ночи:

«Зачем меня маманя родила?»

Крюча, задрав футболку, отбивал такт ладошкой по загорелому животу.

Весёлая компания уже преодолела половину пути, когда Сашка заметил на деревянном заборе красивый плакат. На плакате было написано: «Выборы в Верховный Совет СССР». Ниже был портрет лысого дядьки, похожего на красного командира Григория Котовского. Плакат был весь синий и текст, и портрет. Сашка подумал: «Вот бы нам в штаб такой повесить!» «Штаб» - это сооружение из обрезков досок и ломаного штакетника в непроходимых зарослях клёнов за котлованом, которое смастерили они с пацанами и проводили там много времени, играя в войну или в разбойников. А заросли были такие густые, что попасть туда могли только пацаны и кошки.

- Гляди, Васька, какой плакат! В штаб бы такой!

- Так срывай! Чё смотришь?

Васька двинулся к забору, но Сашка его остановил – испортит ведь плакат:

- Стой, я сам! – Сашка аккуратно вытащил четыре кнопки. Костик подбежал помогать. Свернули плакат в трубочку и двинулись дальше.

- Саша, вон ещё один! – Костик пальцем показал на другую сторону улицы. Сняли и его. В это время недалеко от них открылась калитка и вышли двое парней. Они были постарше весёлой компании. Увидев плакаты в руках Серовых, они остановились:

- Эй, пацаны, а ну, стойте! Вы что это наглядную агитацию срываете? – парни приблизились.

- Ого, ты посмотри – два плаката сорвали. И хоть бы хны! Во дают охламоны! Давай к Лидке их, пусть разберётся.

Сашку и Пырина они схватили за плечи и завели в калитку. Васька хотел вырваться, но на него прикрикнули, оказав физическое воздействие. Остальные зашли сами – куда деваться?

Встали во дворе под сиренью. Один из парней зашёл в дом и вышел с девушкой лет восемнадцати с короткой стрижкой.

- Вот, Лида, хулиганов поймали. Срывали выборные

плакаты.

- Ба! Знакомые всё лица! Пырин, опять ты отличился!

Васька, шмыгнув носом, промолчал, вытер нос рукавом и отвернулся. Сашка узнал девушку, она часто бывала у них в школе. В райкоме комсомола работала.

- Это не он, это я... - Сашка был за справедливость.

- Зачем же ты плакаты сорвал?

- Он не сорвал. Мы их аккуратно снимали, - заступился за брата Костик. Он тоже был за справедливость. - Мы их в штаб хотели!

Сашка ткнул брата в бок, чтобы лишнего не болтал.

- Какой ещё штаб?

Костик замолчал и смотрел на Сашку.

- А как ваша фамилия?

Сашка подумал, вздохнул и выдавил из себя:

- Серовы.

- А вашу маму не Ольга Петровна зовут?

Серовы кивнули.

- Какой позор! Вот она узнает, что вы выборную кампанию хотели сорвать – что она вам скажет? Наверное, по головке не погладит! И отца вашего я знаю и ему расскажу...

Васька Пырин, поняв, что им уже не интересуются, вступил в перепалку с одним из парней, пригрозив тому, на всякий случай, что пожалуется старшему брату.

- Но, но, Пырин! Поговори ещё! Сейчас в детскую комнату милиции отправлю. И вас тоже, - сказала Лида братьям Серовым, - если ещё будете выборные плакаты срывать. Это дело политическое.

Сашка опять вздохнул. Он слышал от взрослых, что политическое дело – это плохо. Лучше бы на яблоках попались.

К их счастью, Лида куда-то торопилась и, велев парням повесить плакаты обратно, всех отпустила. Ребята вышли на улицу. Пырин вновь начал угрожать своему обидчику:

- Вот попадешься мне в нашем краю, я тебя... - грозился Васька.

Парень смеялся:

- Иди, иди, а то договоришь, сейчас наподою!

- Куда тебе с грыжей! – огрызнулся Пырин, удаляясь от парней. Чем дальше уходили ребята, тем жёстче становилась Васькина риторика. Парень погрозил ему кулаком.

- А вот тебе!- ответил Пырин жестом покруче.

- Хренов тебе полну шапку! Манду на воротник! – разошёлся Пырин, когда догнать его было совсем невозможно.

Остальной путь проделали почти без приключений. Пройдя через площадь мимо райисполкома, подошли к базару. Над воротами была надпись: «Колхозный рынок». Пошли вдоль рядов. Васька с Сашкой впереди, за ними остальные. Народу на рынке было уже не так много – не то, что утром. Однако продавцы все были ещё на местах. В основном это женщины и старушки, которые торговали овощами, яблоками, семечками, цветами. Мясной прилавок был уже пуст. Мужик на углу продавал карасей. На пацанов обратили внимание две бабки. Зашептались:

- Гли-кось, у Афонасьевых-то отец тележного скрипу боялся, а сынок по рынку широмыжничат!

Повернули за угол. Там с тыльной стороны рядов за зарослями лебеды и крапивы был лаз. Можно было залезть и проползти под полом всех торговых рядов.

- Серый, айда со мной, - Пырин подтянул штаны. - А вы,- обратился он к остальным, - стойте здесь на стрёме. Чтоб никто за нами не залез.

- А чё делать-то? – Крюче просто так стоять не хотелось.

Сашка протянул руку:

- Дай ножик!

Пашка вынул из кармана штанов перочинный нож, протянул. Серов старший открыл лезвие, начертил на земле круг и разделил его на три сектора:

- Вот! Играйте в «отрез земли». И никуда отсюда! - Сашка двинулся вслед за Васькой, - да, Косте разрешается

втыкать нож без переверота, а то в ногу попадёт ещё.

Васька полз по-пластунски вполне профессионально, Сашка за ним. Под рядами было сорно, пахло пылью и кошачьим дерьмом. Попадались издохшие кошки и голуби. Пацанов это не смущало. Цель оправдывала средства. Прямо над головой, скрипя, прогибались доски под грузными телами торговков. Меж разошедшихся досок были щели шириной с палец, а то и больше. Именно в них и проваливались монеты, оброненные на пол продавцами. Не ахти как много, но всё-таки... Пацаны ползли уступом, оставляя животами два следа среди пыли и мусора. Останавливались через каждый метр и внимательно смотрели вокруг, иногда хватали руками какую-нибудь дрянь, принимая за монету, или просто просеивали пыль меж пальцев. Монетки попадались нечасто. Были и старые. Новые-то деньги ввели совсем недавно. Хотя монеты достоинством в одну, две и три копейки были действительны и старые. Но, начиная с пятака, принимались везде только новые деньги.

Когда проползли ряды до конца, в потных и грязных кулаках пацанов было уже двадцать пять копеек. Посчитали. Поползли обратно. До лаза оставалось уже совсем немного, когда раздался плач Костика. Его Сашка узнал бы из тысяч других. Костя орал так, как будто ему прижгли пятки. Сашка ускорился, стремительно преодолев оставшиеся метры, вылетел из под пола весь в грязи и перьях. Вид его был страшен – волосы в мусоре и взъерошены, на грязном лице грозно сверкали глаза:

- Кто, Костя?! Кто тебя обидел?

Но братишка продолжал орать глядя на него полными слёз глазами. Сашка повернулся к Крючкову, тот попятился:

- Д-да, п-пчела это, Сы-Сы-Саня, - Крюча, когда волновался, начинал заикаться, - п-пчела его ужалила.

Сашка снова повернулся к брату:

- Подожди ты, не реви! Где ужалила?

Костя, глотая слёзы, кое как вымолвил с подвыванием:

- Спи-и-на!

Сашка стянул с него рубашку. Прямо, между лопаток, было красное пятно с точечкой.

- Успокойся, Костя, успокойся! Сейчас пройдёт. Хочешь, я подую?

- Не-е-т! Не поможет!

- Поможет. Подую, и пройдёт. Сейчас в кино пойдём. Мы деньги нашли.

- Нашли? – Костик сразу перестал плакать. – Правда нашли?

Васька Пырин тоже осмотрел место укуса. Деловито сказал:

- Надо яд высосать и песком посыпать!

- Нет, - Сашка сорвал лист подорожника, плюнул на него, – давай, Костя, прилеплю.

- Нет, нет! Больно будет, - запротестовал братишка.

- Ну, ладно, ладно! Не будем.

Ребятишки пошли в кинотеатр. Перед выходом с рынка Костику подфартило. Он нашёл десять копеек. Все пацаны по очереди посмотрели на десятчик.

- Молодец, Котьяка! – похвалил Пырин. – Давай сюда!

- Я сам понесу, - Косте не хотелось расставаться с денежкой.

- Ну, неси сам, только не потеряй!

Вышли с рынка. Повернули к кинотеатру. Нужно снова было идти через площадь.

- Ещё пятнадцать копеек надо найти, - беспокоился Сашка.

- Найдём, - Васька никогда не рассказывал, что у него на уме. А может, и не было сейчас ничего на его уме. Он делал всегда то, что в голову взбредёт. Сашка не сомневался, что Васька найдёт пятнадцать копеек. Встретит кого-нибудь, вроде Кольки Панюшкина, у этого Кольки всегда деньги были. У него отец работал заведующим хозяйственным магазином. И дом у них был железом покрыт. Васька весной Кольку заставлял ему пирожки каждый день покупать. Как встретит его – так пирожок, если с картошкой или с капустой – за три копейки, а если с повидлом – то за пять. И Колька

покупал. Куда денешься? Откажешься – по шее получишь. Один раз Панюшкин сказал, что у него нет денег. Васька удивился:

- Ты что, Колян? Как так? Дома забыл что ли, а? Ну-ка, попрыгай!

- Как это?

- А так это! Высоко прыгай! – Васька поднёс кулак к носу Панюшкина. – Чем пахнет?

Панюшкин подпрыгнул. Монеты предательски зазвенели в кармане. Васька щёлкнул его по лбу и, выгребая всю мелочь из глубоких Колькиных карманов, искренне возмущался:

- Как тебя в пионеры-то приняли, вруна такого?

Когда, торопясь в кино, уже шли через площадь, Костик запнулся и упал. Поднялся. Вроде не ушибся. Вдруг остановился и опять заплакал. Горько и безутешно.

- Чего ты, Костя? – Сашка положил руку на плечо брата.

- Я десятчик... прогло-ти-и-и-л!

- Как проглотил?

- У меня карманов нету – я его в рот положил, чтобы не потерять, а упал и проглотил!

Вся компания опять остановилась.

- Может быть откашляется, - предположил Афоня, - надо по спине постучать.

- Не надо, - рыдал Костик. – Там болит!

- Да ну, откашляется! В сортир надо! В сортир хочешь? – спросил Васька Костю.

Костя помотал головой:

- Не-а!

- Ну тогда всё. Бог дал, Бог взял. Проглот ты, Котья! Айда за мной!

Они обошли кинотеатр с тыла, подошли к дверям, из которых зрители выходили после сеанса.

- Вы все стойте здесь. А мы с Серым зайдём по билетам. Как только кино начнётся, мы откроем дверь. А

вы чтоб быстренько заскочили! Усекли?

Все, конечно, усекли. Васька с Сашкой ушли в кассу. Пырин, увидев, что в очереди одни дети, подошёл к мальчишке в очках, стоявшему у самой кассы, хлопнул по плечу:

- Здорово! Ты на нас занял очередь? Молодец! Как жизнь-то? Как родители?

- Я не занимал. Ты чего? – очкарик растерялся, но Васька уже сунул деньги в кассу:

- Два билета! – оглянулся на того, сделал свирепое лицо.- Как не занимал? Пойдём выйдем, поговорим?

Очкарик, заметив букву «В» на руке Пырина, испугался:

- Да ладно, я ничего. Бери, пожалуйста!

Взяв билеты, прошли в зал. Сеанс начинался через десять минут. Уселись на первый ряд, около выхода, дверной проём которого был закрыт плюшевыми занавесками блёкло-голубого цвета. Свет в зале погас и экран осветился. Сначала показали киножурнал «Новости дня». Сашку новости не интересовали, Ваську – ещё меньше. Лучше б «Фитиль» показали. Всё интереснее.

Наконец начался фильм. Как только пошли титры, Васька наклонился к Сашкиному уху:

- Давай! А я за контролёршей погляжу.

Контролер – грузная, пожилая тётка – возвышалась в другом конце зала на своём месте. Сашка нырнул за плюшевую занавеску, в полной темноте нашарил кованный железный крюк и стараясь не загреметь, осторожно поднял. Перевёл дух. Теперь, когда он откроет дверь, контролёр заметит уличный свет и счёт пойдёт на секунды. Толкнул, не поддавшись. Навалился плечом – дверь с громким скрипом отворилась. Сашку ослепил солнечный свет. Свистящим шепотом скомандовал пацанам:

- Быстро!

Ребята уже истомились на жаре и начали подумывать, не забыли ли про них. Они не заставили себя долго ждать, юркнули в зал. Ничего не видя в темноте после яркого

дневного света, на ощупь нашарили сидения, уселись.

Но в зале уже прозвучал грозный окрик дородной контролёрши, заметившей, что дверь открывалась.

- Что это там, а? – она направилась по проходу к мальчишкам. Контролёр, конечно, не помнила, сколько там сидело пацанов. На это и был расчёт. Как только она приблизилась, Васька опередил все вопросы:

- Тётенька, это Митька выскочил! Срочно. У Митьки, тётенька, понос. Он яблочков грязных поел...

- Я вам дам «понос»! А ну идите отседова, от дверей! Вон в зале местов полно.

Ребята с радостью перебрались подальше от экрана. Облегчённо вздохнули. А на экране уже всюю разворачивались интересные события – бандиты в чалмах готовились напасть на советскую погранзаставу. Полтора часа пролетели мигом. Наши пограничники сражались с басмачами – стреляли карабины, строчил пулемёт. Вражеские солдаты и лошади падали сотнями, но появлялись новые. Казалось, врагам не будет конца. Но советские пограничники выстояли.

Сашка давно для себя решил, что будет офицером. А теперь он точно знал, что будет именно офицером пограничником. Если, скажем, просто служить в армии, то войны можно и не дожидаться. Какая сейчас война? Опоздал он родиться. Советская Армия фашистов разгромила. Кто сейчас на нас напасть осмелится? Никто. А на границе каждый день схватка. Нарушители, они и в мирное время через границу лезут, чтоб всякие диверсии устроить. Нет, решено! Только пограничником. Можно даже собаку воспитать. Чтоб как Карацупа, с собакой шпионов отлавливать.

Когда вышли из кинотеатра, Костик даже про пчелиный укус забыл. Полон был впечатлениями. Всё к брату с вопросами приставал:

- Саша, а все заставы в горах? А почему наши на басмачей первые не напали? А в кого наши пограничники стреляли – в басмачей или лошадей?

- Конечно, в басмачей! Зачем в лошадей-то?

- А почему тогда лошади падали?

- Так они же потом вставали...

- А зачем падали? А почему басмачи потом не вставали?

У Сашки не было столько ответов, сколько было вопросов у Костика, поэтому он сказал:

- Будешь много знать – скоро состаришься.

Костя не боялся состариться, но вопросы, на всякий случай, задавать перестал.

Когда пришли снова на футбольное поле жара уже спала. Сашка достал футбольный мяч.

- Ну что? Сыграем!

- Похавать бы, - Васька сплюнул сквозь зубы, - а домой идти неохота – папка дома. Давай Костю пошлём, пусть хлеба принесёт.

Сашка почесал затылок:

- Его бабушка враз домой загонит. Если только она куда-нибудь вышла...

Сам Сашка рисковать не хотел. До темноты ещё часа три можно играть. А поесть и потом можно.

- Костя, сходи домой за хлебом. Если бабушка будет спрашивать, скажи, что скоро придём. Ну, прям очень скоро! Понял?

Костя закивал головой:

- Понял.

Он тоже есть хотел. Правда, суп или кашу он бы есть не стал, а вот хлеб с маслом – это вкусно. И сахаром посыпать. Костя убежал и про него вскоре забыли. Подошли ещё ребята, и началось настоящее футбольное сражение. Сашка носился по полю радостно и иступлённо, забыв про всё на свете. Он забил пять голов – больше всех. Васька опять пинал всех по ногам и зарабатывал штрафные. Потом и вовсе уселся на забор и стал всем подсказывать, как играть, и делал едкие замечания:

- Афоня, ну что ты ногами сучишь? Толкай, толкай его! Пас, пас! Шкет, Гусь! Чё вы ходите как беременные? Так и

старухи играть могут. Таран! Толя, бей! Бей, тебе говорят!

Толя Таранов, по прозвищу Тарантелла, имел сильный удар. Но в этот раз тяжёлый кирзовый мяч срезался с ноги и полетел не в ворота, а, описав дугу «сухим листом», угодил Пырину прямо в лоб. Васька взмахнул одновременно руками и ногами, кувыркнулся спиной назад, мгновенно исчезнув в зарослях картошки и лебеды...

Матч прекратился, когда солнце, закончив свою дневную работу, уже прощалось с пацанами, посылая свои закатные лучи сквозь верхушки далёкого соснового бора.

Сашка кое-как приплёлся к дому, спрятал мяч под навес, встретил во дворе отца с тяпкой. Тот уже после работы успел картошку прополоть.

- Как день прошёл, сынок? Бабушка жалуется, что на обед даже не пришли.

- Заигрались, пап...

- Давай-ка завтра, Саша, две бочки для полива из колодца наполни и морковку прополи. Не футболом единым жив человек.

- Ладно, пап.

Сашка настолько устал, что даже осмыслить задание не мог. А ведь колодец-то далековато. В две бочки, пожалуй, полдня таскать придётся... Он вошёл в дом. Мама, увидев его, только руками всплеснула:

- Саша, где ты столько грязи находишь? Поросята чище тебя. А ну, марш в баню! С ног до головы мойся. И одежду эту там оставь.

В бане Сашка окатился холодной водой и даже живот потёр куском хозяйственного мыла. Лицо без мыла умыл – глаза щиплет.

На кухне бабушка подала ему сковороду жареной картошки, положив сверху сметану, как он любит. Хлеба Сашка отрезал сам. Подвинул ближе кружку с молоком и навернул всё в пять минут под ворчание бабушки:

- Пошто, Сашка, ты такой поперёшной? С поля убежали, сам весь изгваздался, парнишку утискал. Он, сердешный, еле до постели добрался...

Умяв всю картошку и полбуханки хлеба, Сашка отвалился и посмотрел на вздувшийся живот. Вспомнил про удава, который целиком кроликов глотает. «Интересно, - подумалось ему, - вошёл бы кролик в мой живот?» Это была последняя его мысль в этот день. Уснул он моментально.

Младший братишка уже спал давно. Шевелил во сне губами и ногами. Ему снилось, как он убегает от сторожа, а кругом падают лошади и басмачи. Он во сне спрашивал брата: «Саша, а ты ещё возьмёшь меня в кино?»

Сашке снилось, что мама купила ему велосипед. Он сел и поехал. Мама кричала вслед: «Осторожней, Саша, не упади! Ты очень высоко летаешь!» Сашка посмотрел вниз на землю и увидел, что она далеко. Оказывается, велосипед взлетел, поднимаясь всё выше и выше. Колёса крутились, мелькали спицы, сверкал никелированный обод колеса. В нём отражалось солнце и слепило Сашку...

Он открыл глаза. Солнце уже заглянуло в комнату. Начинался новый день.

* * *

Геннадий Афонасьев начинал новую жизнь: он только что сделал предложение своей девушке и она согласилась стать его женой. Сам из себя парень видный и общительный – казалось бы, чего удивительного. Конечно, любая бы хотела иметь такого жениха. Было бы это так, если бы не некоторые обстоятельства. Генке было уже почти тридцать пять, а его невеста Нина на двенадцать лет моложе. Она только что институт закончила, а он только что с бывшей женой развёлся. Не первой свежести жених, так сказать. Геннадий любил Нину и, естественно, волновался – согласится или нет.

Возраст Иисуса Христа у Генки давно миновал, а за душой – ничего. Квартиру жене оставил, к своим старикам жить ушёл. Профессии серьёзной тоже нет. После армии всё время в культуре подвизался – пел, плясал да рисовал. Поработал директором дома культуры. А культработникам,

как известно, платят мало. Культура всегда финансируется по остаточному принципу. А в трудные времена и вовсе не финансируется, потому что кто-то там наверху считает, что культуре, как порядочной женщине, можно и не платить.

Поэтому, когда подул ветер перестройки и свободы, Генка ресторанным певцом заделался. Между тем многие его ровесники уже были крутыми бизнесменами. Так что исполнение песен в кабаке серьёзной профессией никто не считал.

Тем не менее, Генка сегодня был окрылён, готов был горы свернуть. Но гор сегодня сворачивать было не надо, а надо было договориться с директором ресторана Скалкиным на счет свадебного вечера. Скалкин ничего против не имел и сказал, что с удовольствием предоставит зал для его свадьбы. Поэтому Афонасьев считал день сегодняшний очень удачным. Вечер он отработал как положено. В конце с друзьями – завсегдатаями выпил хорошо. Что-то вместо прощального мальчишника получилось. И надо же было тут появиться заезжим музыкантам. Москвичи гастролировали в российской глубинке и сегодня прибыли в их городишко. Ансамбль довольно известный. Пришли они перекусить незадолго до закрытия ресторана.

Приятели Генку и подтолкнули:

- Гена, попроси москвичей – пусть сбациают что-нибудь и споют, душу потешат. Мы им забашляем.

Генка трезвый бы и не пошёл просить. А пьяный Генка совсем другой. Пьяные – все другие. Это, как известно, такое могучее и лихое племя, которое в состоянии изменить ход событий любой степени значимости. Их влияние на историю человечества ещё до конца не изучено.

Так вот, пьяный Генка подошёл к столичным гостям и попросил – так мол и так, уважьте, дорогие гости, сыграйте нашим ребятам, они вам заплатят. Те, видно, не в духе были – Генку послали. И далеко. И все слышали. Завязалась драка, в результате которой москвичам накостыляли. И хотя приехавшая милиция никого не задержала, признав драку обоюдной и разогнав местных по домам, до большого

начальства вся эта история докатилась, и наутро Скалкин сказал Геннадию:

- Чтоб ноги твоей больше в ресторане не было! Где хочешь, там свадьбу и устраивай. Хоть в пельменной на вокзале.

На этой почве Геннадий с Ниной и поссорился. Полоса везения закончилась. Надо было что-то делать. Афонасьев радикальные решения принимал только выпившим, поэтому, сколько он не напрягал свои извилины – ничего путного придумать не мог. Пока не выпил. А выпил – сразу понял, что надо делать.

Он достал из тайника ствол, что оставил на хранение Пырин перед тем, как его замели в третий раз. Это был пистолет Макарова с полной обоймой патронов к нему. Генка и думать про него забыл. Вспомнил, только когда пришла из колонии нехорошая весть – Василий Пырин скончался от отёка лёгких. Видать штрафные изоляторы окончательно подорвали Васькино здоровье. Помянув друга, Генка понял, что ствол теперь по всем понятиям принадлежит ему. Осознав это, снова про него забыл. А вот теперь вспомнил.

Достав пистолет, Гена вынул обойму. Убедился, что патроны на месте. Вогнал её обратно, передёрнул затвор, поставил пистолет на предохранитель и подался в ресторан. Войдя в кабинет Скалкина, постарался доходчиво ему объяснить, что очень важно, чтобы свадьба его с Ниной прошла именно здесь – в ресторане, где он работает. Потому что все о предстоящей свадьбе уже знают, и ему не объяснить ни Нине, ни всей родне, почему его – известного на весь район тенора, выперли из родного ресторана.

Скалкин быстро всё понял, да и как не понять, когда тебе в лицо, кроме пьяного Афонасьева, ещё и пистолет смотрит, и написал расписочку, что так, мол и так, ресторан он обязуется предоставить Геннадию Афонасьеву для проведения свадебного ужина. Как только Гена положил расписку в карман и собрался мирно покинуть кабинет,

чёрт дёрнул Скалкина за язык – выразил он сомнения в том, что пистолет настоящий. Ходишь, дескать, тут, газовой пукалкой пугаешь, вызову вот сейчас милицию! Не успел он договорить последнее слово, как Афонасьев поднял пистолет и одним выстрелом в крошки разбил канцелярский прибор, стоящий на столе директора:

- Убери мусор! И запомни, падла, хоть слово вякнешь – твоя башка разлетится также!

После этого Гена сел за столик и отметил восстановленную справедливость с постоянными посетителями, которые все были его друзьями-приятелями.

Поздно вечером, выкатившись из кабака, он решил зайти к Нине, чтобы помириться и сказать, что он всё уладил. Пройдя с километр по тёмным январским улицам и даже немного протрезвев от мороза, он подошёл к дому, где жила его невеста с родителями. Толкнул калитку. Она была заперта на засов. В окнах света не было, видимо обитатели дома уже спали. Однако это жениха не остановило. Встав на лавочку у высокого тесового забора и ухватившись руками за края досок, он перебросил ноги через забор. Вернее одну перебросил, вторая зацепилась за здоровенный гвоздь торчащий сверху. Руки сорвались, и Генка повис вниз головой, едва касаясь руками снега. Джинсы были фирменные, ткань прочная. Сколько Генка ни дрыгал ногами, сорваться с крючка не получалось. Кричать было неудобно. Решил немного отдохнуть и повторить попытку освободиться. Мороз крепчал...

Утром отец невесты увидел висящее на заборе безжизненное тело Генки. Куртка и рубашка расхристаны – видно голую спину. Голова вся седая. Когда подошёл ближе, понял – снег на голове. И не тает.

* * *

Генерал проснулся от боли в позвоночнике и включил ночник. На часах было половина четвёртого. «Всего три часа поспал, надо ещё попытаться заснуть, а то целый день как варёный буду». Проглотил таблетку, запив

тёплой водой из стакана. Стиснув зубы, повернулся на другой бок, пристроив поудобней контуженную ногу и понял, что проснулся он окончательно и заснуть вряд ли удастся. Стали одолевать мысли, как всегда беспокойные и тревожные... Под утро всё-таки удалось задремать. И опять снился тот же самый сон. Он преследовал генерала много лет с завидной периодичностью. То оставляя в покое на несколько недель или даже месяцев, то возвращаясь снова и каждую ночь доводя до исступления. Колонна остановлена на самом выходе из ущелья. Головные машины горят. В замыкающий БТР попадает снаряд, он тоже обездвижен. И снова – пулемёт... Сверху, со склона бьёт пулемёт. Прямо из-под солнца. Его не разглядеть. Солнце тоже бьёт по глазам. Пулемётчик стреляет такими длинными очередями, которые кажутся бесконечными. Генерал поднимает голову и отвечает из «Калашникова» короткой очередью. Пули из автомата вылетают тяжело, как будто он стреляет в воде или даже не в воде, а в какой-то раскалённой лаве. И отдача, такая отдача, что плечо ломит. Только почему левое? Разве он стреляет с левой руки? Он уже во сне понимает, что это сон. Надо пошевелиться, что бы проснуться, чтобы исчез этот бред. Он просыпается. Сердце бешено колотится и болит, болит... Всё хватит. Пора вставать. От этой предутренней дремоты никакого толку. Только вставать ещё тяжелее.

Мысли ночные не лучше снов. Воспоминания мечутся от даты к дате. Февраль восемьдесят девятого. Август девяносто первого. Октябрь девяносто третьего.

«За моей спиной не осталось ни одного советского солдата!» Как ни одного? А пограничники? Кто же выходящие войска прикрывал?

Демократы эти. Перестроились, переобулись: «Мы вас туда не посылали!» Конечно, не вы посылали, уроды! Вы же не знаете, что в стране, где солдаты не хотят воевать, воюет гражданское население и к людским потерям можно смело приписывать два нуля. Так потом и получилось.

А как получилось, что предатель смог дорасти до

генсека? Первый Президент СССР... Иуда первый! Или второй? Наверное, в памяти всего народа таковым и останется. И тридцать сребреников получил, не стесняясь – на виду у всего мира.

Если Президент в решающий момент спрятался, то почему у вице-президента затряслись руки? Он же там не один был. Ни одного не нашлось, чтоб здоровый приказ отдать. А ведь ждали, многие ждали этого приказа. И его дивизия тоже.

Народ и армия едины. Народ проголосовал за Советский Союз. Что армия сделала, чтобы его сохранить? Выскочка этот на танк залез. Тоже первый Президент. Только бы быть Первым! Даже ценой предательства страны и народа. Вот что деньги делают! Или власть? А впрочем – один хрен. Надо вставать.

Меж тёмных штор уже видно солнце. Генерал задёргивает их плотнее и включает свет. Он не любит солнце, даже ненавидит. Это началось после Афганистана. Он даже не может заснуть, если в комнату проникает дневной свет. Поэтому шторы в его спальне тяжёлые и плотные.

Пошёл на кухню, заварил кофе. Кофе до утренней гимнастики – привычка последних лет, когда всё тело уже стало болеть. И каждая старая царапина – а их, слава тебе Господи, как медалей – и каждый перелом болит. «Болит, значит живой», - усмехнулся генерал. Так вот, привычка – сначала кофе – потом гимнастика. Всё – таки, после кофеина легче растягивать мышцы. После гимнастики – горячая ванна, чтобы окончательно привести тело в порядок, затем контрастный душ. И после душа он ещё не совсем человек. Совсем в своей тарелке он будет в училище, среди офицеров и курсантов. Там, чувствуя себя занятым делом, серьёзным делом, он забудет про все раны и контузии и вечером, после прогулки он спокойно заснёт. Но ненадолго. Потом опять бессонница. И под утро этот проклятый сон, который совершенно его выбивает из колеи. «Чёрт возьми! Так ведь и психом можно стать», -

подумал генерал. «Может жена права – к невропатологу надо обратиться. Вот в отпуск пойду и схожу». Уже выходя из квартиры и нацепив тёмные очки, вспомнил: «Сегодня же надо Константину в Питер позвонить – поздравить с днём Военно-Морского флота». Вышел из подъезда. Шофер уже ждал. У генерала Серова начинался очередной рабочий день.

* * *

Я не был на своей малой родине почти сорок лет. Не потому что не любил или не тянуло, наоборот, очень даже тянуло, и часто я говорил себе: «На будущий год обязательно поеду!» Интересно ведь посмотреть улицы своего детства. Встретиться с пацанами. Они, понятно, не пацаны уже давно. Вот и надо посмотреть какими они стали.

Наконец я собрался. Если уж совсем точно – не я собрался, а так обстоятельства сложились, что в июле выпала неделя свободного времени. Ехать куда-то отдыхать или, не приведи господи, в турпоездку я не собирался. Машину я в прошлом году взял новую, поэтому дальняя дорога не страшила. Пятьсот километров до областного центра и оттуда ещё сто пятьдесят, до города моего детства – вот тот путь, который мне предстояло преодолеть. До города – это, наверное, громко сказано. Скорее городка, потому в нём в годы расцвета социализма жило всего пятнадцать тысяч населения, а сейчас, наверное, и того меньше.

Итак, я собрался, и уже от самого этого факта на душе у меня было легко и радостно. Созвонившись с единственной родственницей, которая жила на моей малой родине – а это была двоюродная сестра моего отца – я отправился в путь. Игнорируя известную поговорку «тише едешь – кобыле легче», я давил на акселератор, и мой внедорожник уверенно наматывал километры на новые шины «Континенталь».

Выехав рано утром, после обеда я уже медленно

ехал по улицам моего детства, внимательно вглядываясь в каждый дом. Проехав площадь, где я всё же узнавал стоящие здания, попал на улицу, где жила тётушка Лизавета, здесь я практически не узнавал ничего. Часть домов была перестроена, некоторые снесены – на их месте выросли новые красивые в сайдинге особняки, или, наоборот, несуразные строения из серии «сам себе архитектор». Видимо, хозяйева, решив строить по какому-то оригинальному, известному только им проекту, дело до конца не довели, отступив от первоначального замысла, и дом стоял, напоминая всем своим видом, что пироги должен печь пирожник, а строить дома – строитель.

Я решил проехать сразу на свою улицу, посмотреть родной дом, дома моих друзей и знакомых, а уж потом заявиться к Елизавете Ивановне, предполагая там долгие разговоры.

Свой крестовик я нашёл только по номеру. Вид его здорово изменился. Крыша была переделана, деревья в палисаднике выпилены – вместо них густо росла малина вперемешку с крапивой. Рядом стоял дом Серовых, который вообще превратили в двухквартирник, прилепив с двух сторон бревенчатые пристройки. Хотел войти, узнать, кто живёт, но калитка была заперта. Из дома напротив вышел небритый мужик, в грязной ветровке и кроссовках на босу ногу. Я поздоровался и спросил, кто сейчас здесь живёт. Закурив сигарету, он стал объяснять. Мужик оказался на удивление словоохотливым и, показывая на дома бурым указательным пальцем, называл фамилии проживающих и откуда они приехали. Получалось, что на моей улице жили люди со всех сёл и деревень района.

- А сам-то откуда? – спросил я его.

- Сам-то? Из Маслово.

- Что в Маслово-то не жилось?

- В Маслово-то? Колхоза не стало, работать негде.

Многие уехали, половина домов, считай, заколочено стоит.

- А здесь есть работа?

- Здесь-то? Здесь биржа есть, больница, опять же,

магазины... Ну, и халтура подворачивается.

Какая моему знакомцу подворачивается халтура я понял, взглянув через открытую калитку во двор. Там лежала гора металлолома.

Попрощался с мужчиной. Сел в автомобиль, развернулся, прыгая через колеи, и поехал к своей родственнице. Она стояла около своего пятистенника, разговаривая с какой-то женщиной. Когда я, подъехав к дому, вышел из автомобиля, она приставила руку ко лбу козырьком, как будто я был далеко, или солнце её слепило, и громко спросила:

- Толик, ты что ли?

- Я, я, тётя Лиза.

Мы обнялись. Я подхватил свою сумку, и мы вошли в хату. Поскольку я не знал, какой подарок купить Елизавете Ивановне, то набрал продуктов. Сейчас я вытащил их из сумки, и мы стали всё это определять по местам.

- Куда столько набрал? Куда столько? – кудахтала тётя. – У меня и места в холодильнике столь нету!

- В холодильник только колбасу и сыр, тётя Лиза. Банки и коробки можно и по полкам растолкать.

- А я борща тебе наварила. Вон, большую кастрюлю отыскала. Одна живу, так себе-то варю в маленькой.

Елизавета Ивановна действительно борща наварила много. Кастрюля была литров на пять.

- Тётя Лиза, нам за неделю это не съесть!

- А ты больше живи. Куда торопиться? В отпуске ведь.

Пообедав, мы ещё долго сидели за столом, разговаривали. Ничего, в общем-то, тётя Лиза про моих дружков и одноклассников не знала. Уехали все. А куда уехали? Живы ли? Зато перечислила мне всех умерших родственников и своих знакомых, и знакомых моих родителей.

Пока не свечерело, я решил посетить кладбище. Всего пятнадцать минут езды. На старое кладбище я не поехал, знал – уже лет тридцать хоронят на новом. И хотя я ожидал увидеть нечто подобное, всё равно был

неприятно удивлён – кладбище было большим, просто гигантским. «Дистанция огромного размера» - вспомнил я слова известного полковника.

Я брёл меж рядами могил, читая фамилии и даты. «Вот они где все – мои друзья, одноклассники и просто знакомые. Поэтому на улице никого не встретишь», - подумал я. Настроение моё становилось гнетущим. Целый час я бродил по городу мёртвых, вглядываясь в фотографии. Потом почувствовал, что поднялось давление. Дальняя дорога сказалась и тягостное впечатление. Голова заболела, глаза давило. Когда садился в машину, глянул в зеркало – глаза были красные. «Глаза мои налились кровью, а сердце – слезами», - подвёл я итог экскурсии по кладбищу.

Проезжая мимо магазина остановился. Решил взять бутылку коньяку, помянуть всех с Елизаветой Ивановной. В небольшом тесном магазинчике был один покупатель – старик, одетый в пиджак и тренировочные штаны с лампасами и вытянутыми коленками. Он долго считал мелочь, потом сказал:

- Нет, Люба, п-пива не надо. Давай мне б-бутылку портвейна.

Продавец убрала с прилавка бутылки с пивом и сердито заметила:

- Вас, Крючковых, не понять, то тебе пива, то портвейна!

Поставила на прилавок портвейн. Покупатель затолкал бутылку во внутренний карман пиджака и направился к выходу.

- Крюча!- тихонько окликнул я.

Тот неожиданно резко повернулся и стал всматриваться мне в лицо:

- Не узнаю. Темно здесь. Айда, выйдем на крылечко.

Я вышел на крыльцо вслед за ним:

- Ну давай, Паша, смотри. Неужели не признаёшь?

- Нет. Не признаю.

- Таранов я.

- Толька? Тарантелла! – он засмеялся, показав

железные зубы. – Ты же рядом с Серовыми жил! Где же узнать? Это сколько же лет прошло? Почти вся жизнь, а, Толик? Может быть за встречу? А? – он щёлкнул себя безымянным пальцем под подбородок.

- Сейчас, Паша,- я вернулся в магазин, взял коньяк.

Мы с Крючей сели в машину. Работал он сторожем в леспромхозе и как раз собирался на работу. А бутылочку взял, чтобы ночь быстрее прошла.

- Ты разве не на пенсии, Паша?

- Какая пенсия? Рано ещё. Ты что забыл, сколько мне лет?

Действительно, чего это я? Мы же с ним с одного года.

Когда вошли в помещение, Крюча отодвинул стул, стоящий у стола:

- На стул не садись, ножка отваливается. Вон, на диван приземляйся.

Я присел на обшарпанный, продавленный диван, стоящий у стенки. Пашка убрал со стола чёрный телефон с истёртым диском и треснутым корпусом, при виде которого я подумал: «Вот ещё один наш ровесник».

- Днём в этом кабинете завхоз располагается, а с пяти вечера до восьми утра – я, ночной директор. – Хозяин расстелил на столе газету и включил металлический электрочайник. – Сейчас чайку заварганим. Давай рассказывай, как живёшь? Какими ветрами сюда занесло?

- Да уж точно ветрами... Ветром кран в порту завалило. Вот у меня кратковременный отпуск и образовался. Я ведь на берегу уже третий год работаю. До этого – на танкерном флоте, потом на сухогрузах. Дети выросли, разъехались. Вдвоём с женой живём. – Сказал и подумал: «Надо же, жизнь почти прожил, а помещается она в двух словах. Можно, конечно, рассказать, где был, что видел. Сколько пережил пожаров, аварий и столкновений. Но это ли сейчас главное?» - давай лучше ты, Паша, рассказывай. Я ведь ничего про наш город не знаю. Только на кладбище знакомые фамилии и встретил.

- Да, кладбище... У меня там батя и старший сын.

- А сын-то чего?

- Застрелили его. Видел там аллею «братковских» могил? Памятники как Героям Советского Союза. Все высокие, мраморные. Вот ему там же памятник... Дружки поставили. Из армии в девяносто седьмом демобилизовался – там работать не хочу, здесь – не буду... Да и не было её ни хрена, доброй работы. Не сторожем же ему, в самом деле. Ну и связался с этими. Я когда узнал, что они творят, мы даже подрались с ним... Аккурат за месяц до его смерти. А я уж думаю – лучше так, чем по судам да по зонам всю жизнь...

Крюча сам себя утешал. Видно было, как больно ему. Я не знал, что сказать, и открыл коньяк:

- Давай, Паша, помянем тех, кто на кладбище, и сына твоего. Как его звали?

Пашка махнул рукой:

- Романом звали.

Он разложил на столе закуску – всё, что принёс с собой, чтобы подкрепиться за долгую трудовую ночь: три варёных яйца, соль, луковицу, два огурца, кусок дешёвой колбасы, немного печенья и горсть карамелек, хлеб, конечно, и две картофелины.

- Я смотрю, твоё меню за сорок лет не изменилось. Помнишь, в походы ходили – почти такой же набор был. А отец твой – дядя Коля, давно умер?

- Давно... Как Союз развалился, захворал. Он перед этим только на пенсию ушёл. А когда промкомбинат остановился и оборудование стали растаскивать – он сразу и умер. Комбинату-то всю жизнь ведь отдал – строил его, потом главным инженером работал. Помнишь, бегали к нему на работу?

- Конечно, помню.

Как всё-таки ужасная энергия распада огромного государства разрушала всё: начиная от армии, кончая заводами, деревнями, колхозами. И людей. Людей тоже разрушала.

- Пашка, помнишь, в шестом классе учились – первое

место в городе выиграли в «Кожаный мяч»? Сашка Серый капитаном команды был, помнишь? Фотография ещё была, где мы все с тренером Иваном Потаповичем. У тебя она сохранилась?

- Где там! Я же столько квартир сменил за эти годы...

- И я тоже свой фотоальбом посеял. Сгорел он у меня в каюте во время пожара на теплоходе. Я тогда деньги и документы успел взять, а фотки забыл. Дурак. Документы-то восстановил бы и денег этих сколько потом заработал, а фотографии-то всё – не восстановишь. Глянуть бы на всю нашу гоп-компанию...

До утра просидели мы с Крючей в его сторожке, угощаясь вперемешку – то чаем, то коньячком. Пашка мне рассказывал, чем жил мой родной городок все эти сорок лет, потому что он, как выяснилось, практически не выезжал отсюда:

- ... А сам я после армии техникум закончил, женился. Лыжи не бросил, нет. Мастера спорта выполнил. Мне бы вовремя на биатлон переключиться. Сейчас бы тренером работал. Надо было уезжать отсюда. Кто уехал – тот и живёт, а кто остался – тех уж в живых нет. Мало кто до пенсии дотянул.

Я смотрел на Пашку, и мне казалось, что я разговариваю не с ним, а с его отцом. Потому что перед глазами всё время был тот Крюча – белобрысый, в коротких штанах, истрёпанных ботинках и с перочинным ножом, который мы с азартом вонзали в землю, делая нарисованный круг. Как будто на фотографии стояли в моём воображении пацаны – закадычные друзья моего детства, милые моему сердцу весёлые оборвыши.

Я вышел на улицу в четыре утра. На северо-востоке уже вставало солнце, начиная новый круг.

ЛИСТОВКА

Посёлок Краснозаводский вышел из эпохи гласности, ускорения и перестройки с большими потерями, как, впрочем, и вся страна. Лишь по его названию можно было догадаться, что здесь когда-то была промышленность. Три кирпичных завода остановились ещё пятилетку назад – в девяносто первом. Потому рабочего класса в рабочем посёлке больше не было, а были безработные, пенсионеры, бюджетники и представители развивающегося малого бизнеса, которые этим бюджетникам и пенсионерам продавали товары под запись, так как одним регулярно задерживали зарплату, другим пенсию.

Низы не хотели жить без денег, верхи не могли их выплатить. Поэтому, чтобы не случилось новой перестройки или, не дай Бог, революции, нужно было развивать демократию дальше. На ноябрь были назначены выборы главы посёлка, главы района и губернатора, то есть всех тех, кто будучи облечён доверием народа ответит за всё то, чем народ недоволен и, естественно, поведёт к светлому будущему, которое теперь представлялось исключительно в виде развитого капитализма с человеческим лицом.

Владимир Ильич Цветков, учитель истории, вернулся домой после уроков в некотором возбуждении. С порога окликнул жену:

- Лида! Лида, ты представляешь, мне предложили баллотироваться на главу посёлка!

Супруга, стоявшая у газовой плиты, удивлённо повернулась, прекратила помешивать суп и опустила крышку мимо кастрюли. Крышка загремела с плиты и, прокатившись по половичку, ткнулась в ботинок Цветкова.

- Кто, Володя? Кто предложил?

- Ну, коллектив наш... Ваня Петухов – учитель физкультуры, физик Семёнов Владимир Гордеич, другие ...

- Фу ты, напугал! А я уже подумала – что они там, в администрации, с ума посходили? - Лида подняла крышку

с пола и отёрла полотенцем. – Какой из тебя глава?

Владимир Ильич возмутился:

- А сейчас какой? Ты посмотри, что вокруг творится – дороги разбитые, кругом бурьян да мусор, амбулаторию закрыли, зарплату не платят...

- Да, да... Выберем Цветкова, он всем всё сразу и заплатит... Садись обедать, без тебя большевики обойдутся.

Цветков обедать сел, но разговор не закончил. После каждой ложки щей он приводил жене новый аргумент – почему он должен возглавить администрацию посёлка. Собственно, он повторял то, что говорили ему коллеги несколько часов назад, уговаривая его выдвинуть свою кандидатуру на выборах главы Краснозаводского поссовета. Но Лида, его умница Лида, на этот раз Цветкова не поддержала, легко опровергая его доводы своими мудрыми замечаниями.

Владимир Ильич был, признаться, несколько обескуражен тем, что жена его решение не одобрила. В трудные минуты жизни он всегда рассчитывал на её поддержку. Его раздражало и ещё одно обстоятельство – он понимал, что Лида права.

С вечера Цветков долго не мог заснуть. Обдумывал все «за» и «против». Утром, когда зазвенел будильник, Цветков уже точно знал – никуда он выдвигаться не будет. На работе, однако, уже весь коллектив был в курсе, что Цветков баллотируется на выборах главы посёлка. Все выражали поддержку и говорили слова одобрения. А двое «подстрекателей» - Петухов и Семёнов - вновь стали его уговаривать:

- Ты посмотри, кто выдвигается: одни безработные да предприниматель Лёнька Кобяков. У него же семь классов и коридор! Представляешь, что будет твориться в посёлке, если его главой выберут? Давай, Володя, не сомневайся. Вперёд и вверх! Вместе мы горы свернём!

Цветков отнекивался, отмалчивался, сомневался. К вечеру вновь появились дерзновенные мысли: «А почему бы и нет? Столько людей поддерживают! Что я не справлюсь, что ли? Если уж Лёнька-лавочник собрался избираться... Я

то чем хуже?»

Вечером он твёрдо заявил жене, что решил выдвигаться. Та на этот раз спорить не стала – может, к утру снова передумает. Вздохнула только и сказала:

- Ты всё-таки ещё раз всё обдумай, Володя.

Цветков сказал «угу» и больше на эту тему не заговаривал. Боялся, что Лида его снова переубедит, а он уже заявил коллегам, что будет участвовать в выборах.

На следующий день он пришёл с работы не один. С ним были физик Семёнов и физрук Петухов. Разделись, прошли в гостиную, принялись обсуждать – как начинать выборную кампанию? Вскоре пришли к выводу, что никто из них не знает, как её начинать, эту самую кампанию.

- Давайте к Толоконникову обратимся, - предложил Ваня Петухов, - он мой родственник. К тому же депутат поселкового совета. Давно в этой каше варится.

Предложение приняли. Толоконников – пенсионер, временем располагает. А как бывший начальник почты многих людей знает и авторитетом пользуется. Решили завтра вечером его пригласить. На том и разошлись по домам.

Толоконников Василий Григорьевич с готовностью согласился участвовать в выборной кампании Цветкова, потому что – во-первых, считал его кандидатуру очень даже подходящей, а во-вторых, очень активен был по жизни Василий Григорьевич, любил участвовать во всяких там выборах, собраниях и митингах. Пришёл он не один – с Таисьей Михайловной Спичкиной, тоже пенсионеркой и активисткой ветеранского движения.

Лида Цветкова усадила всех гостей на кухне, поставила чай и печенье. Сама ушла в комнату бельё гладить, но за ходом беседы внимательно следила, разговор ей хорошо было слышно.

Начал Толоконников:

- Сначала нам, товарищи, надо определиться, за что мы будем голосовать...

- Ты, наверно, хотел сказать «за кого»? – перебил

Петухов.

- Нет, племянничек, я сказал то, что хотел сказать. Именно – за что? У кандидата должна быть программа с его планами – чем он будет заниматься, чего добиваться и какие наболевшие вопросы будет решать в первую очередь. Есть такая программа? Нет. Значит, бери, Владимир Ильич, авторучку, бумагу и пиши: пункт первый – разработать программу, пункт второй – ознакомить с ней избирателей, то есть это и будет, собственно говоря, агитация. Здесь нужно распределить обязанности. Сам Цветков и Петухов возьмут на себя коллективы школы, двух детских садов и профтехучилища, мы с Семёновым – остальные учреждения, Таисья Михайловна проведёт работу с пенсионерами. Конечно, эту программу надо напечатать, то есть листовку выпустить. Это я тоже могу взять на себя. В листовке же кратенько биографию кандидата...

- Зачем это, Василий Григорьевич, меня и так все знают, - возразил Цветков.

- Ишь ты, какой самоуверенный! В посёлке шесть тысяч населения. Так уж и все знают? Я вон всю жизнь здесь прожил, а меня некоторые на улице не узнают, а его «все знают»! Надо, Володя, надо.

Толоконников назвал ещё несколько пунктов, по его мнению, обязательных к выполнению.

- А вообще надо было начать не с этого, а с того, что создать избирательный штаб и выбрать начальника штаба, - закончил Василий Григорьевич и посмотрел на Цветкова.

- Так тебя и выбрать! Кого больше? – сразу ответил тот.

- Ну меня, так меня, я согласен, если другие не возражают.

Другие не возражали, а наоборот, очень даже были согласны.

- Коли так, договариваемся на берегу – чтоб меня слушаться. Сами выбрали, я вас за языки не тянул. Собираться будем каждый день и докладывать, - кто

что сделал. За полтора месяца нам буквально с каждым жителем поговорить надо. Кобяков дремать не будет – у него деньги большие и дружков в посёлке хватает.

Работа избирательного штаба кандидата Цветкова закипела. Собирались каждый вечер дома у Цветковых. Собственно, больше нигде было. Лида едва успевала чай с печеньем покупать. Запасы варенья таяли. Но на эти мелочи никто не обращал внимания. Лида тоже. Она втянулась в работу избирательного штаба. Её, как и всех, охватил некоторый азарт, и она уже хотела, даже очень хотела, чтобы её Володю выбрали главой. О том, как он справится с новой должностью, она старалась не думать.

Записной балагур Ваня Петухов шутил, что они как заправские марксисты каждый вечер – у Владимира Ильича, а Лиду называл Надеждой Константиновной.

- Владимир Ильич Ленин был голова, - говорил Толоконников после таких шуток, - представьте себе – в тысяча восемьсот девяносто пятом году ему всего двадцать пять лет было, а он все марксистские кружки Петербурга взял и объединил в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»...

- Да, жаль, потом союз бунтарей опасных превратился в КПСС – сочетание глухих согласных, - балагурил Петухов.

- Ты, Ванька, КПСС не трожь, - обрывал его Василий Григорьевич, - ты вот за Ельцина голосовал, а что дал народу твой Ельцин?

Спустя две недели Толоконников привёз из райцентра три пачки листовок. Пачки были перетянуты шпагатом. Листовки пахли морозом и типографской краской, как пахнут свежие газеты зимой. Все с интересом разглядывали агитационный материал. На листовке был портрет Цветкова. Владимир Ильич на нём был совсем не такой, как в жизни – солиднее, что ли, немного уставший, озабоченный и красивый.

- Володя, а ты у нас, оказывается, фотогеничный, - сказала Таисья Михайловна. А Лида и вовсе выпросила одну листовку лично для себя. Она никогда не видела фото

мужа в печатном варианте, и ей портрет очень нравился. Листовку она решила оставить на память и, чтобы не потерять, положила её в самый солидный в доме грессбух – «Книгу о вкусной и здоровой пище».

Когда до дня голосования оставалось дней десять, Толоконников заявил, что пора провести встречу с избирателями в Доме культуры с участием всех основных кандидатов и устроить, так сказать, смотр предвыборных программ.

- Зачем это, Григорьич,- завозражал Цветков, - и так уже почти все коллективы прошли...

- Надо, Володя, обязательно надо. Пройти-то, мы прошли, но нет у нас, понимаешь, объективной оценки ситуации – кого больше избиратели поддерживают. Кстати, ты-то как раз в этом заинтересован больше, чем Кобяков. Там ведь люди вопросы задавать будут, дебаты возникнут. Ты за словом в карман не лезешь – учитель всё-таки. А Лёнька двух слов связать не может. Вот и пусть народ смотрит и сравнивает.

- А если он не придёт?

- А не придёт – проявит неуважение к избирателям. Опять же это тебе в актив пойдёт.

Лида заставила Цветкова на встречу с избирателями одеть новый костюм, несмотря на сопротивление мужа:

- Ты, Володя, всё-таки в клуб идёшь. Со сцены выступать будешь. И белую рубашку надень. Вон, какой красавец на листовке-то получился!

Из пяти кандидатов на должность главы посёлка Краснозаводский в клуб пришли только двое – Цветков и Кобяков. Вернее пришёл только Цветков, потому что Кобяков приехал на выдавшем виды автомобиле. Но на каком! Лёнька подъехал к поселковому дому культуры на «Мерседесе». И не сам подъехал – за рулём сидел водитель. А как он вышел из машины! Леонид Ильич Брежнев так не умел выходить из автомобиля, как вышел Леонид Иванович Кобяков. Народу уже собралось много, и люди смотрели на него во все глаза. Другой бы на его месте смутился,

но Лёнька, по счастью, этого делать не умел, поэтому он кивнул, вальяжно и небрежно, причём всем сразу и один раз. Хватит. Вот! Вокруг суетились его друзья-приятели и до ушей Толоконникова донеслось, что они называли его «Кобой». «Коба» - такая кличка звучала круче, чем «Ваше величество». И когда Леонид приблизился к ним, Василий Григорьевич не удержался:

- Лёня, что же это ты у Иосифа Виссарионовича партийный псевдоним украл, а? Тебя же всё жизнь «Бякой» звали?

- Чего ты? Не знаю я никакого ... А! – Лёнька махнул рукой. – Как хочет народ, так пусть и зовёт, мне всё равно.

Вокруг стоящие мужики засмеялись. Хохотнул и Лёнька вместе с электоратом. А чего ж?

На сцену поставили стулья и жёлтую тумбочку. На тумбочке стоял стеклянный графин с водой, тоже жёлтый, от старости, наверное. Народу пришло много. Зал на триста человек был полон.

Кандидаты поднялись на сцену. Леонид Кобяков выглядел солидно, он был много выше и толще Цветкова. В малиновом пиджаке с золотыми пуговицами, с набриолиненными и зачёсанными назад волосами – он сверкал, как новенький рубль. На сцену Кобяков поднялся не один, а с каким-то незнакомым мужиком в очках. Толоконников сообразил, что это помощник Кобякова. И тоже поднялся и уселся рядом с Владимиром Ильичом. Председатель избирательной комиссии Галина Ивановна Круглова представила залу двух кандидатов, сообщила, что остальные не пожелали участвовать в публичной встрече, и первую предоставила слово Леониду Кобякову. Это опять же опытный Толоконников ей подсказал. Потому что – так по алфавиту, да и последнему выступать Цветкову будет легче.

Лёнька по бумажке зачитал свою предвыборную программу, явно откуда-то переписанную, но с включёнными в неё лично его кобьяковскими пунктами. Василий Григорьевич заёрзал на стуле. Ему как раз по

этим пунктам хотелось проехаться. И, как только стали задавать вопросы, он спросил Кобякова:

- Скажи, Леонид Иванович, у тебя пункт в программе: «Регулярно оказывать материальную помощь пенсионерам». Это как? Деньги раздавать будешь?

- А чего уже? Я уже конкретно, это самое... Реально, в натуре, оказываю. Продукты там под запись, сигареты, вино... Другие товары первой необходимости. Пшено и хлеб вообще бесплатно даю и всегда буду давать...

Зал реагировал по-разному – кто-то крикнул: «Молодец, Лёня! А то совсем стариков забыли». Кто-то, наоборот, уверял: «Брешет всё! После выборов забудет».

- А такой пункт, - продолжал въедливый Толоконников, - «Решить вопрос с пенсиями», это что в вашей компетенции?

Помощник Кобякова, видя, что сейчас Толоконников загонит Лёньку в угол, вмешался:

- По этому пункту мы уже работаем. Письма написали во все инстанции. Нам обещали помочь. Леонида Ивановича там, - очкарик показал указательным пальцем на потолок, - поддерживают!

- Во как! – удивился Толоконников, - а я думал там, - он тоже показал на потолок, - и без вас знают, что у нас с пенсиями творится...

Дебаты разгорелись не на шутку. Когда Цветков доложил свою программу, его тоже закидали вопросами, среди которых главный был: «А где ты, учитель, возьмёшь деньги для решения этих проблем».

Владимир Ильич долго объяснял про пути и механизмы решения задач, про источники финансирования, а в конце разошёлся и заявил:

- Просто поеду и добьюсь финансирования! Не уйду из кабинетов, пока денег не дадут. Ночевать там буду!

Ему тоже кричали: «Молодец!», а кто-то наоборот: «Не за своё дело берёшься, Цветков!»

В общем, как пишут в отчётах – мнения разделились. Вечером, подводя итоги «лобового столкновения»

кандидатов, Толоконников резюмировал:

- Почивать на лаврах рано, товарищи. Кобякова многие поддерживают, едва ли не половина избирателей. Бесплатное вино и пшено свою роль тоже сыграли. Так что оставшиеся дни нужно работать во все лопатки.

И они работали. Цветков до того вымотался – бессонница началась. Заснуть не мог подолгу. Расстраивался, а вдруг проиграет выборы? Вот позор-то будет! Скажут, не оказал народ доверия, не поверил! Стыдно будет перед коллективом школы, перед сыном третьеклассником, перед женой, а ведь она говорила – не слушал!

Владимир Ильич, и без того ожирением не страдавший, похудел килограммов на пять, не меньше, и костюм на нём как на вешалке болтался.

Наконец наступил последний вечер перед днём голосования. Сидели, пили чай, высказывали прогнозы по завтрашним результатам. Вспоминали, что сделали, что – нет, всё-ли успели охватить.

Вдруг Семёнов вспомнил:

- А что же мы в Заречном не побывали?

- Да что там, в Заречном – тридцать дворов! – возразил Петухов.

Заречный был небольшой посёлок за рекой. Когда-то давным-давно там староверы жили, а нынче было лесничество, в котором работало два человека, а остальные зареченцы жили огородами да скотину держали.

- Не скажи, Ваня, не скажи, - Василий Григорьевич отодвинул кружку с чаем, - надо было туда заглянуть, там хоть и немного избирателей, но на выборы ходят все и голосуют дружно. Ну, что же сейчас-то судачить. Не побежишь ведь туда на ночь глядя, да и мороз вон поджигает.

Когда все члены штаба разошлись, Цветков решил пораньше лечь спать, отоспаться перед решающим днём, тем более что сын Колька уже спал. Окликнул жену. Та ответила с кухни:

-Ложись, ложись, Володя! Я сейчас. Управлюсь тут немного.

Цветков ворочался целый час – не мог уснуть. Пошёл на кухню попить воды. Жены дома не было – он удивлённо пожал плечами. Снова пошёл, лёг.

Время было уже почти час ночи, только стал засыпать – пришла Лида, холодная, как ледышка.

- Ты где пропадала-то? – сонно пробормотал.

- Кота искала. Кот куда-то запропастился.

Сквозь сон удивился: «Какой кот? Кому он на фиг нужен?» И тут же заснул.

Утром поднялся рано. Лиза ещё спала. Наскоро попив чаю, побежал в школу, там был один из избирательных участков. К утру небо прояснило, и мороз усилился, и снег скрипел под ногами совсем по-другому – громко и сочно, как скрипит крахмал в мешках, сдавливаемых тяжёлыми руками грузчиков. Уши и нос вскоре защипало. Хорошо – до школы было недалеко. Избирательный участок открылся ровно в восемь. Несколько пенсионеров уже ждали, когда им выдадут бюллетени.

Цветков со всеми поздоровался и пошёл в кабинет истории. Через полчаса туда пришёл Толоконников, а за ним и все остальные члены цветковского штаба.

Если спросить Владимира Ильича, как прошёл тот день – быстро или, наоборот, тянулся долго, он, наверное, не смог бы ответить. С одной стороны, вроде бы и долго. Ожидание результатов было, конечно, томительным. С другой стороны всё время заходили люди, что-то спрашивали, рассказывали, подбадривали; ездили с Толоконниковым по другим избирательным участкам посёлка – узнавали, как там идёт голосование.

К обеду проголосовало больше половины жителей Краснозаводского, а пенсионеры, так, наверное, все сто процентов. После обеда заходили на участок люди молодые и среднего возраста. Шли целыми семьями. В девятнадцать ноль-ноль посчитали процент явки. Получилось восемьдесят пять процентов.

- Хорошая активность, - констатировал Толоконников, - теперь главное выяснить, чьих же сторонников прошло больше.

- По разговорам, вроде должно быть всё нормально, Василий Григорьевич! – Петухов всегда был оптимистом, - за Цветкова должно быть больше. Люди говорят...

- Люди говорят – в Москве кур доят, а мы пошли, да титек не нашли! Ты, Ваня, на разговоры не ориентируйся. Тот, кто проголосовал против, он к тебе не подойдёт и не доложится.

В восемь часов вечера участки закрылись. Начался подсчёт голосов. Цветков нервничал. Даже у Семёнова сигаретку попросил, хотя и не курил сроду. Когда посчитали голоса на их избирательном участке, получилось, что у Цветкова на сорок пять голосов больше. Он воспрял духом. Потом отзвонились с участка, который располагался в красном уголке бывшей мебельной фабрики. Там окопался Кобяков со своим штабом и, по сведениям из достоверных источников, отмечал свою победу уже с обеда, периодически засылая гонцов в магазин. На вечер была приготовлена целая коробка шампанского. Так вот, на мебельной фабрике Цветков проиграл. А когда привезли результаты с третьего участка, Владимир Ильич и вовсе расстроился. Теперь он проигрывал Кобякову шестьдесят голосов.

- Ну, теперь на Заречный посёлок вся надежда, - Ваня Петухов, сунув руки в карманы, ходил из угла в угол по кабинету истории.

- Мало надежды, - уныло ответил Цветков,- там избирателей - всего ничего. Надо чтобы все за нас проголосовали, чтобы изменить ситуацию. А мы там даже не были ни разу.

- А почему оттуда результатов до сих пор нету? – встрепнулся Толоконников, - давно ведь, наверное, посчитали? Пойду-ка я, узнаю.

Не успел он выйти, в кабинет вошла Галина Ивановна – председатель избирательной комиссии:

- Представляете – ждём, ждём этих зареченцев. Звоню туда, а Николай Петрович мне отвечает: «А мы думали – завтра можно бюллетени привезти. Чего тащиться на ночь глядя!» Вот артисты! Послала за ними машину, сейчас подъедут.

Все рванули на крыльцо встречать Николая Петровича. Однако он уже шёл по коридору, размахивая своим обшарпанным портфелем.

- Ну! – крикнул Петухов, - не томи, Петрович! Сколько голосов за Цветкова?

- А я и не томлю. За Цветкова восемьдесят два голоса.

- Ну, дальше, дальше! А за Кобякова-то сколько?

- За Кобякова ноль, понятно. У нас ведь всего восемьдесят два избирателя. Больше нету. Все пришли. Явка сто процентов!

Цветков даже не поверил своим ушам. Все тоже были в лёгком изумлении. Вернулись назад в кабинет. Стали пытаться Петровича, чтоб рассказывал – почему такой результат. Налили ему чаю. Он покрутил носом:

- А покрепче ничего нету?

- Нету, Петрович. Покрепче завтра. Давай рассказывай!

- А что рассказывать? Вы же всегда про нас забываете.

Никто даже не заглянул к нам в лесничество. Только из бюллетеней и узнаём фамилии кандидатов. А мы всегда за вас. У нас народ дружный. Утром пошли голосовать, глядь – на стенде у лесничества, там у нас участок избирательный, листовка висит! А в ней так хорошо про вашего Цветкова написано... Ну, тут Фёдор Лукич и говорит: «Смотрите, один догадался нам весточку послать! За еного учителя и будем голосовать». А у нас ведь как Лукич скажет, так весь посёлок и сделает. Вот так. Не подвели мы вас?

- Молодец, Лукич! То есть, Петрович... В общем, все вы молодцы. Не подвели! -Толоконников радовался ещё больше Цветкова. Потом сидели часа полтора, обмениваясь впечатлениями, эмоции захлёстывали.

Потом, когда уже шёл домой, Цветков задумался: «А откуда ж всё-таки там листовка? Наши-то там не были.

Наверное, завёз кто-нибудь...

Дома горел свет – Лида ещё не спала. Она даже во двор вышла мужа встретить. Видимо, услышала, как собака взлаяла.

- Как, Володя?

- Выиграли, Лида, выиграли!

- Ну, слава Богу! Что же ты за весь день ни разу не позвонил?

- Да как-то, понимаешь, закрутился, забыл...

- Пошли ужинать.

Только тут Владимир Ильич вспомнил, что он за весь день ни разу и не поел толком – один чай хлебал. Пока ужинали, Цветков пересказал жене все перипетии прошедшего дня. И, конечно, как кульминацию, про то, как их выручили зареченцы, и как привёз эту весть Николай Петрович.

Лида слушала, подперев подбородок, и тихо улыбалась.

Пошли спать. Цветков опять не мог уснуть – был слишком возбуждён. Ворочался с боку на бок. Вдруг снова вспомнил: «Откуда же там всё-таки листовка появилась?» Повернулся к Лиде. Она уже спала.

Встал, чтобы проверить свою догадку. Открыл «Книгу о вкусной и здоровой пище», перелистал всю. Листовки не было! Он посмотрел на спящую Лиду. Представил, как она ночью по морозу три километра шла до Заречного, как озябшими пальцами клеила листовку...

Цветков почувствовал острый прилив нежности к ней. Даже сердце захолонуло. А потом стало стыдно. Ну так стыдно, что хоть сквозь пол проваливайся. Мог ведь, мог хоть бы раз позвонить за целый-то день!

- Боже мой! – то ли вздох, то ли шёпот вырвался у него.- Лида! Милая моя Лида, чтобы я делал и где бы я был без тебя?

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНЕКДОТ

Васька торжествующе раскрыл ладошку. На ней лежали, сверкая, два новеньких пятака выпуска 1961 года.

- Вот! Бабушка дала. Сейчас мы с ней за конфетами в магазин пойдем. Понял?

Что, что – а хвастаться Васька умел. Костик даже слюну проглотил. Но потом вспомнил, что завтра он уезжает, и сказал, пренебрежительно оттопырив губу:

- Ну и что? А я завтра с мамой в пионерлагерь еду. На два дня. Понял? Она там своим студентам, которые вожатыми работают, будет оценки ставить, и меня с собой берет. Понял?

Повернулся и пошел домой. А чего ждать? Все равно сейчас Васька уйдет, а он-то пришел поиграть с другом. Да и чего греха таить, тоже хотел похвастаться предстоящей поездкой.

На следующий день они уже ехали с мамой в маленьком тряском автобусе в пионерский лагерь, который находился в двадцати километрах от районного центра в окружении старинного бора на берегу живописного озера. Костя там ещё ни разу не был. Он закончил первый класс, и мама решила, что ещё рано его отправлять в пионерлагерь на целую смену. А показать лагерь ему пообещала. И вот, теперь, выполняя своё обещание, взяла его с собой. Два дня она будет заниматься со студентами педагогического техникума, а завтра к вечеру они с Костей уедут домой.

Автобус шустро бежал по грунтовой дороге, которая петляла между березовыми колками и небольшими озерцами, которые скорее можно было отнести к лужам, нежели к озерам. Но вот автобус пошел на подъем. Дорога в этом месте была глинистой и тряской. ПАЗик, треща коробкой передач и подпрыгивая на кочках, упорно карабкался вверх. Когда подъем закончился, они въехали в красивый светлый бор.

- Скоро приедем на место, Котя, - сказала мама сыну,

который не отрываясь смотрел в окно на мелькающие деревья. Ему казалось, что это не автобус мчался вперед, а огромные деревья, завидев их, быстро убежали назад, чтобы не видеть и не слышать шумный автобус и вновь остаться в тишине.

Вскоре они остановились возле больших и красивых деревянных ворот. Все, кто приехал – а их было человек пятнадцать – вышли из автобуса и, пройдя через калитку, около которой дежурили два мальчика в красных галстуках, направились к стоявшему в окружении старых разлапистых сосен деревянному домику, в котором располагался директор пионерского лагеря, его заместитель и старший пионервожатый.

После непродолжительной беседы с руководством лагеря всех приехавших распределили по корпусам. Ольга Петровна – так звали Костину маму – поставила свой чемоданчик и портфель в отведенную им комнату, где стоял стол с настольной лампой и одна кровать. Для Костика завхоз пообещал поставить вечером раскладушку. Сходили в столовую. Обед Косте понравился – дома таких котлет не готовили, да и подливка была очень вкусная. Он даже её собрал с тарелки кусочком хлеба, который отправил в рот.

Там же в столовой он познакомился с пионервожатым из пятого отряда Владимиром Ганжой. Это был улыбчивый молодой человек лет двадцати – двадцати двух. С детьми Ганжа легко находил общий язык, благодаря своей природной коммуникабельности и невысокому росту. Когда он носился по футбольному полю с ребятами из старших отрядов, то ничем, казалось, от них не отличался. Это и сближало уже отслужившего в армии Ганжу с ребятнёй. Они даже звали его зачастую не по имени – отчеству, а запросто – Володя, или даже Вовчик.

Ольга Петровна заметила, что её Котя разговорился с Ганжой, который был студентом третьего курса физкультурного отделения. Поэтому, когда Костя попросился пойти с Вовчиком на стадион пионерлагеря, она его охотно отпустила, попросив Ганжу присматривать за сыном.

На стадионе состоялся товарищеский матч между студентами-физкультурниками и ребятами из старших отрядов. Костя, конечно, болел за команду студентов, потому что там играл Вовчик. Но юные футболисты не уступили, и матч закончился вничью: два – два.

Потом Ганжа собрал несколько пионеров, взял с собой Костика, и они сходили на пляж искупались. На обратной дороге, пройдя по бору, посмотрели местную достопримечательность – огромный, высотой более метра, муравейник. Косте подумалось: «Сколько же много здесь муравьёв! Наверное, столько же, сколько людей на планете?»

Когда после ужина они с Ганжой вышли из столовой, тот спросил Костю:

- Костик, как вы с мамой расположились? Хорошо?

- Хорошо, только в комнате одна кровать. Мне раскладушку обещали найти.

- А зачем искать раскладушку? Ты попроси маму, чтобы она тебе разрешила с нами ночевать. У нас спальня большая – десять кроватей. А ночуют только восемь парней – вожатых с нашего отделения. Так что две кровати свободны. Выбирай любую.

Предложение Косте пришлось по душе. Ему очень хотелось продолжить общение с Вовчиком и другими взрослыми ребятами.

Мама разрешение дала. Ганжа устроил его на стоящую в самом углу кровать. Спросил:

- Ночью не замерзнешь? – И, несмотря на отрицательный ответ Кости, всё-таки дал, на всякий случай, второе одеяло.

Ребята сразу засыпать не собирались. Некоторые не виделись целый месяц. Одни уже отработали в первую смену, другие – только что приехали. Оживленно обменивались новостями. Когда новости кончились, перешли на анекдоты. Кто-то попытался завернуть «солёный» анекдот. Ганжа предупредил:

- Тихо, ты! Здесь же ребёнок!

- Где жеребёнок? – спросил остряк. – Он спит уже давно без задних ног!

Костик действительно уже засыпал. Но когда заговорили о нём, спать расхотелось. Он понял, что сейчас начнут рассказывать самое интересное. Сделал вид, что спит, даже засопел для убедительности, и наострил уши.

Сон у Кости как рукой сняло, когда физкультурники стали рассказывать анекдоты про Чапаева и про Петьку, поручика Ржевского и про Наташу Ростову, про зеков и военных... Он узнал много нового и значительно пополнил свой словарный запас.

Одного не мог понять, почему муж из командировки возвращается всегда раньше времени? Что там, в командировке, не интересно, что ли? Потом Костя вспомнил, что и сам знает один взрослый анекдот. Причем не простой, а политический. Он услышал его случайно, когда к папе приезжали два знакомых дяденьки из Челябинска. После обеда они курили на веранде и рассказывали анекдоты, причем говорили, что у них анекдоты свежие, а у папы – с бородой. А тот анекдот Костя запомнил слово в слово, потому что над ним все долго смеялись, хотя сам Котька ничего смешного там не нашел. Было там одно непонятное ученое слово. Мама их называет научными терминами. А слово это – «онанизм». Он еще тогда хотел спросить у папы, что оно означает, да постеснялся. Подумает еще, что Костя специально их подслушивал.

Костику очень захотелось прямо сейчас рассказать этот умный анекдот. Заодно и выяснить, что означает этот научный термин. Котька повернулся и приподнял голову, но на него не обращали внимания. В спальне было темно, да и забыли уже о его существовании, так как увлеклись интересным состязанием – на самый смешной анекдот. И уже договорились отдать победителю в качестве приза все свои шоколадки, которые завтра дадут на полдник в честь окончания первой смены всем пионерам и пионервожатым тоже.

Анекдоты травили один за другим. Один смешнее

другого. Не стесняясь в выражениях. Но вот возникла двухсекундная пауза, и Костя решил – была, не была – расскажу!

- А вот я знаю один анекдот политический...

Как только раздался из угла спальни его тонкий голосок, наступила гробовая тишина. Сказать, что парни были изумлены, значит, ничего не сказать. Они были потрясены. Они были просто в шоке. В ступоре. Ведь они думали, что он крепко спит, да что там – просто забыли о нем. А семилетний пацан, оказывается, все слышал, да еще сам норовит рассказать анекдот. Политический! И этот малолетка – сын самой строгой преподавательницы по педагогике, которая завтра оценит их воспитательную работу с детьми! Все это промелькнуло в головах горе-вожатых, прежде чем они стали вникать в суть Котькиного анекдота.

А Костя, восприняв наступившую тишину, как знак внимания, продолжал:

- ... Приехала комиссия из Москвы чистку в партии проводить. И задают членам партии вопросы. Кто неправильно ответит, того из партии исключают. Вот один председатель колхоза на все ответил правильно. Не к чему придраться. Тогда комиссия задает ему последний вопрос. На засыпку. А как, спрашивают, ты, товарищ, спишь со своей женой? Крепко задумался мужик: «Отвечу, что слева сплю, припишут левый уклон. Скажу, что справа – припишут правый уклон. Сказать, что на ней сплю – скажут, давишь на массы. Если под ней - скажут, попал под влияние масс». Он тогда и отвечает: «А я вообще с ней не сплю, я занимаюсь онанизмом».

Ушла комиссия на совещание. Потом выходят и объявляют: «Председателя колхоза Иванова исключить из партии за связь с кулаком и растрату семенного фонда!»

Закончил Котька анекдот. И тишина. Ну, думает, действительно, не смешной, а еще свежий называется! Потом смотрит, Ганжа на соседней койке закрыл лицо одеялом и как бы рычит в него, в одеяло то есть. А ногами

быстро так сучит и бьет голыми пятками по железной койке. А из другого угла спальни через секунду – взрыв смеха. И вскоре всех охватывает дикий хохот. Кто-то всхлипывал, уткнувшись лицом в подушку, кто-то катался по полу, дергая себя за майку, как будто ему в ней душно было. Один вожатый долго икал и пальцами пытался выправить мышцы лица после судорожного сокращения.

Наконец уgomонились. Ганжа сразу же скомандовал:

- А теперь, отбой! Уже два часа. – И добавил зачем-то.
- Утро вечера мудренее.

Утром Котька вскочил вместе со всеми и побежал к умывальникам, которые располагались на улице, в двадцати шагах от корпуса под молодыми кудрявыми березками. Едва он почистил зубы, умылся и, повесив полотенце на шею, отправился в корпус, к нему подошел Вовчик и, обняв его за плечи, сказал:

- Константин... - Ганжа чуть по отчеству его не назвал, - Константин, ты уже взрослый мальчик! Да что там мальчик. Ты – мужчина! Я надеюсь, ты понимаешь, что наши ночные разговоры были мужскими? Понимаешь, да?

- Понимаю, Вовчик.

- Во-от... А раз понимаешь, то про них никому не рассказывай. Особенно маме. Понял?

- Понял. Я никому не расскажу.

- Вот и молодец! Умница. Значит у нас с тобой дружба на век, как у русского с китайцем. Лады?

- Лады. Вовчик, скажи мне, что такое «онанизм»?

Ганжа опешил. До него дошло, что Котька транслировал им анекдот, сам не понимая его смысла. Им снова овладел приступ хохота.

- Так скажешь или нет? – нахмурился Костик. – Почему из-за него из партии исключали?

- Немного подрастешь, Котя, потом объясню.

- Сам говорил, что я мужчина. Сейчас скажи. У кого мне еще спрашивать?

Ганжа понял, что ему не отвертеться и начал объяснять «научный термин», используя весь запас своих скудных

познаний в этой области.

- Понимаешь, почему исключали... Потому что партийный человек, коммунист то есть, он должен заниматься марксизмом, ленинизмом, то есть теми учениями, которые придумали наши вожди: Маркс и Ленин. А не каким-нибудь там анархизмом, который придумал батька Махно. Или вот этим самым онанизмом, про который ты спросил...

- А его тоже Махно придумал?

- Скорее всего, он. Больше некому. В общем, враждебное это нам учение, а больше даже я не знаю. Не преподают это у нас на физкультурном. Понял? Всё! Когда вы с мамой уезжаете? После обеда автобус? Так я приду тебя проводить. Помни, о чём договорились.

Костя, конечно, помнил, о чем они договорились. Но вопросы к Ганже все-таки остались. Если у нас давным-давно произошла революция, победил Ленин и утвердил свое правильное учение - ленинизм, почему до сих пор вспоминают какого-то бандита батьку Махно с его вредными учениями – анархизмом и онанизмом. Но долго задумываться об этом Котья не стал. Нужно было собираться в дорогу. Подумал: «Домой приеду, у папы спрошу!»

Ганжа слово сдержал и пришел к автобусу. Попрощался с Ольгой Петровной, Костику подал бумажный пакет с нарисованной на нём белочкой.

- Держи, Котя! Это тебе от вожатых физкультурного отделения.

Костик сказал:

- Спасибо, Вовчик!

Ольга Петровна тоже поблагодарила Ганжу:

- Спасибо тебе, Володя, что уделил так много внимания моему сыну. Познакомил с лагерной жизнью. Мальчик прямо-таки переполнен впечатлениями. Поедешь, Костя, в лагерь на будущий год?

- Обязательно поеду, мам. На все смены.

Когда сели в автобус, Костик открыл бумажный пакет. Там лежали восемь шоколадок.

ОТ СУДЬБЫ НЕ УЙДЕШЬ

Хобби у Галины Птицыной по советским временам было необычное – она гадала на картах. Когда-то её этому научила бабушка. И в детстве Галя довольно бойко гадала своим подружкам. Но, став взрослой девушкой, это занятие забросила, потому как комсомольская организация и профком – а Галина работала на обувной фабрике – относились к этому неодобрительно.

Разведясь с мужем и коротая долгие зимние вечера в женских компаниях, Галина вновь вернулась к этому занятию и частенько раскладывала картишки, предсказывая суженых незамужним подругам.

Иногда предсказания сбывались, а может быть и не иногда, а в каждом втором случае. Ведь, по теории вероятности, пятак падает вверх либо решкой, либо орлом. И то, и другое одинаково вероятно. А поскольку те случаи, когда Галины предсказания сбывались, обсуждались больше, то репутация Птицыной, как предсказательницы, поддерживалась постоянно. Ничего, правда, в материальном плане это ей не приносило... До поры, до времени.

Но вот грянула перестройка, и всё перевернулось с ног на голову: обувную фабрику закрыли, и Галя Птицына стала безработной – это было плохо; но в это же время вошли в моду и стали пользоваться большой популярностью различные маги, экстрасенсы, колдуны, предсказатели и даже ведьмы – это было хорошо. Галина скоренько обзавелась – совсем недорого – различными дипломами Чёрная и Белая магии, подтверждающими её квалификацию, как предсказательницы судеб человеческих, и стала информировать людей об их будущем уже на материальной основе, то бишь, за деньги. И довольно успешно, так как народ буквально помешался на нетрадиционных способах лечения, заговорах, приворотях и предсказаниях. Миллионы людей сидели

у телевизоров и следили, как Алан Чумак заряжает воду из под крана чудодейственной силой, или зачарованно внимали Кашпировскому, глядя в его вытаращенные глаза и зомбированно вращая головами. Вывести их из этого состояния могла только очередная серия «Санта Барбары».

Птицына, взявшись за ремесло серьёзно, сразу уяснила для себя две вещи: во-первых, важен был внешний антураж – и она оформила свою квартиру соответствующим образом: на стенах висели её многочисленные дипломы, амулеты, иконы и прочее, на столах стояли свечи, статуэтки колдунов, шаманов, чертей и даже пластмассовые черепа. Сама Галя волосы покрасила в радикально чёрный цвет, повесила в уши огромные золотые серьги, на каждую руку надела по четыре перстня, на плечи накинула цветастую шаль.

Во-вторых – и это, может быть, было важнее первого – нужен был результат, нужно было, чтобы предсказания сбывались. Если Галина говорила клиентке, что та в скором времени встретит своего «короля», значит, он должен был появиться на горизонте. Иначе под угрозу ставилась её квалификация гадалки, а вместе с ней и процветание нового бизнеса.

И Птицына завела картотеку одиноких мужчин и женщин, соединив два в одном: бюро предсказаний и бюро знакомств. Причём, если о том, что она гадает знали все, и она это широко рекламировала, то о том, что она ещё «корректирует» предсказанную судьбу, подталкивая людей к знакомству, не знал, естественно, никто.

Как врач, вмешивающийся в деятельность организма пациента, несёт ответственность за его здоровье, так и человек, вмешивающийся в уже предсказанную судьбу, от ответственности не уйдёт. И Птицына это вскоре очень хорошо поняла. Особенно щекотливым её положение полугадалки – полусвахи становилось, если к ней обращались люди знакомые.

Вот поэтому, когда приятельница её – Альбина

Крутикова, однажды к ней пришла и попросила узнать, когда же Бог пошлёт ей мужа постоянного, верного и любящего, предсказательница весьма неохотно согласилась, потому как её опыт и интуиция подсказывали, что не всё так просто будет с этой Альбиной. Замужем она была уже дважды. Дважды собиралась делить со своим избранником и горе, и радость. Но вот в вопросе, как делить и на какие части, с обоими мужьями возникли разногласия. Прожив после последнего развода три года, Крутикова решила, что она устала от одиночества.

- Не могу уже, Галка, - говорила она Птицыной. - Хочу степенного, спокойного мужа. Надоели эти алкаши приходящие. Погадай, Галочка, скоро ли появится он, с кем можно судьбу связать в третий раз, ведь Бог троицу любит.

- Аля, - отвечала ей Галина, - ты ведь проворонишь своё счастье не потому, что познакомиться не с кем, а потому, что вокруг тебя мужики вьются, как зелёные мухи вокруг навоза, а ты и рада! Нет чтобы на порядочных смотреть, так тебе мачо подавай!

Тем не менее Галя Птицына поведала подруге, что вскоре встретит она «бубнового короля», пройдут они с ним через казённый дом и заживут счастливо.

Сказавши «а», нужно говорить «б». Галя подняла список холостых мужчин. Посмотрев контингент, поняла – очень трудно будет подобрать Альбине подходящую пару. Нужно было, чтобы мужчинка был из порядочных, из интеллигентных, и в то же время мог держать Альку в ежовых рукавицах, иначе семья не сложится.

После долгих раздумий, обуреваемая сомнениями, остановилась на Смирнове Николае Ивановиче, стоявшем в списке под номером тринадцать.

Николаю Ивановичу было сорок два года, работал он бухгалтером и не был никогда женат, всю жизнь проживши вдвоём с мамой, которая очень хотела в старости внуков понячить и безуспешно уговаривала сына жениться. Очень уж робок был её Коленька в отношениях с прекрасным

полом, хотя сам жениться был не то что согласен, а даже очень хотел.

Поэтому, когда Галина, встретившись с ним, показала ему фотографию Альбины, на которой, к слову сказать, та выглядела как артистка, Николай Иванович очень взволновался и испугался. Испугался того, что не сможет произвести впечатление на такую красавицу. Но Птицына его подбодрила:

- Николай Иванович, будь решителен! Эта женщина очень порядочная, но любит мужиков смелых. Так что давай, атакуй!

Она рассказала Смирнову, что Альбина Крутикова работает в бытовом обслуживании, в химчистке. Запросто можно зайти к ней на работу и познакомиться.

Смирнов знал, что если он начнёт откладывать визит и сомневаться, то, скорее всего, так и не осмелится пойти на эту встречу. Поэтому на следующий день, прихватив старый костюм, который он посчитал пригодным для сдачи в чистку, Николай Иванович отправился в комбинат бытового обслуживания.

Альбина после того, как гадалка Галька напророчила ей бубнового короля, на блондинов обращала особое внимание. Поэтому, когда вошёл белобрысый очкарик, она сама первая пошла на контакт, чем облегчила задачу стеснительному Смирнову. Увидев яркую блондинку – смесь брюнетки с пергидролем – он был очарован. Даже после работы её до дому проводил, но зайти постеснялся, заверив, что обязательно придёт на чай в первый же выходной.

Альбина тут же позвонила Птицыной:

- Слушай, Галка! Появился ведь он. Такой, как ты говорила. Интеллигентный вроде, в очках. Говорит, что бухгалтером работает. Вроде не врёт. Только уж больно робкий какой-то! Всё на «вы», да на «вы»... А когда я его на чаёк зайти пригласила, так вообще растерялся. Мол, в следующий выходной зайдёт. Как ты думаешь, не исчезнет?

Галина притворно удивилась, что предсказание так

быстро сбывается и посоветовала Альке вести себя поскромнее, чтоб не спугнуть бухгалтера:

- Это, Аля, для тебя самое то. Бухгалтер это покой и тишина в семье, а значит счастье!

Николай Иванович Смирнов был решительно настроен всю неделю до самой субботы. А вот в субботу, когда уже надо было идти к новой знакомой, так сказать, закреплять знакомство, на него напал приступ робости. Он не знал, что одеть и что сказать, когда придёт. Он сомневался, брать ли цветы или конфеты. Брать ли бутылку шампанского или коньяк? Он сомневался, опасался, задумывался... Так прошла суббота.

В воскресенье к обеду Господь Смирнову послал немного храбрости. Он – Смирнов – про себя сказал: «Теперь или никогда!» И отправился в гости, купив торт и шампанское.

Прождав гостя всю субботу и половину воскресенья, Альбина заскучала и стала терять надежду увидеть новоиспечённого кавалера. Хотела было позвонить предсказательнице и поделиться своим настроением, как в дверь раздался звонок. Аля лёгкими прикосновениями поправила причёску, несколько раз аккуратно поцеловала губную помаду и побежала открывать.

- Хэллоу, Альбина! Сколько лет, одна зима! - На пороге стоял один из бывших её знакомых – Алексей Блинов. Сам он себя называл всегда Алекс, а друзья – приятели – собутыльники, которых у него было превеликое множество, звали его просто Блин, иногда – Первый Блин, намекая на то, что всё в жизни у него было комом. Блин был среднего роста брюнет со щегольскими усиками и когда-то красивыми, а теперь испытанными чертами лица.

Открыв дверь, Альбина стушеввалась – пускать или нет? Судя по оттопыренному карману, Блин пришёл не один, а с бутылкой.

- Гостей я жду, Блинов. Некогда мне.

- Аля! Да я на минутку, с праздником поздравить...

- С каким ещё праздником?

- Ты меня видишь, я тебя вижу – праздник!
- Скажи лучше – выпить негде, вот и припёрся...

Альбина махнула рукой:

- Заходи уж...

«Чего я буду ждать у моря погоды, - подумала она – и так выходной псу под хвост».

Проводив незваного гостя на кухню, Альбина поставила на стол рюмки и селедку под шубой, приготовленную для другого.

Блинов достал из кармана бутылку водки. Выпили по рюмочке. Алекс тут же налил по второй, моментально свою осушив – видимо, жажда мучила. При этом он болтал без умолку, рассказывая как его чуть не забрали в милицию из кафе «Огонёк», где он сцепился с тремя мужиками. Вещая о своих подвигах, Блинов не забывал отпускать Альбине витиеватые комплименты. За это, наверное, он и нравился женщинам, несмотря на отсутствие ума и образования.

В разгар их лёгкой и непринуждённой беседы неожиданно для обоих прозвенел дверной звонок. Теперь уж Альбина не сомневалась – это бухгалтер. Так и должно быть по закону подлости. Открыла дверь – действительно он.

- Ой, проходите, Николай Иванович! Я уже думала, вы забыли про меня. А у меня тут знакомый, так – на минутку забежал. Проходите, проходите! Он сейчас уйдёт.

Пришлось Смирнова тоже в кухню пригласить, хотя до этого собиралась накрыть в гостиной, которая одновременно и спальней была – квартира-то однокомнатная.

- Познакомьтесь. Это Николай Иванович – главный бухгалтер крупной фирмы, - немного приврала Альбина. – А это Алексей...

- Алекс! – перебил её Блин. – Руководитель вокально-инструментального ансамбля «Журавли». Да вы наверняка слышали...

- Признаться, нет. – Смирнов смутился – я как-то, знаете ли, далёк от ...

- Это ничего, ты далёк, я недалёк... То есть, близок к

искусству. Давай лучше вмажем! А? – Блин был в своём репертуаре.

Альбина, прекрасно зная, что работал он бригадиром сантехников и близок был только к искусству откупоривания бутылок, из деликатности промолчала, надеясь всё же Блинова вскоре выпроводить.

Но Блин, похоже, уходить не собирался. Прикончив бутылку водки, он бросил косой взгляд на шампанское:

- Вот зачем ты, бухгалтер, притащил эту шипучку? А? Ты чё, не знаешь, что Альбина водочку обожает?

- Прекрати! Давай лучше собирайся! – цыкнула Альбина на Блинова.

Но Смирнов, немного захмелевший, поддался на провокацию:

- А что, я могу сходить...

- Не надо, Николай Иванович! – забеспокоилась Альбина.

- Да, неудобно как-то... - Смирнов очень хотел угодить Альбине, она ему нравилась всё больше. А может, и самолюбие взыграло, замешанное на ревности. Ведь, как известно, женщины чаще говорят глупости, а мужчины – чаще делают. В общем, он совершил трагическую ошибку – поднялся, одел туфли и сказав, что скоро будет, отправился в магазин.

Но не тут-то было – в ближайшем гастрономе водки не было. Не было её и в следующем. Николай Иванович удивился. Будучи человеком непьющим, он даже не знал, что уже давно действовал Указ, по которому продажа спиртного была ограничена. Смирнов сел на автобус и отправился в центр города...

Между тем изрядно захмелевший Блинов, не желая уходить от Альбины, принялся ей втолковывать, что бухгалтер сбежал и не вернётся:

- Ты что, Аля? Знаю я этих бухгалтеров! Он из-за рубля задавится. Щас прямиком домой нарезал... Точно тебе говорю!

Они вышли в комнату. Алекс увидел висевшую на стене гитару с бантиком:

- О! Давай я тебе песню сбацаю.

Снял гитару и запел чуть хрипловатым голосом. Надо сказать, петь Блинов умел.

Где среди пампасов бегают бизоны,
А над баобабами закаты, словно кровь,
Жил пират угрюмый в дебрях Амазонки,
Жил пират, не верящий в любовь...

Альбина с тоской посмотрела на часы – прошло полтора часа, как ушёл Смирнов. А бывший ухажер с гитарой продолжал натиск:

Там, где любовь, там, где любовь,
Там всегда проливается кровь!

Альбина Крутикова сдалась, и они оказались в постели...

Смирнов, отстояв длинную очередь в центральном гастрономе, заветную «Экстру» всё-таки добыл. Глянул на часы и удивился – прошло почти два часа, как он покинул квартиру Альбины. Поймав такси, помчался к ней. Им овладело какое-то беспокойство – может быть, неправильно он поступил? Может быть, надо было дождаться, когда Альбина выводит этого нахала?

По лестнице он поднимался почти бегом, но, увидев, что дверь неплотно прикрыта, понял, что его ждут, и, толкнув дверь, прошел сразу на кухню. Никого там не увидев, он поставил водку на стол, вышел в комнату и остолбенел. Там под простынями, сопя и шумно вздыхая, кувыркались двое.

Сказать, что Николай Иванович был в шоке, значит, ничего не сказать. Он был потрясён! Вернулся в кухню. Хотел открыть бутылку и налить себе полный стакан, но на беду взгляд его упал на кухонный нож. В голове бедного бухгалтера произошло короткое замыкание. Судорожно схватившись за ручку ножа, совершенно обезумев, вбежал в комнату. На минуту замешкался – он просто не знал, что

делать дальше. Ножом-то ведь он умел только хлеб резать. Никогда не резал даже поросёнка, не то что человека! На мгновение он увидел себя, как бы со стороны. Сделав выпад вперёд, как фехтовальщик, бухгалтер с криком отчаяния нанёс укол в ненавистную колыхающуюся под белой простынёй толстую Блиновскую задницу...

То, что произошло дальше, потрясло его второй раз, и, очевидно, вывело из состояния аффекта. Он услышал пронзительный женский визг. Из-под простыни выскочила голая Альбина и, зажав рукой уязвлённую ягодицу и тряся грудями, скрылась в ванной. Перед обомлевшим бухгалтером на спине лежал руководитель ансамбля «Журавли». Руками он схватился за своё «хозяйство», так же крепко, как разъярённый Смирнов за нож. Потому что, увидев сталь кухонного клинка, нисколечко не сомневался, что сейчас его будут кастрировать. Но Смирнов остолбенел, вытаращив глаза и открыв рот, как окунь, вытащенный из воды. Ему не хватало воздуха...

Быстренько схватив одежду, Блинов пулей вылетел из квартиры. Штаны он одевал уже в подъезде, убедившись, что за ним нет вооружённой погони.

А Смирнов остался стоять посреди комнаты с «кинжалом» в руке, сгорбившись, как зловещий вопрос. Затем бросил нож на пол и заходил по квартире, как тигр в клетке. В голове всё смешалось. Из ванной доносились всхлипывания и завывания хозяйки.

Подошёл и постучал в дверь ванной:

- Аля! Альбина Петровна, я не хотел...

- Пошёл ты... Урод! – и дальше громкое сморкание с тихим подвыванием.

- Аля, давайте я вам помогу...

- Чем? Уходи лучше – этим хотя бы поможешь!

- Как же я уйду? Я не могу вас оставить. Может быть, вам помощь будет нужна? Может, вы нуждаетесь в чем-то...

-Я нуждаюсь в уходе. Так что, уходи!

- Простите меня, Альбина Петровна! Я, правда, не

хотел...

- Ага! Не хотел, а за нож схватился... У-у-у... Гад! Псих ненормальный! Уходи! Я щас в милицию позвоню!

- Не надо милицию. Давайте я лучше «Скорую» вызову?

- Не надо! Не вздумай! Хочешь, что бы все узнали... Потом в другой город уезжать придётся... Дурак какой! О-о-о...!

С женщиной спорить бесполезно, как впрочем, бесполезно и соглашаться.

Николай Иванович уехал домой чернее тучи. Тяжко было на душе, сердце щемило. Ночью не уснул ни на минуту. В голове крутились нехорошие мысли. Как там Альбина одна? Может быть, рана кровоточит, и помочь некому?

Еле утра дождался. Позвонил начальнику, сказал, чтобы отпуск оформили по семейным обстоятельствам, и поехал к Альбине.

Смирнов поднялся на второй этаж, позвонил. Дверь открылась не сразу. Альбина стояла с опухшим от слёз лицом:

- Опять ты? Чего тебе?

- Альбина Петровна, может в аптеку сбежать? Я всю ночь не спал, переживал, как вы тут?

Альбина задумалась. В аптеку, действительно, надо. Не самой же идти в таком виде.

- Заходи уже. Переживал он! Сперва тычут ножом куда ни попадя, а после переживают...

Крутикова объяснила, что нужно купить в аптеке. Обрадованный Смирнов рванул с места в карьер и через полчаса уже снова звонил в дверь с охапкой бинтов, пластырей, йодов и всяких мазей.

- Куда столько набрал-то? На целый госпиталь... Положи, вон на стол.

Альбина, шлёпая тапочками, прошла в комнату, Николай Иванович за ней:

- Альбина Петровна, а я ведь целый год в медицинском

учился, так что не сомневайтесь! Я могу рану осмотреть.

- А не врешь? – спросила раненая. – Мне ведь, действительно, перевязку надо сделать, а то я залепила, как попало.

Смирнов, конечно, врал. Не учился он в мединституте. Он только поступал туда. Неудачно. Но очень уж ему хотелось чем-то помочь и загладить свою вину, хотя бы частично.

- Ложитесь на кровать, Альбина Петровна, -скомандовал Смирнов и, как заправский доктор, убежал мыть руки.

Осмотрев ранку, которая, к счастью, оказалась пустяковой, и, залепив её пластырем, Смирнов немного успокоился – не так уж всё и страшно, как он себе ночью накручивал.

- Ну, что там, у меня на заднице, «дохтур»? – Альбина тоже немного повеселела после того, как показала Смирнову самое белое место на своём теле. Бухгалтер наморщил лоб. Протёр очки носовым платком и, подражая знакомому врачу, изрёк:

- Вы знаете, я бы всё-таки рекомендовал шовчик наложить, чтобы шрамика потом не было.

- Чёрт с ним, со шрамиком! Не на лице ведь. Не поеду же я в больницу, там ведь обязательно спросят, куда я так ловко уселась.

На следующее утро Смирнов опять чуть свет был у Альбины. Через неделю он остался ночевать. А через месяц они расписались.

Банкет по этому поводу они не устраивали. Ну их, эти пьянки! Ограничились походом в драматический театр, куда Смирнов предусмотрительно купил билеты.

Стали они жить-поживать да добра наживать. А если случалось им попасть в компанию, где выпивали, то Альбина сама не пила и за Смирновым следила, чтоб ни-ни.

- Разрешити ты мужу хоть одну рюмочку! - уговаривали её сердобольные гости.

На что она им отвечала:

- Не будите лихо, пока оно тихо! Если он выпьет рюмочку, то вам всем тут мало не покажется!

А Смирнов только виновато улыбался и поправлял очки.

Через год Крутикова не выдержала и поведала Птицыной эту историю. Гадалка только ахала и всплёскивала руками, как птица крыльями. Потом задумалась и сказала:

- Вот видишь, Аля, если уж выпал бубновый король, то слушай, что карты говорят, а на всяких брюнетов с усами не кидайся. От судьбы не уйдёшь, милая моя!

ВСТРЕЧА

Солнышко светило прямо в лицо, лаская своими лучами лоб и щёки и светя в глаза даже сквозь закрытые веки. Василий Дмитриевич проснулся, но глаза открывать не спешил. Хорошо вот так – понежиться с утра в тёплой постели рядом с женой, потянуться. Нет, жена его Надюша, наверняка уже встала, она всегда рано встаёт. И потому, что солнце бьёт в глаза, понятно, что занавески на окне уже раздвинуты. Да и само окно, наверное, уже открыто – воздух уж больно свеж. С вечера-то окна не распахнёшь – комары заедят, а с утра Надя всегда створки открывает и ароматный воздух июльского утра сразу наполняет комнату.

Вообще, Надежда у него молодец – аккуратная и работающая. Лишней минуты без дела не посидит, всё в руках спорится, дома всегда чистота и порядок. Одна беда – ворчит без конца и пилит его, мужа своего законного, дено и ночью. А с другой стороны, как его не ругать. До любой бабы доведись – тоже бы ворчала. Любит он, Василий Дмитриевич, пропустить по маленькой после работы. А иногда и во время оной. Работа-то у него – не бей лежачего, заведующий совхозным складом. Ну, какая работа, такая и зарплата – семьдесят рублей. По всей Советской стране кладовщики столько получают.

Зарплату Дмитрич всю до копейки домой приносит. Бывает, конечно, иногда сбросятся с мужиками с получки по рублю, а когда и трояку. А остальное всё домой. Правда, остального-то там не густо, после вычета подоходного. Вот жена и корит его: «Другие мужики хоть и выпьют, так они зарабатывают по две сотни – кто шофёр, а кто на комбайне – так и того больше. А ты сидишь на окладишке, так ещё и пропьёшь половину – горе семьи!»

Положим, про «горе семьи» это она для красного словца. Дома у него всё ладно: и огород посажен – одной картошки только тридцать соток, три свиньи каждый год

откармливают, козы, овцы, куры. Зерном каждую уборочную свояк обеспечивает прямо из-под бункера – шофёр он. Да и про половину зарплаты – врёт Надька! На свои кровные Василий редко пьёт. Угощают его мужики. Потому как запчасти – дефицит, и все через его склад проходят. Вот и идут к нему с поклоном водители и трактористы: «Митрич, выручай! За нами не заржавеет!» Он и выручает. А после чего же не выпить с благодарным человеком? К Дмитричу с уважением, и он от людей нос не воротит. Один раз откажешься да второй, а потом люди и сами сторониться станут. Так и без друзей недолго остаться. Не то что по делу обратиться, и на рыбалку не с кем съездить будет.

Но нынешней весной Василий сдался под напором жены: ушёл со сладкой должности кладовщика и подался в бригаду к шабашникам. Старшая дочь в институте первый курс закончила. А в городе жизнь дорогая. Да и младшая через год туда же собралась. Двух студенток содержать совсем не просто – это Василий и сам понял.

Так что, сдал он учётные книги и прочие принадлежности хромому Игнату, взял в руки топор и пилу – руки-то откуда надо растут – и пошёл с бригадой в соседний колхоз коровники строить. Работать, правда, приходится по двенадцать часов. Да и выходных за два месяца всего четыре было. Зато и деньги хорошие. За пятьдесят семь рабочих дней Василий Дмитриевич заработал семьсот двадцать рублей! Такие деньги кладовщику получить – почти год работать надо. Спина, конечно, болит. Так ведь как без этого? Даром ничего не даётся.

Выпивать, опять же, стал меньше. Так, от случая к случаю. Как бригада решит. Вчера, правда, они с мужиками оторвались. Погуляли славно. Так ведь и повод был – первый объект сдали. Расчёт за два месяца получили. Та-а-ак, а где же деньги? Ага, вспомнил. Он их в тряпицу завернул и в брезентовую сумку с инструментом положил. Должно быть, Надежда уже забрала.

Не может вспомнить он, как вчера домой зашёл! Заспал, наверное. Помнит только, как с мужиками прощались,

выйдя из автобуса. Потом он недопитую поллитру в сумку сунул и домой пошёл. Ну, да Бог с ним! Главное, что он дома. Встреча с домочадцами, наверное, радостная была. И Надя, должно быть, довольна. Ещё бы - сёмсот рублей! Отродясь таких денег в их доме не бывало.

Только про жену подумал, как ощутил на щеке горячее её дыхание и поцелуй. «Ну, Надька, чего удумала! Почитай лет пятнадцать не целовались. Вот чего деньги с бабами делают!» Жена, однако, не унималась и принялась лизать ему лицо. «Это уже перебор!» - подумал Митрич и поднял веки. Прямо в глаза ему преданно смотрел чёрный кобелёк Жгут, виляя коротким хвостом и пытаясь слизнуть со щеки хозяина засохшую кильку.

Василий Дмитрич в сердцах замахнулся на кобеля, нарушившего волшебное утро:

- Пшёл, зар-р-раза!

Потом огляделся. Он лежал на полянке за баней, на самом краю огорода. Рядом лежала допитая бутылка и стояла лавочка, с которой он, видимо, и соскользнул на травку. Митрич глубоко вздохнул, кряхтя поднялся. Отряхнул спецовку, заправил полинявшие штаны в кирзовые сапоги, открыл брезентовую сумку – проверил. Деньги лежали на месте. Слава Богу! Значит, встреча ещё только предстояла.

ПРАКТИЧЕСКИЙ ПОДАРОК

Была середина февраля, но небольшой снежок, выпавший ночью, быстро подтаивал на асфальте под лучами уже по-весеннему тёплого солнца. Чёрная «Тойота» шелестела по неширокому шоссе, изредка выстреливая из-под колёс маленькими лужицами во встречные автомобили.

Генерал-майор Строевой любил езду на автомобиле. Пусть даже за рулём не он сам, а его бессменный водитель Коля. Зато можно расслабиться и подумать. Когда человеку за пятьдесят, ему всегда есть о чём подумать. Сейчас Егор Васильевич Строевой размышлял о том, какой подарок преподнести на день рождения своей любимой женщине Наташе. Натали, как он её называл. Потом его мысли-скакуны перепрыгнули на другую тему. Он стал думать о том, что пора уже сделать Наташе предложение, всё-таки знакомы третий год – хорошо друг друга узнали, да и привыкли уже.

Наташа его устраивала во всём. Почти. Умная, образованная, красивая, на восемь лет моложе его. И у него, и у неё будет второй брак, если поженятся. Разве что непрактичная она. Конечно, в его – генерала Строевого – представлении, непрактичная. Взять, к примеру, те же подарки. Егор Васильевич относился к этому очень серьёзно: подарок должен быть, прежде всего, нужным для человека, имеющим практический, так сказать, смысл. Тогда и радость от такого презента будет. А что толку – Натали ему прошлый раз подарила картину. На ней бабочка. Во-первых, на хрена ему картина? Во-вторых, с бабочкой! Генерал подумал было, что это какой-то символ или намёк. Вертел картину так и эдак. Разглядывал, нацепив очки, в упор и под углом. Нет! Не понятно.

Сама Наташа – как бабочка. Красивая, но непрактичная. Такой, как она, мужик нужен, конечно, настоящий. Как он – Егор Строевой. Волевой, решительный, все решения принимающий исходя только из здравого смысла. Поэтому

Натали его часто называет рационалистом, умником – разумником.

А что плохого в том, что он – рационалист? Бывает, подарят в день рождения столько всякой ерунды, называемой сувенирами, что только диву даёшься: сколько же на свете ненужных вещей! От таких подарков он сразу же избавлялся, раздавая их кому-нибудь, а то и вовсе выбрасывая. При этом он любил повторять: «Что хочет жить долго – должно служить, а что не служит – долго не живет!»

Так что же ей подарить? Зонтик? Нет, зонтик он ей на Новый год подарил. Хороший, японский. Правда Натали удивилась – мол, подарок-то летний. На что он ей ответил, что лето неизбежно придёт, а зонтика-то у неё нету. Не вазу же дарить, которых вон – по всем углам.

Эх, женщины, женщины! Живут сегодняшним днём. А мужчина – живёт завтрашним! Хотя, может быть, истина где-то посередине. «Ночью, что ли?» - озарило генерала. Он сам удивился гениальности этой мысли. Кстати, ночью Наташа говорила, что неплохо бы ей сделать пластическую операцию. Шутила или всерьёз? Не поймёшь её. Чувство юмора у неё какое-то неправильное, не армейское. Генерал не одобрял пластических операций, но коли женщина просит... Он задумался. Бог с ней! Пусть подтянет кожу на шее, если так хочется. Ещё моложе будет выглядеть. Пусть все смотрят, какие они красивая пара. Подумалось: когда-то и он был молодой и красивый, теперь, к сожалению, только красивый.

А что? Это мысль! Дам Наташке деньги и скажу: «Вот тебе, любимая, подарок для исполнения твоей мечты!» И не нужно по магазинам ездить, что-то выбирать, голову ломать.

Когда въехали в город, Строевой уже определился: цветы и деньги. Всё!

-Коля, едем через цветочный магазин! – скомандовал он водителю.

После двухминутного общения с молоденькой

продавщицей Егор Васильевич купил одиннадцать роз. Почему одиннадцать? Потому, что тринадцать – нехорошее число. А пятнадцать много – букет слишком бутафорским будет смотреться, на взгляд генерала.

Черная «Тойота» подкатила к стандартной пятиэтажке, где на втором этаже в двухкомнатной квартире жила его Натали – филолог по образованию и преподаватель местного университета.

Строевой стремительно поднялся по лестнице, позвонил в дверь. Наташа открыла сразу же. Она уже ждала. Если Егор сказал в одиннадцать, значит в одиннадцать и будет. По нему можно часы проверять. По плану у них был совместный обед, а вечером они пойдут к её маме. И никакого приёма гостей. Так предложила Наташа, и Строевой этот план утвердил.

Он стоял перед ней с букетом, улыбающийся, благоухающий одеколоном, и у неё в душе появилось ощущение праздника. Вручил розы, поцеловал, снял плащ, прошёл в комнату пружинистой походкой. Развернувшись через левое плечо и потирая руки сказал:

- Натали, у меня для тебя сегодня несколько необычный подарок. Ты как-то говорила, что у тебя проблемы... Ну... с кожей на подбородке, - Егор Васильевич зачем-то пощелкал себя безымянным пальцем по кадыку. – В общем, вот я решил сделать тебе нужный подарок, - Строевой протянул Наташе пачку долларов, - можешь сделать себе пластическую операцию. Если захочешь, конечно.

Наталья несколько удивлённо посмотрела на него, деньги взяла. Как ни в чём не бывало чмокнула в щёку:

- Спасибо, Егор! Рационалист ты мой. Нет в тебе никаких загадок. Ты прост и надёжен, как автомат Калашникова. Я, наверное, когда-нибудь разберу тебя с завязанными глазами. А собирать буду с открытыми, - засмеялась она.

Строевой заметив, что его подруга не в восторге от придуманного им подарка, бросил в бой главный резерв:

- Натали... Наташа! Я решил... То есть я хочу

предложить... Сделать предложение тебе. Давай зарегистрируемся!

Наташа весело посмотрела на него:

- А мы не торопимся? Ты хорошо подумал? Ведь ещё и трёх лет не прошло, как мы знакомы.

Генерал подошёл и обнял её:

- Не пойму, когда ты шутишь, а когда серьёзно говоришь...

- А если серьёзно, то мне ведь надо подумать. Хотя бы до вечера. А вечером маме скажем, что мы решили пожениться. И потом, тебе ведь нужна практичная жена. Не знаю, смогу ли я быть такой?... Но я буду стараться! – она снова засмеялась, - неужели я буду Строевая?

Заявление в ЗАГС они подали через три дня, как раз двадцать третьего февраля. Придя домой, открыли бутылку шампанского и сели за праздничный обед. Опять вдвоём. Гости были приглашены на вечер.

- Дорогой, я стараюсь брать с тебя пример и в день Защитника Отечества приготовила тебе практичный подарок, - Наташа вышла в соседнюю комнату и вернулась со шкатулкой в руках. Шкатулка была выполнена из металла, похожего на червлёное серебро.

Генерал поставил фужер на стол и настороженно посмотрел, произвольно про себя подумав: «Опять безделушка какая-нибудь ненужная...». Он открыл шкатулку и вытащил из неё ... клизму! Посмотрел удивлённо на Наташу:

- Натали...

- Милый, ты как-то сказал, что у тебя проблемы с кишечником и со стулом. Вот я и решила тебе сделать красивый и полезный подарок.

Генерал вертел в руках клизму: «Больша-а-я, - подумал он. – На поллитра – не меньше! Не пойму я эту Наташку, когда она шутит, а когда серьёзно?! Или намёк какой?»

БАШКИРКИ

Неожиданно появилось ощущение, что жизнь идёт к закату. Нет, не то чтобы совсем неожиданно. Наверное, вовсе не неожиданно, а скорее медленно и неотвратно. В течение нескольких последних лет.

Николаю Викторовичу Салютову до пенсионного возраста было ещё целых три года. Да и в шестьдесят он на заслуженный отдых не собирался. Здоровье, слава Богу, не подводило, а приобретённый опыт за двадцать лет в должности начальника ДРСУ позволял справляться с работой без особого напряжения. На службе было всё нормально. А вот дома... Дома появилось много свободного времени, от которого он просто не знал куда деться, и, как ни странно, уставал от этого.

Сыновья выросли и обзавелись семьями. Дачу они с супругой «благословили» младшему сыну. Пусть молодые занимаются. Им с Ниной вполне хватало четырёх соток при коттедже. Друзей как-то незаметно с возрастом поубавилось. Не с кем стало на рыбалку съездить или просто баньку истопить, пивка попить. Охотиться он перестал после одного случая. Всю жизнь будучи заядлым охотником на водоплавающую дичь, возвращался он как-то после утренней зорьки, и попался ему на глаза заяц. Николай Викторович среагировал быстро и выстрелил. Но не убил, а только ранил ушастого. При этом заяц заверещал, запричитал, заплакал, как ребёнок: « Ай-я-я-яй!» Салютов долго этот последний заячий крик помнил. Добив зайца вторым выстрелом, он даже тушку забирать не стал. Очень расстроился и рассердился на себя. Даже сердце защемило. Зачем он это сделал? Ведь никогда на зайцев не охотился. Так его этот случай выбил из равновесия, что он ружьё продал и зарёкся охотиться.

После этого душевная гармония была окончательно нарушена и вплотную подступила депрессия. Салютов старался задержаться на работе, даже если в этом не

было особой нужды. В выходные он не находил себе места и придумывал всякие дела и поездки. Жена, видя, что муж не в своей тарелке, осторожно давала советы:

– Коля, может быть, пчёлка разведём? Говорят, что пчеловодство очень нервы успокаивает, и с мёдом будем. Посмотри, вон Бубенцовы уже много лет занимаются.

Салютков не мог себя представить в роли пасечника, поэтому отмахивался от жены:

– Да ну их, этих мух! Возиться с ними...

Но Нина Фёдоровна продолжала мягко, но настойчиво подталкивать мужа к занятию пчеловодством. Наконец Салютков решился заехать к Бубенцову. Просто поговорить.

Александр Иванович Бубенцов пчёлами занимался давно. Можно сказать, был фанатиком этого дела. Поэтому, сидя за чаем, он с удовольствием принялся посвящать Николая Викторовича в тайны ремесла медовой добычи:

– Ты, Николай, меня приглашай, если у кого другого надумаешь пчёл покупать. Я помогу выбрать. А то подсунут каких-нибудь слабых или больных. Много семей не бери. Для начала трёх хватит. Легко с ними справишься и проследишь за их деятельностью. Поверь, нет интереснее существа, чем пчела. А какая у них организация! Лучше, чем у людей.

– Уж ты скажешь. Лучше, чем у людей...

– Точно тебе говорю – пчёлы лучше людей. Ну, если не лучше, то и не хуже...

– Ага, такие же...

– Бери, бери! Не пожалеешь. Дело даже не в мёде, сам процесс интересен. Это же целый мир, цивилизация пчелиная... У них даже охрана в каждом улье есть.

– Ну да?

– Точно. Чужака не пустят. Осу – воровку сразу прогонят.

После двухчасового чаепития у Бубенцовых Салютков заколебался – может быть, действительно обзавестись пчёлками?

Спустя месяц, отпраздновав День Победы, чтобы

убить ещё один выходной – 10 мая, Салютлов взял бутылку коньяка и поехал в гости в соседний район к своему приятелю и коллеге Павлу Кочарину.

Павел был дома и очень обрадовался как приезду друга, так и возможности продолжить праздник. Супруга на скорую руку накрыла стол, и как-то незаметно за оживлённым разговором коньяк закончился. Хозяин достал бутылку водки. И вот, когда и она была почти выпита, Салютлов поделился своими планами:

– Паш, а я вот надумал пчёл брать. Чем-то надо заниматься. Хобби – как говорят...

– Это ты правильно. Это молодец... ты. У меня вот друг Лёха Берендеев целую пасеку имеет. Недавно ещё пять ульев привёз, какая-то новая порода, то ли калмыцкие, то ли башкирские пчёлы... А мёду сколько продаёт! И медовуха у него, кстати, всегда есть. А давай, Коля, к нему съездим? Тут недалеко.

Салютлова долго уговаривать не пришлось. Кочарин, заявив жене, что они едут по делу – Николаю пчёл выбирать, быстренько собрался, и они поехали к его другу, размешивая УАЗовскими колёсами жирную грязь весенней дороги.

У Берендеева просидели ещё часа два. Тот щедро угостил медовухой, и даже медового самогона, разохотившись, отведали.

– Берендей, продай Коле пару ульев! А? Он тоже хочет пчёлами заняться, – приставал к хозяину изрядно захмелевший Кочарин. – Из новых своих, а? Как порода называется?

– Башкирками я их зову. Ценные пчёлы. Неприхотливые главное. Морозы хорошо переносят, не болеют. Работают хорошо. Один недостаток – дюже злые. Осторожно с ними надо. Укусы болезненные...

– Николай укусов не боится. Правда, Коля?

– Никого я не боюсь, – отвечал Салютлов, соскальзывая локтями со стола, – башкирки, так башкирки, щас куплю...

К концу застолья подобревший хозяин согласился:

– Продавать я ничего не буду. Я тебе, Коля, подарю один улей. Ты, как только с ними освоишься, приезжай ко мне. Вот тогда я тебе ещё продам, сколько потребуется, – и скомандовал сыну, чтоб подготовил к перевозке один улей – прикрутил дно и крышу.

Берендеев-младший и водитель Салютова – Миша загрузили улей в машину, и мужчины стали прощаться. Долго трясли друг другу руки, потом стали обниматься. Салютов мотал головой и благодарил Берендеева за подарок. Потом договорились встретиться в День пограничника. Потом Кочарин уезжать передумал, сказал, что остаётся ночевать у Лёхи. Потом Лёха и Кочарин помогли Салютову влезть в УАЗик, захлопнули дверцу, слегка приложив Николая Викторовича этой дверцей по голове, и машина, наконец, тронулась, осторожно пробираясь по блестящей в свете фар грязи и бултыхаясь в ямах и колдобинах.

Салютов проснулся ночью. Дико болела голова. Прошлёпал босыми ногами на кухню, с наслаждением попил воды. Зашёл в туалет, щёлкнул выключателем. Лампочка вспыхнула и тут же с хлопком перегорела, не выдержав исходящей от Салютова негативной энергии. Николай Викторович чертыхнулся, нашарил какую-то тряпку и, намочив её, приложил ко лбу. Вчерашний день вспоминался отрывками. Куда они с Кочариным ездили? Где нашли эту чёртову медовуху? Будильника он не услышал. Растолкала жена:

– Вставай, на работу опоздаешь! – ворчала Нина. – Совсем чокнулся – грязный носок на голову налепил. Ты посмотри в зеркало. На кого ты похож?

Приняв душ и пройдя пешком до конторы, Салютов немного пришёл в себя. Прибыл главный инженер. Стали планировать рабочий день.

Тем временем водители спецтехники и автомобилей ремонтно-строительного управления, получив путевые листы и покурив на улице, вошли в боксы, где стояли машины. Первый вопль раздался почти сразу же. Кольку Першина, водителя ГАЗ-53, ужалила пчела. Через

несколько минут уже несколько человек, отмахиваясь от злых насекомых, огласили гараж выразительной бранью. Когда туда вошёл Миша, мужики, бросив своих железных коней, отступали к воротам, а со стороны УАЗика, который он вчера поставил на место уже поздно ночью, закрутив фигуру высшего пилотажа, поднялся целый рой пчёл, раздражённых многочасовым пребыванием в душном помещении с запахами бензина и машинного масла. Башкирки атаковали не ожидавших нападения мужиков яростно и стремительно, как атакуют штурмовики оставшуюся без поддержки зениток пехоту, пикируя на них по всем правилам боевого искусства. Спротивление было бессмысленно и бесполезно. Под кинжальными ударами пчёл водители позорно бежали от воздушного налёта, теряя кепки и ключи зажигания. Больше всех досталось автобуснику Варфоломееву, голову которого башкирки буквально облепили и даже проникли под одежду. Попавшую в штаны пчелу он вовремя нейтрализовал, не допустив самого страшного.

Когда главный инженер вышел из кабинета начальника, туда протиснулся Миша. Николай Викторович только по одежде догадался, что это его водитель. Потому что лица было не узнать: глаз и нижняя губа заплыли, алело распухшее ухо. Начальник изумлённо оглядел своего шофёра:

– Миша, ты чего? Это кто тебя?

– Башкирки! Кто...

– Какие ещё? Откуда они взялись?

– Так мы с вами вчера привезли. Не помните? Я улей на ночь в УАЗике в гараже оставил. А они как-то вылетели. Только мы с мужиками вошли в гараж, они на нас набросились и давай во все места нас сандалить. Меня вот под глаз и в губу цапнули.

– И в ухо?

– Нет. В ухо мне Варфоломеев шабаркнул, когда мужики узнали, что пчёл этих я оставил. Еле убежал от них.

– От пчёл?

– Нет, от мужиков.

– А пчёлы где?

– Пчёлы улетели, мы ворота все открыли. Они и улетели. Только улей в машине остался. Николай Викторович, можно я домой пойду! Всё равно глаз ничего не видит. И болит. Дома компресс приложу.

– Иди, Миша, иди.

Салютов пригласил механика. Оказывается, тот тоже всех ужаленных домой отпустил. Работа управления была наполовину парализована. Не было печали... Придётся списать на послепраздничный день.

Через час с кабинетными делами было покончено. Нужно было выезжать, и начальник ДРСУ решил ехать сам, без водителя. Выйдя во двор, увидел – ворота всех боксов настежь распахнуты, вся техника на месте.

Подошёл к своему УАЗу. Вытащил из машины улей, поставил в угол. Только закрыл заднюю дверцу, как услышал над ухом злое пение пчелы. Опомниться не успел, получил укол в шею. Голова дёрнулась, как от выстрела. Раздавил рукой башкирку. Матерясь, выскочил из гаража. В голову ударил и запутался в волосах ещё один агрессивный комочек. Раздавил. Увидел, что из гаража вылетают ещё пчелы. Рванул к дверям конторы. Бежал и чувствовал, как смотрят на него десятки удивлённых женских глаз из окон бухгалтерии. Рванул дверь на себя, запнулся и шлёпнулся во весь рост на кафельный пол коридора. Хорошо, что здесь никто не видел. Вошёл в кабинет, отдышался. Теперь кроме головы болела ещё шея и ушибленные локти. Выпил воды. Потрогал место укуса. Вспомнил Бубенцова. «Пчёлы лучше людей! Пчёлы – это цивилизация!» Какого чёрта? А если вот так вот из всех ульев по всему миру вылетит эта злющая цивилизация?! Что от нашей цивилизации останется? Да ну их на хрен!

С таким трудом обретенная было вчера душевная гармония вновь была нарушена. На Салютова навалилась усталость.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Пятница выпала не на тринадцатое, а на двадцать девятое. На двадцать девятое августа выпала пятница, но, тем не менее, день не задался с самого утра. Три часа глава администрации Катанайского района Дегтярёв провёл на медеплавильном комбинате – градообразующем, кстати, предприятии города. Да что города – всего округа, в который входили ещё десяток посёлков.

Так вот, он там провёл три часа в переговорах с дирекцией, но проблему так и не решил. Комбинат не собирался отапливать город, пока администрация не погасит долги. Договорились встретиться через неделю, на том и разошлись.

А осень между тем была не за горами. Листья на деревьях пожелтели. Впрочем, они пожелтели ещё в июле – комбинат ведь пока работал. Правда, на треть мощности, но работал, а значит, трубы дымили исправно.

Едва зашёл в кабинет – звонок из Бочагово – самого отдалённого посёлка. Позвонил директор школы и сказал, что их коллектив объявляет забастовку, то есть, первого сентября, и последующие дни учителя работать не будут, пока не выплатят зарплату и отпускные.

- Я уже не могу, Александр Иванович, влиять на коллектив, - говорил директор школы Петровский, - люди не могут жить без денег, да и школу не отремонтировали, а обещали.

- Ты подожди, подожди, Николай Иваныч, надо встретиться. Я к вам после обеда выеду и спокойно поговорим.

Однако через полчаса позвонили из областного центра и сказали, что главу администрации ждут в департаменте ЖКХ. Александр Иванович вызвал одного из своих заместителей Ключкина Игоря Кузьмича. Он через минуту уже вошёл, как будто под дверями сидел. Дисциплинирован был и исполнительен Ключкин. Только

Богу молиться нельзя его заставлять. Лысоват, полноват, но подтянут и резок в движениях и заявлениях. Двадцать пять лет протрубил в армии на интендантских должностях.

- Игорь Кузьмич, ты ведь три дня назад в Бочагово был. Что там в школе?

Ключкин полистал ежедневник:

- Докладываю. В школе имел разговор с директором Петровским. Он просил срочно заменить часть окон – рамы сгнили. Это мы ещё весной планировали. И зарплату, конечно. Я уже докладывал. Учителя, говорит, не выйдут первого сентября. А я ему – ты для того и поставлен, чтобы решать эти вопросы, чтобы учителя работали. А если не хочешь – пиши заявление.

- Так и сказал?

- Так и сказал! Директор, понимаешь, а такие заявления...

- Не понимаю, как ты с людьми работаешь?

- Легко! А что с ними?

- С людьми, Игорь Кузьмич, легко работать только снайперу. А нам другой результат нужен. А если Петровский напишет заявление? Директором школы ты сам туда поедешь работать? Так, что ли?

- Я, Александр Иванович, везде ездил, куда Родина посылала.

- Сейчас Родина тебя посылает найти десять оконных блоков для Бочаговской школы, на бартер. К понедельнику надо решить.

- Какого размера? На что менять будем?

- Какого размера – я у тебя спросить должен, а на что менять ... Ты узнай, у кого они есть и договорись в принципе. Детали потом, в понедельник. А в Бочагово сегодня Зайченко съездит – начальник управления образования.

- Да что от него толку! Александр Иваныч, с ним надо что-то решать. Каждую пятницу, понимаешь, на стакане...

- Иди, работай, с ним я сам разберусь.

Зайченко был в одной из городских школ. Через

полчаса подъехал. Невысокий, худой, в очках, он больше походил на студента. Таких ботаниками называют. И лет ему было немного – только за тридцать перевалило.

Дегтяреву уже пора было выезжать, поэтому он сразу изложил суть вопроса и поставил задачу:

- Николай Фёдорович, твои в Бочагово собрались бастовать... Уже знаешь? Вот и поезжай, поговори по душам с коллективом, объясни ситуацию. Как будет возможность, зарплату вы заплатим, а окна для ремонта, возможно, на следующей неделе будут. Нельзя нам сорвать первое сентября. Для ребятешек праздник должен быть.

- Я понял, Александр Иванович, прямо сейчас и поеду.

- Да, пообедай и поезжай.

- Я там на месте перекушу, чтоб время не терять.

Через пятнадцать минут УАЗик начальника образования, вырвавшись из города, уже мчался вдоль скал Катанайской гряды в сторону Бочагово.

Прибыв в посёлок, Зайченко нашёл Петровского и попросил собрать коллектив педагогов. Это заняло немного времени – посёлок был небольшой и расположен компактно меж рекой и покрытыми лесом горами.

Пока собирались, Зайченко с директором ещё раз осмотрели всё, что требовало ремонта. «Если деньги найдём – в сентябре успеем сделать, не нарушая учебного процесса», - подумал Николай Фёдорович. А Петровскому сказал:

- На следующей неделе, Николай Иванович, наверное, окна привезут.

Через полчаса двадцать педагогов собрались в одном из классов Бочаговской школы. Николай Фёдорович решил сначала выслушать педагогов. Выступили, если не все, то многие, и довольно резко. Зарплата не выплачивалась с марта. Отпускные тоже не получали. Естественно, у людей терпение лопнуло.

Итог учительских выступлений подвела Ксения Михайловна Петровская – жена директора и профсоюзный лидер школы:

- Вы вот, Николай Фёдорович, опять приехали нам обещать и уговаривать, а глава администрации не приехал. Значит, ему нечего сказать. А вы, между прочим, начальник управления образования, должны защищать интересы учителей и зарплату платить обязаны как работодатель. А то был тут у нас недавно заместитель главы Плюшкин... Что? Да, Клюшкин, конечно. Так он вообще сказал, что надо нас всех уволить.

Николай Фёдорович в своей речи попытался всё объяснить – уже в который раз, воззвать к исполнению гражданского долга. Но по лицам женщин понял – всё бесполезно. Они уже не верят и настроены решительно.

Когда все разошлись, они с директором, проговорив ещё минут пятнадцать, вышли на крыльцо. Тут Зайченко вспомнил, что он ещё не обедал.

- Хоть бы чаем напоили, что ли, - буркнул начальник управления образования.

- О, Николай Фёдорович, это пожалуйста! Милости просим ко мне в хату, - директор школы испытал некоторое облегчение, когда тяжёлый разговор закончился.

Подошли к дому Петровских. Палисадник благоухал яркими цветами. Хозяин пригласил и шофёра, но тот отказался, сказав, что успел пообедать.

Жена директора подала жареную картошку, солёные грибочки:

- Угощайся, Николай Фёдорович, чем богаты, тем и рады. Извиняй, колбасы и деликатесов нету.

- А что, великолепная закуска, Ксения Михайловна. Какие ещё деликатесы нужны?

Петровский замялся:

- Ксения, может, мы по маленькой? Гость всё-таки с дороги... А?

Ксения Михайловна, поворчав для виду, достала бутылку первача. Она немного переживала, что так резко выступила, и ей даже было по-женски жаль Колю Зайченко. Он- то чем виноват? Такая уж ему работа досталась. Да и время сейчас тоже ненормальное.

Мужчины выпили по рюмке. Покушали. Зайченко поднял голову и показал вилкой на жёлтые фотографии, висевшие на стене:

- Николай Иванович, а это кто, в военной форме?

- Отец мой. Ротой командовал, когда Ленинградскую блокаду прорывали. Тяжело ранен был подо Мгой. Так от ран и не оправился. Умер уже после войны, в сорок седьмом. Мне тогда семь лет было.

- А у меня дядя там погиб, на Балтике служил.

- Давай за них выпьем.

- Давай.

В это время раздался стук в двери. Вошёл Климов – учитель физкультуры:

- А я иду, думаю, кто там громко разговаривает? Окно-то открыто. Дай, думаю, зайду, спрошу ещё у Николая Фёдоровича...

- Чего ты спрашивать собрался? Давай, садись! Мы тут за фронтовиков выпили, щас снова нальём. Ксюша, Ксюша, дай ещё одну рюмку!

Хозяин снова наполнил посуду:

- Ну, за тех, кто командовал ротами!

Зайченко, закусив, поправил очки и затынул:

Выпьем за тех, кто командовал ротами,

Кто умирал на снегу...

Мужики подхватили:

Кто в Ленинград пробирался болотами,

Горло сжимая врагу...

Песня лилась в открытое на палисадник окно, летела над домами и, отражаясь от Катанайских скал, эхом звучала в посёлке. Редкие прохожие, кто удивлённо, кто с улыбкой оглядывались на окно, где два баса и баритон старательно выводили:

Выпьем за Родину, выпьем за Сталина,

Выпьем и снова нальём!

Начальник управления образования снял очки и смахнул слезу.

- Чего ты, Коля?

- За что воевали, Иваныч? Первого сентября дети в школу не пойдут...

- Пойдут, Коля! Пойдут! – Петровский стукнул кулаком по столу. – Вот им! – Он сунул кукиш куда-то вверх. – Правда, Ксюша? Дай мне телефон!

Ксения Михайловна махнула рукой:

- Вон телефон, на тумбочке, звони...

Петровский поднялся и подойдя к аппарату, стал накручивать диск, набирая домашний телефон завуча:

- Тамара Васильевна, дети должны первого сентября учиться, мы тут порешали... Что ты молчишь?

- Так я уж поняла, что должны учиться – мимо вашего дома проходила...

Провожая Колю Зайченко, Петровский сунул ему банку солёных грибов. Тот начал отнекиваться.

- Бери, бери! У нас тут их полно, а ты в городе... Тоже ведь зарплату не получаешь.

Приехав в администрацию поздно вечером, Зайченко набрал номер главы района:

- Александр Иванович, я только что приехал. Зайти к вам?

- Договорились с педагогами?

- Договорились.

- Ну и хорошо. Подробности потом расскажешь.

Глава администрации торопился разобраться с документами. Услышал, как в приёмную кто-то вошёл. «Зайченко всё-таки решил зайти», - подумал. Однако вошёл не Зайченко, а Ключкин:

- Александр Иванович, я считаю нужно прекратить это безобразие, - начальник управления образования пьяный в администрации, с закуской по коридору... Знаете, что он мне сказал, когда я ему замечание сделал?

- Как я могу знать, что он тебе сказал?

- Он мне сказал: «Иди к е...й матери!»

- Да? А ко мне-то зачем пришёл?

- Кто?

- Ну ты, кто... С окнами решил?

- Нет. Мне сказали позвонить в понедельник.

- Вот видишь, Игорь Кузьмич, с окнами ты не решил... А с тобой мне что делать?

- По крайней мере, я трезвый...

- И что? Благодарность тебе за это или премию выписать?

- Знаете, - Ключкин занервничал, - если в сравнении с некоторыми, то можно и благодарность, и премию...

- Я понял, Игорь Кузьмич. До свидания.

Ключкин вышел. Дегтярев швырнул на стол авторучку. Выругался. Закурил. Посмотрел в окно, уже темнело. Взял авторучку, чистый лист, написал: «Распоряжение...».

Когда в понедельник Ключкин зашёл в здание администрации, увидел у доски приказов хихикающих девушек. Подошёл. Там висела только одна бумага. Стал читать: «Распоряжение... Заместителю главы администрации Катанайского района Ключкину Игорю Кузьмичу объявить благодарность за то, что он в пятницу, двадцать девятого августа целый день был трезвый...».

ОТДЕЛ

К концу дня солнце заглянуло в окна, которые выходили на запад. В зале стало совсем душно – кондиционер не справлялся.

Заседание городской Думы продолжалось уже шестой час. Битый час. Предыдущие пять были тоже «битые». По крайней мере, такими их считал председатель Думы Виктор Степанович Жиров. Виктор Степанович нервничал. Тёзка Черномырдина – среднего роста, плотный, с кустистыми бровями и волевым лицом – он и внешне походил на премьера. На производстве Виктор Степанович прошёл путь от слесаря до директора завода. Крутая волна перестройки вынесла его в зампреды горисполкома, а в середине девяностых Жиров возглавил городской парламент. Выходец из рабочей среды, он привык в острых ситуациях подкреплять свои аргументы великим и могучим русским нецензурным языком, чего не мог позволить себе сидя в кресле председателя. Оттого доводы его теряли большую долю убедительности. Слова, которые он обычно употреблял для связки, Виктор Степанович проглатывал. Речь его спотыкалась, а мысли казались скачущими, как пущенная под гору телега на засохшей после дождя глинистой дороге, что вовсе усиливало его сходство с высокопоставленным тёзкой.

Жиров нервничал потому, что это заседание было последним перед летними каникулами депутатов – завтра они с женой уезжали на отдых. На сегодня был запланирован ещё ряд срочных дел, но обсуждение совсем некстати затягивалось. Такие важные для реформирования вопросы продавили в жарких дебатах с коммунистами, а споткнулись буквально ни на чём. При рассмотрении вопроса об утверждении структуры городской администрации доцент пединститута Струйкин, чья докторская диссертация по истории КПСС накрылась той же перестроечной волной, ныне депутат от КПРФ,

возмутился:

- А почему это, уважаемые депутаты, у нас в названии органа, руководящего образованием, появились изменения, противоречащие Конституции? Почему из названия управления образованием исчезло слово «народного»? А? «Народного образования»! А?

Все поняли – сейчас коммунисты будут брать реванш за проигранные дебаты по предыдущим вопросам повестки. Депутаты заёрзали, завздохали, заворчали. Устали уже. Всем хотелось поскорее закончить.

Уставший от духоты и прений Жиров сделал попытку подавить ненужную дискуссию в самом зародыше:

- Ну, что вы, Николай Васильевич, это совсем непринципально... Ни о чём это... Это ведь как везде, ну... Многие термины исчезли: «советский», там «социалистический»... В других городах также... По аналогии готовили... На комитете опять же прошло.

- Нет уж, извините! Это как раз принципиально. Образование у нас для народа. Значит «народное». Если мы и здесь пойдём на поводу, завтра у нас образование будет для избранных!

Неожиданно коммунистов поддержали депутаты от ЛДПР, тоже заявив, что они за народ. «Тьфу, популисты чёртовы!» - выругался про себя Жиров. Пришлось поставить на голосование. Большинство голосов поправка коммунистов прошла. Глаза Струйкина засверкали из-под очков, он воспрял духом и пошёл в атаку:

- А что, про ВУЗы опять забыли? У нас в городе три института! Забыли, с каким трудом пробивали финансовую поддержку для них? Нужно всё узаконить, хотя бы на нашем уровне. Создать в структуре управление высшего образования или хотя бы отдел самостоятельный... Чтобы кто-то конкретно занимался. Чтобы было с кого спросить!

Это было уже слишком. Жиров возмутился:

– Господин Струйкин! Это уж вы совсем ... Как его? Нонсенс! Вы куда это хотите? Лоббируете, что ли?

Собственные интересы! Зачем, понимаешь...? –чтобы немного успокоиться, председатель схватил бутылку с водой, налил полстакана, залпом выпил. Вода была тёплая до омерзения. – Хватит, это самое, блин, из колеи повестку выбивать! ВУЗы на федеральном бюджете! Нечего городу заниматься!

– Как это «нечего»?! ...

У Струйкина опять нашлись сторонники. И немудрено – в городской Думе было несколько депутатов из этих самых ВУЗов. Несмотря на свои демократические взгляды, в этом вопросе они коммуниста Струйкина с готовностью поддержали. Жиров со товарищи бились ещё полчаса, но по результатам голосования опять проиграли.

«Хрен с ними, пусть открывают этот отдел! Год поработает, потом закроем. Главное, в целом структуру утвердили – теперь можно отдыхать... Пусть теперь исполнительная власть работает», – смирился председатель.

Виктор Степанович, закрывая заседание, поблагодарил депутатов за работу, пожелал хорошего отдыха. Затем быстро собрал бумаги и прошёл в рабочий кабинет.

Там он сделал несколько звонков, принял двух человек. Потом вызвал машину и поехал домой. По пути заехал в универмаг, купил большую сумку – жена просила, пальчиковые батарейки – внук просил, немного подумав, купил спортивный костюм – никто не просил – Жиров себе купил. Очень ему понравился.

В квартиру вошёл уже с приподнятым настроением. Попили чаю с женой, не спеша стали собираться. Легли спать за полночь. Самолёт улетал после обеда – можно было отоспаться.

Не получилось. Телефонный звонок разбудил Жирова десять минут девятого. Он нехотя поднялся, нашёл тапочки. Подумал – сын звонит. Но звонили, как ни странно, с работы – руководитель аппарата гордумы Колодкина. Анжелика Семёновна высоким голосом

закричала в трубку:

– Виктор Степанович, алё! Здравствуйте!

Жиров вместо «здрасте» что-то чмокнул в телефонную трубку – толком ещё не проснулся. Потом просипел:

– Слушаю, ну... Говори.

– Виктор Степанович! Тут такое дело, поэтому я сразу с утра решила... В общем, не знаю, как сказать...

– Да говори уже, – Жиров опёрся рукой о тумбочку и присел, – ну?

– В общем, придётся переголосовать! Нужно вносить изменение в решение...

– Чего ты несёшь? Какие изменения? Тебе, что ли, это решать? – У Жирова появилось нехорошее предчувствие.

– Так отдел высшего образования самостоятельным юридическим лицом проголосовали...

– Ну, нашла о чём беспокоиться! Пусть создают, Анжела, пусть работают. Потом разберёмся.

– Нельзя, Виктор Степанович! Самостоятельное юридическое лицо – это Устав, это печать, это сокращённое наименование...

Председатель Думы никак не мог уразуметь: «Чего она истерит, как будто мы закон о многожёнстве приняли?»

– Слушай, говори конкретно, почему нельзя?

– Сокращённое наименование, аббревиатура то есть... Ну, сами подумайте, что будет?! А в решении Думы ваша подпись...

– Что будет? ...

– Ну, что вы... Городской Отдел Высшего Народного Образования... И это всё будет на круглой печати!

Жиров вдруг окончательно проснулся. До него дошло. Лоб покрылся испариной: «Еп – понский бог!»

– Что вы молчите, Виктор Степанович?! – кричала в трубку Колодкина.

Жиров взбеленился – чего сейчас-то визжать?

– А вчера-то, вчера ты где была, курица?!

– Я? Я ... Вы что? Вы же сами меня отпустили... Я же в очередь к парикмахеру...

– К парикма –а –херу ...!! – председатель с размаху бросил трубку на рычаг аппарата. Тот жалобно тренькнул и треснул по корпусу. «Ну почему, почему?! Ну за какую реформу, понимаешь, ни возьмёмся... Только это плывёт... Отовсюду!» Жирова снова охватил приступ ярости:

– Ну, коммуняки клятые! Мать вашу так перетак! – крыл последними словами коллег-депутатов бывший член КПСС с двадцатилетним стажем Виктор Степанович Жиров, – ну ничего святого нету – весь отпуск изгадили!

ОМЕРТА

Выйдя из подъезда, я увидел, что за столиком под клёнами собрались мужики. Подошёл поздороваться. Как водится, шёл обычный мужской трёп. Вася Гордеев что-то старался доказать:

- ... Вот сицилийцы, например, зря болтать не приучены. А уж тем более стучать друг на дружку. Один даже своего десятилетнего парнишку собственноручно расстрелял, когда тот преступника карабинеру выдал...

- Ну, Васька даёт!

- Вася, ты ври, да не завирайся...

- Точно вам говорю, правда, давно это было...

- Давно и неправда!

- Есть у них такое, - поддержал Ваську Дмитрий Ерофеич, - «омерта» называется.

- Может быть «омега»?

- Цыть, ты... Знаток! «Омега» - буква, а «омерта» - переводится как «заговор молчания», традиция у них такая, народная.

- Почему только у них, а у нас что – не бывает?

- Бывать-то, бывает, да только не в традиции это у нас. У русского душа всегда открыта – хоть надо, хоть не надо. Так что не промолчит, даже если захочет.

- Ну, Ерофеич, здесь ты не прав...

- Чего – «не прав»? Я вот вам случай расскажу...

Дмитрий Ерофеич был признанным рассказчиком, поэтому все наострили уши и замолчали.

- Это тоже давно было, в пятидесятых годах. Мне мой дядька рассказывал. Работал он тогда в райисполкоме служащим каким-то. И была у них в районе деревня Рыковка. Собственно, она состояла из двух деревень – Рыковки и Оплетаевки, которые потом в одну объединили. Так вот, хоть и стали они одной деревней, но жители друг дружку не любили, так что каждый, считай, праздник потасовку меж собой устраивали. Сколь участковый с ними

не бился, так вражда и оставалась. Зато уж своих, своих никогда не сдавали, нет. Тоже, значит, омерта у их была...

Вот как-то поступил в район сигнал на злостную самогонщицу Дарью Глушкину из Оплетаевки. А дядька-то как раз туда в командировку по делам исполкомовским собрался. Ну и милиционера, что к самогонщице был направлен, в свою бричку взял. А милиционер ему и говорит:

- Вы, Степан Иванович, найдите уж полчаса времени – будете у меня понятым. И кучера вашего попрошу, а то ведь в этой деревне понятым быть никто не согласится. Знаю я их.

Дядька, конечно, согласился. Борьба с самогоноварением – одна их главных задач советских и партийных органов. Но, видать, забыл сказать милиционеру старшине, что кучер-то, Никодим Ефимович – молчаливый такой мужик, родом из этой Оплетаевки.

Протряслись они туда часа три. К обеду прибыли. Не заходя в сельсовет – чтоб, значит, внезапность была – нагрянули сразу к этой Глушкиной. Дарья, конечно, растерялась. Не ожидала таких гостей. Старшина ознакомил её с бумагой, стал обыск чинить. Дядька мой за стол уселся, наблюдает. А кучер, как понятой, тоже шебутится – кастрюльки и банки все обнюхал, флягу, что у печи стояла, открыл:

- Вода, - говорит, - тут, товарищ старшина.

Старшина кивнул, стал обыск продолжать в горнице, в сенях и на чердаке, в сарае и под навесом. А кучер притомился, присел прямо на флягу и говорит хозяйке:

- Дала бы, Дарья, кружечку, взопрел я чего-то. Водички охота.

Дарья ему кружку дала. Попил он и дальше сидит – ждёт, когда обыск закончится. Старшина всё досконально обшарил – нет ничего!

- Дарья Петровна, - снова говорит хозяйке, - сдайте добровольно, ещё раз вам предлагаю. Мягче будет наказание. Ведь есть у вас самогон. У вас даже в хате

брагой пахнет. А она ему:

- Был грех, гнала когда-то. Но сейчас – ни-ни! Это рыковские на меня наговаривают. Вот только запах и остался маненько с тех времён. Видать, занавески его впитали, вот и воняют.

Что делать, кучер ещё водички выпил, и поехали они, несолоно хлебавши. Только к сельсовету стали подъезжать – вдруг кучер, Никодим Ефимович, до этого всю дорогу молчавший, как запоёт:

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны...

Дядька со старшиной переглянулись. Хлопают кучера по плечу:

- Ты чего это, Никодим Ефимыч, расчувствовался, а?
А тот не реагирует, знай себе заливается:
Выплывают расписные
Стеньки Разина челны...

Тут только до старшины дошло. Выхватил он у кучера вожжи, оттолкнул его и давай бричку разворачивать обратно:

- Как я сразу не догадался, Степан Иваныч! Он же, чёрт старый, на фляге с брагой сидел! Чего, думаю, он столько воды пьёт – угорел, что ли?

Вернулись они быстро, полчаса не прошло. Кинулся старшина к фляге, а там вода уже. И только слегка бражкой припахивает.

Вот так вот. А вы говорите – у нас «заговор молчания» бывает. Наш мужик разве молчать будет? Обязательно заголосит. Не сицилиец ведь какой-нибудь, прости Господи!

КОНЕЦ АТАМАНА

Он не проснулся, а очнулся. Очнулся, но глаза открыть не мог. Да и не хотел. Всё тело, казалось, затекло. Нехорошие предчувствия не давали дышать. Как трещит голова! Память – белый лист. Ни хрена в памяти...

Впрочем, и так понятно, что он – не дома. Вернее, дом этот – казённый. Это и с закрытыми глазами ясно. По запаху. Причём это не вырезвитель. Это – КПЗ. Уж он-то этот запах знает. В кожу вьелся. У него, Семёна Разина, три ходки. И не абы какие, а авторитетные: одна – за разбой, две – за грабёж. Так что вес он имеет, и среди братвы, и среди ментов. В своём районе, когда в пивные заходит – место уступают. Тем более сейчас, в начале девяностых, когда менты и военные боятся в форме ходить. Зато блатным благодать – их время настало: кабаки, киоски, ларёчки, девочки... Все должны – все платят. Золотое время!

Однако. Как же вчера? С кем? Не вспомнить. Ох, даже лоб наморщить больно. Придётся ждать вспышек памяти или сведений извне. Может рукой глаз открыть? А если лампочка над головой? От яркого света, как от молнии, может башка лопнуть. А в голове бил колокол. Меж зрачками и закрытыми веками проплывало мутно-коричневое пятно с яркой солнечной короной, как в затмение солнца. Затмение. Полное затмение.

Дома бы нашел силы встать. Нашарил бы заначку. Набулькал бы соточку в гранёныш. Протолкнул бы первую. Чуть погодя побежали б мурашки по телу, забисерился пот, открылось бы дыхание...Ох! ... Губы не разлепить. Пить хочется. Попробовал пошевелиться. Почувствовал приступ удушья – частыми тяжелыми ударами ломилось в рёбра и стучало в доски шконки изнасилованное огорчённое сердце.

Надо вспоминать с начала, с утра, значит. А с утра в пивной они втроём были: он, Бурнаш и Узбек. Вот оно! После пива Узбек набил папиросочки «дурью» и предложил

по косячку. Никогда раньше он не мешал траву с алкоголем. А тут бес попутал. Потом ещё портвейн и водку пили. Поэтому и не вспомнить ни хрена. Однако, надо. Тревога вновь вернулась и овладела сначала животом, а потом и всем телом.

Почему в КПЗ? Снова срок? Четвёртый раз чалиться Семёну не хотелось. Сейчас на воле особенно в кайф. Да и возраст – уже не пацан. Сколько же ему? Чёрт, и это не вспомнить – то ли тридцать семь, то ли тридцать восемь. Не сообразить. Бог с ним!

Но всё равно вставать надо. Попытался. Приподнял голову. Разлепил веки, но открылся почему-то один глаз. В камере он тоже был один. Опустил ноги, но промахнулся мимо пола и шлёпнулся со шконки на пол – чугунная, распухшая башка перевесила обезвоженное, скорченное туловище. С маху поцеловав пол, на секунду потерял сознание. Потом снова удивился, второй раз обнаружив себя в КПЗ. Осторожней бы надо. Так и в парашу можно упасть! Хорошо, что никто не видит. Совершил подвиг – поднялся и попил. Снова сел на нары. Противно тряслись колени, на шее бил нерв. Придавил его рукой.

Первая вспышка в памяти: звон стекла. Громадное витринное стекло. В середине звездообразная дыра от кирпича. Потом оно медленно падает, многочисленными искрами рассыпаясь по асфальту. Крик Бурнаша: «Достали, мусорюги! Перебью всех!» И снова звон стекла.

Сёму Разина бросило в жар, затем затрясло. Это же... Они же... Это же витрина универсама! Этот баклан спяну разбил витрину центрального магазина! Понятно – за что их повязали. Ну, а он то чего этого придурка не осадил? Он же всегда против беспонтового кипеша.

Но память услужливо подсовывала другие картинки: Бурнаш бросается через разбитую витрину в зал универсама. Семён ему кричит: «Бур, назад! Стой, падла!» Потом бежит за ним.

Поздний вечер был, поэтому в универмаге никого. Вдруг перед Сёмой возникает женщина. Его пробивает

хохот. Дикий пьяный хохот. Он её отталкивает прочь с дороги. Появляется вторая молодуха, такая же стройняшка. Он рвёт на ней кофточку. Баба падает. Он на неё. Дальше опять провал. Затмение. Помнит только, что худая и костлявая.

О-хо-хо...Однако скоро к следаку вызовут. Почему к следаку? Наверное, к оперу. Вчера же он ничего не мог говорить в принципе. Стало быть, не было первого протокола, значит, к оперу.

Это что же, мать твою! Опять бросило в жар. Кроме ограбления магазина ещё и изнасилование пришьют?! Ему – авторитету! Это же ездец полный! Ему, Атаману – грабителю с безупречной репутацией, почти в законе вору!

Сёма Разин заметался по камере – откуда силы взялись... Быстро выдохся. Шлёпнулся на нары. Мысли продолжали метаться в больной голове. Удавиться, что ли? И всё! Сразу кончится этот кошмар. Он окинул взглядом камеру, хотя и так знал – хрен тут тебе позволят вздёрнуться.

Загремел засов, открылась дверь:

- Разин, подъём! Вперёд!

Кое-как поднялся. Поплёлся по коридору. Вошёл в кабинет. По глазам больно ударил солнечный свет из окна. Оказывается, на улице уже был день.

Опер молодой, лет двадцати семи, с усталым лицом и красными глазами, в светлой рубашке с расстёгнутым воротом и закатанными рукавами предложил присесть, подвинул пачку сигарет и спички:

- Меня зовут капитан Крюков. Кури.

Однако Сёма потянулся к графину с водой:

- Я острограмлюсь, начальник?

Опер кивнул, и глядя как он наливает из графина воду, выбивая морзянку о край стакана, не удержался:

- Эх тебя колошматит, Атаман! Не местный самогон часом употреблял?

- Всё было, начальник, - Сёма уселся, вытирая губы рукавом.

Начальник молчал. Казалось, ему лень задавать вопросы, потому что всё он уже знает и неинтересен ему Сёма Разин, по кличке Атаман, ни с какой стороны.

Потом всё же начал по порядку:

- Фамилия... Год рождения ... Образование ... Где проживаете? ...

Записал и снова задумался.

- Хочу сразу предупредить, гражданин Разин, много свидетелей, да и Евгений Бурнашов всё сказал и подписал. – Опер кивнул на бумаги.

- Не знаю, чего он мог там рассказать, - хрипло сказал Сёма, еле разлепив снова пересохшие губы.

- Разбили витрину, проникли в универмаг. Свидетели показывают, что ты рвал одежду...

- Знаешь, начальник, я тоже хочу сразу сказать. Витрина... Магазин, там... Ограбление... Подпишу, что хочешь. А вот этих баб... Баб ты мне не пришьёшь! Сами приставали. Я, наоборот, отталкивал их, не знал, как отвязаться...

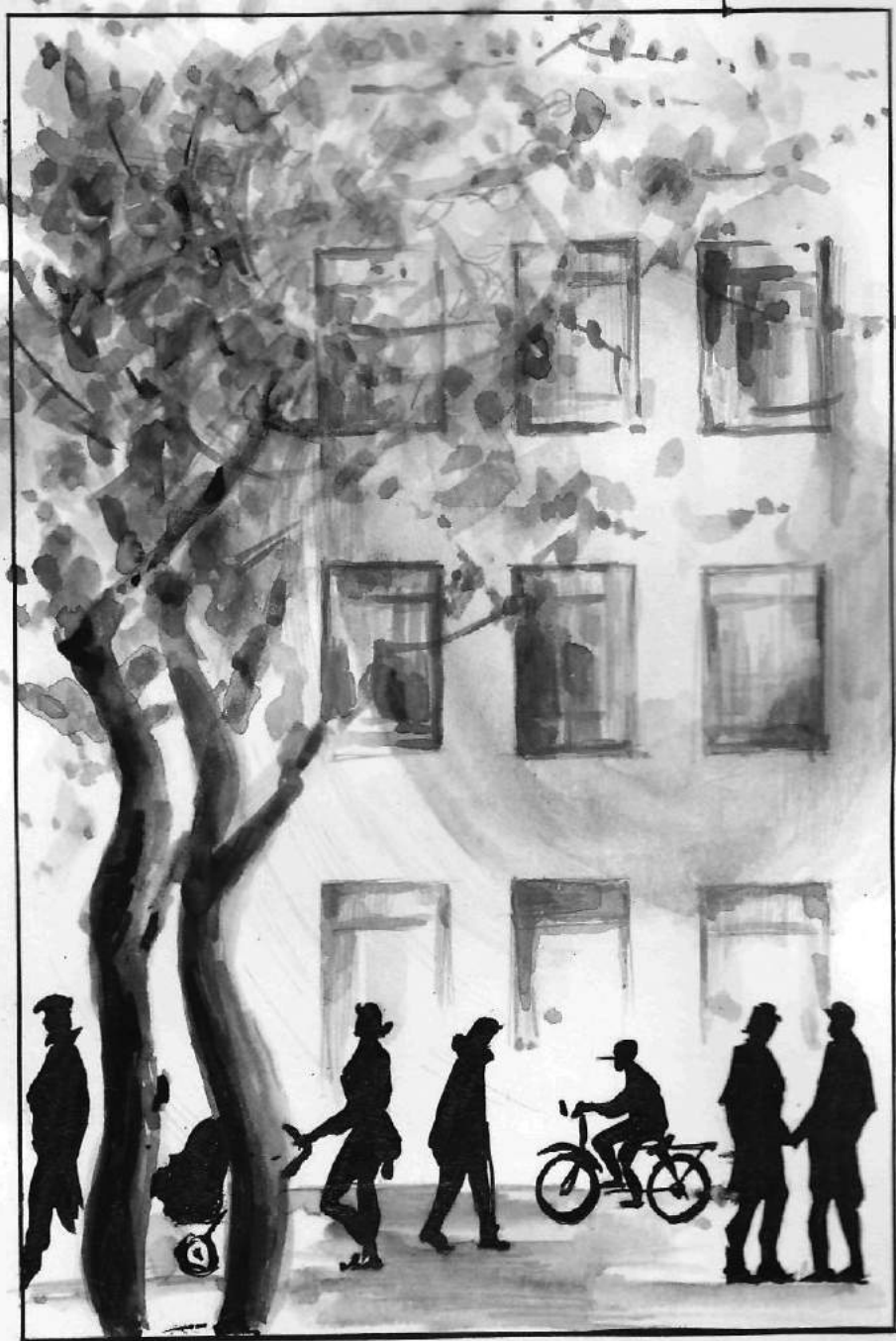
Капитан Крюков вскинул голову и удивлённо поднял брови. В глазах заискрились смешинки. Потом он не выдержал и расхохотался, уронив голову на руки.

Сёма понял, что ляпнул что-то не то, совсем ненужное, лишнее. Но голова не могла сообразить – что?

Оперативник перестал смеяться. Вытер тыльной стороной ладони выступившую слезу:

- Какие бабы, Атаман? Ну, уморил... Ты порвал одежду на манекене! Имущество испортил в количестве трёх женских манекенов. А у одной... у одного даже ногу отломал.

Сёма сгорбившись шёл в камеру, всё ещё ничего не понимая и пытаясь запустить ход мыслей в звенящей голове: «Это что же? Он, Атаман, грабитель с безупречной репутацией, сядет за изнасилование манекена?! Это же хуже смерти. Это конец!»

ЖИТЕЙСКИЕ ХРОНИКИ БОРИ БРУСНИКИНА

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ,

в которой Боря Брусникин впервые в жизни встречается с иностранцем, попадает в контору, в которой лекции читают более убедительно, чем в институте, находит верный способ отвлечься от зубной боли, живет три дня в другом измерении и обнаруживает себя в учреждении, где осуществляют перевод из одного измерения в другое и обратно.

В семьдесят четвертом году Боря Брусникин перешел на третий курс машиностроительного института. Нельзя сказать, что уже окончательно перешел, потому что были два «хвоста» - из пяти экзаменов летней сессии два Борис завалил: сопромат и высшую математику. Именно в этом и была неопределенность его положения. В случае одного несданного экзамена, Брусникин легко бы получил разрешение на пересдачу во время сессии. Если бы «завала» было три, тоже была бы полная ясность, и сейчас уже был бы приказ об отчислении из вуза и готовился бы Боря к службе в Советской Армии. И продолжил бы он учебу уже через две весны, через две зимы. Конечно, если бы по здоровью в военкомате не забраковали. Здоровье у Бори было не очень. Не то что у его закадычных друзей Сереги Хлебкова и Петьки Харина.

В общежитии они жили в одной комнате и были неразлучной троицей: высокий брюнет Хлебков, среднего роста белокурый очкарик Боря Брусникин и маленький рыжий Петька Харин. Серега был спортсменом – боксом занимался, а Харин, хоть и метр с кепкой, но палкой не убьешь. Живучий. Один раз выпрыгнул с четвертого этажа общаги, и ничего – только пятки отбил. Пацаны удивлялись: повезло, мол – на газон приземлился, а Хлебков был уверен, что Петькины сатиновые трусы сработали как

парашют и замедлили падение его сорока килограммового скелета.

В общем, не известно взяли бы в армию Борю или нет, но именно потому, что «хвоста» было только два, пересдачу разрешили, но осенью. А пока Брусникина направили в распоряжение проректора по административно-хозяйственной части, в бригаду рабочих, осуществлявших ремонт родного института и подготовку его светлых аудиторий к новому учебному году.

Впрочем, туда же, вместо традиционной уборочной страды в подшефных колхозах, направлены были и его друзья – Хлебков, потому что летом спортивные сборы и ему нельзя уезжать из города, и Петька Харин – хитрец конопатый – потому что справку достал, что нуждается в диетическом питании, которого ему в колхозе не обеспечат.

Так или иначе, но трое приятелей оказались в одной бригаде, что не способствовало ни высокой производительности труда, ни эффективной подготовке к пересдаче экзаменов. Старшим в бригаде был четверокурсник Яков Гуров, которого студенты в глаза звали Батей из уважения к его возрасту, а за глаза просто – Яша Гудрон.

Гуров поступил в институт после службы в армии и практически после каждого курса брал академический отпуск, так что к четвертому курсу ему исполнилось уже двадцать восемь лет. Когда шутники спрашивали Якова, успеет ли он до пенсии закончить вуз, он отвечал, что лучше лишний год побыть вольным студентом, чем замученным сторублевой зарплатой инженером. «Кто понял жизнь, тот не спешит! Понятно, салаги?» - говорил с усмешечкой Яшка и заговорщически подмигивал.

С таким «бугром» жизнь стала «понятней», и никто в бригаде уже никуда не спешил. Начинали работу попозже и в качестве компенсации заканчивали пораньше. Бригадир после работы приглашал нашу троицу с собой, и уже в четыре часа они вчетвером сидели в ресторане «Сокол» и пили прохладное пиво, пока не начинался приток вечерних

посетителей. Иногда сидели втроем, потому что Хлебков уходил на тренировку.

Неприятности того памятного лета начались для Бори Брусникина, когда в ресторане они встретили немца. Надо сказать, что встреча с иностранцем в их малоизвестном зауральском городе, где каждый мало-мальски серьезный заводик, не говоря уже о крупных производствах, работал на оборонку, была равнозначна встрече с белой вороной. Теоретически где-то есть, а практически вероятность встречи равна нулю.

Поэтому, когда за соседним столиком официантка Катя начала перебранку с незнакомым посетителем, они поначалу даже не обратили внимания. Катя, как и все официанты, не любила дневных посетителей – заказывают одно пиво, чаевых – копейки, а обслуживать себя требуют как людей. Посетитель этот совсем не был похож на иностранца в Катином представлении – ни модного батника, ни джинсов, ни темных очков на носу. Одет прилично – не более того. К тому же Катя не выпалась после вчерашней бурной ночи, и у ней болела голова. Насколько ей вчера было хорошо, настолько сегодня было плохо. Поэтому, когда неизвестный начал что-то лопотать не по-нашему, тыкая пальцем не в меню, а в какой-то словарь, она минуту или даже две тупо смотрела сквозь него, гадая, представителем какой из союзных республик может быть этот залетный. Потом подвела итог монологу иностранного гостя тремя словами: «Иди отсюда, чурка!» Захлопнула свой замусоленный блокнотик, повернулась и ушла, покачивая широкой кормой с белым бантиком от фартучка.

Зарубежный гость, проводив ее недоуменным взглядом, стал оглядываться вокруг, видимо в поисках другого официанта. Тут- то его растерянный взгляд и встретился с любопытными взглядами студенческой компании.

Брусникин, всегда и всем готовый придти на помощь, подошел к нему. Через несколько минут неплодотворного

разговора на разных языках, он махнул рукой и попросил подойти Хлебкова:

- Слушай, Серега, у него тут в талмуде на немецком и на английском написано. У тебя же пятерка по английскому, может, ты поможешь?

Хлебков взял книгу из рук гостя одновременно спросив:

- Ду ю спик инглиш?

Тот просиял:

- Я, я! Ай спик инглиш, бат вери бэд!

Оказывается, немец владел английским, аккуратно на уровне наших героев. Это значительно продвинуло переговоры. К тому же Хлебков ограниченно владел и немецким – знал две фразы: «Хенде хох!» и «Хальт!» Немец, в свою очередь, по-русски хорошо произносил «Москва» и «дружба». Его книга представляла из себя тематический словарик с наименованиями блюд и вин на немецком и английском языках. Он взял ее с собой в ресторан, будучи уверенным, что если не немецкий, то английский-то уж официанты обязательно знают.

- Это ты погорячился, - с помощью трех языков и двух рук объяснял ему Серега, - они скорее казахский поймут: бешбармак, шурпа, кумыс, водка...

На «водку» немец отреагировал и закивал головой. Хлебков понял, что с одним напитком определились. Далее, ведя указательным пальцем по страницам англо-немецкого справочника, Серега нашел еще два знакомых слова: coffee – кофе и cutlet – котлета.

Сочтя на этом, что заказ сформирован, он попросил Гудрона, на правах хорошего знакомого, позвать Катьку-официантку для обслуживания иностранного гостя. Через несколько минут уже вся компания сидела за столом немца, ведя с ним оживленную беседу, которая издалека напоминала разговор глухонемых, потому что слова часто заменялись жестами. Яков Гуров, на правах старшего, выпил с гостем водки за «дружба» и за «Москау». Остальные ограничились пивом.

Через полчаса они уже знали про немца все или почти

все. Звали его Мартин. Прибыли они вдвоем с коллегой на местный машиностроительный завод устанавливать и отлаживать закупленный в ФРГ станок с числовым программным управлением. Услышав это, Брусникин удивился и спросил Гурова:

- Как же так, Яков? На оборонном заводе работают спецы из ФРГ! Эта страна же в этот... Как его? ... В блок НАТО входит! А?

- Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам... А нам с тобой, Борюся, тем более, - степенно отвечал Гудрон, затягиваясь сигаретой. – Ты видел в пятнадцати километрах от города трубу? Метра полтора в диаметре – не меньше! Нефть нашу родимую им ведь качаем. Так почему же они не могут нам станок продать?

- Нефть же только в страны соцлагеря поставляется.

- Как бы ни так! Стране валюта нужна, а наши братья по лагерю могут только повидлом и ботинками рассчитываться. Так-то Боря!

К концу вечера они с Мартыном, как ребята называли его на русский манер, совсем корешами стали. Проводили его до такси, так как немец подпил изрядно и вряд ли бы смог объяснить таксисту, куда его надо везти.

После они частенько встречали Мартина в этом же ресторане, приветствуя его как старого друга. Немец всегда искренне радовался встречам.

Но в один злополучный вечер, когда друзей в ресторане не было, и проводить до стоянки такси его было некому, Мартин в одиночестве выкатился из ресторана. Погода была на удивление хороша. Жара спала, а легкий ветерок и предзакатное июльское солнце приятно ласкали тело и радовали немецкую душу, которая и без того воспарила после русской водки. Из расположенного неподалеку городского сада доносились манящие ароматы городских цветов и звуки музыки. Мартин прислушался и, к своему восторгу, узнал мелодию, принадлежащую любимой им ливерпульской четверке, и даже разобрал слова:

Desmond has a barrow in the market place,
Molly is the singer in a band...

Ноги сами понесли его в сторону ворот городского сада – ему было очень любопытно узнать, кто это здесь в сибирской глухомани, за железным занавесом знает и исполняет песни «Биттлз». Туда же, в сторону танцплощадки, направлялось парами и группами молодежь и, как успел заметить немецкий друг, очень много красивых фройлян. Позабыв все инструкции, которые предупреждали о том, что подобные вечерние прогулки в одиночку могут печально закончиться, он устремился к танцплощадке, как бабочка летит на огонь, не предвидя последствий.

Однако буквально метров через пятьдесят путь ему преградили два ангела-хранителя в форме сержантов советской милиции. Опытным взглядом они выделили его из толпы, узрев, что он, во-первых – неместный, что само по себе было уже подозрительно, во-вторых – он был нетрезв. А вытрезвителю тоже надо было план давать, хоть задавись.

Прозвучало грозное:

- Гражданин, пройдемте!

Немец попробовал было что-то объяснить на родном языке. Сержанты восприняли это как издевательство над ними:

- Вот нажрался, падла, лыка не вяжет!

Завернули руки за спину и затолкали бедолагу Мартина в УАЗик. Доставили в вытрезвитель. Немцу бы уgomониться и спокойно переночевать на чистых простынях. Ан нет! Опять он попытался спорить с блюстителем порядка. Те терпели не долго и, услышав оскорбительное для советского милиционера обращение: «Хер полицай!», отходили его дубинками так, что Мартин моментально уgomонился и уснул, как после димедролa.

А на утро... На утро все и завертелось. На заводе забили тревогу. Пропажа иностранного спеца получила огласку, и дело дошло до горкома партии. Мартина быстренько вернули на завод. Начальника вытрезвителя

турнули из органов. Начальника городской милиции перевели на его место дослуживать до пенсии. наших друзей пригласили в первый отдел родного вуза, где все они подробно изложили в объяснительных записках, как вступали в контакт с представителем капиталистической державы. Убедившись, что ни одной государственной тайны они немцу не выдали, начальник первого отдела оставил их в покое. Друзья облегченно вздохнули. Но не тут-то было!

Через пару дней Брусникина пригласили в КГБ. Прийти велено было на следующий день с утра. Весь вечер он один маялся в комнате общежития. Харина и Хлебкова не было. Попробовал было уснуть – не получалось. В голову лезли нехорошие мысли. Вспомнил своего деда, репрессированного в тридцатых годах. Впервые задумался – почему дед был Брусницкий, а он – Боря – Брусникин?

Ближе к полуночи заявился Хлебков. Бросил в угол спортивную сумку. Туда же полетели кроссовки. Брусникин оживился, начал с ним делиться переживаниями. Но, к его удивлению, Серега был спокоен как удав. В ответ на Борино сообщение, что его вызывают в КГБ, Хлебков спросил:

- Пожрать ничего нету?

Из «пожрать» был только хлеб и банка засахаренной смородины. Серегу это вполне устроило, и он сел ужинать, запивая первое и второе водопроводной водой.

- Не бойсь, Борюся! – сказал он Брусникину, - меня тоже туда пригласили, только после обеда.

- Как? И тебя? – Боря не мог скрыть радости, что он не один будет отдуваться. – Так ведь надо после того, как я оттуда выйду, встретиться! Чтоб я тебе рассказал...

Хлебков усмехнулся, видя, как просиял Борька:

- До обеда я занят. Спарринги у нас начинаются. Да и чего ты можешь нового рассказать? Мы уже все в первом отделе написали. Так что спи спокойно, добрый молодец!

Серега улегся на свою койку, повернулся к стене и, перед тем как захрапеть, буркнул:

- Черт дернул нас связаться с этим Мартыном...

Из чего Боря понял, что Серега тоже мандражит.

Наутро Брусникин почистил зубы, вымыл шею с мылом и надел чистую рубаху. По пути забежал в столовую, затем сел в автобус и поехал «сдаваться».

Беседовал с ним совсем молодой сотрудник, назвавшийся Александром Ивановичем. «Наверное, лейтенант или старший лейтенант», - подумал Брусникин. Боря слово в слово повторил ему то, что они писали в объяснительных.

- Как же всё-таки получилось, что Мартин Хартман попал в милицию? – снова спросил Александр Иванович.

- Не знаю, нас в тот день с ним не было. Мы его обычно до такси провожали. А в тот вечер... Не знаю. Случайность...

Брусникин уже думал, что беседа идет к концу и не мог дожидаться, когда его отпустят.

- Слишком много у вас случайностей, Брусникин! А ведь случайность – это способ проявления закономерности. – Молодой гебист достал из ящика и положил на стол перед Борисом какой-то журнал. Брусникин глянул и обомлел. Его даже пот пробил. Это была «Роман-газета» одиннадцатилетней давности за январь 1963 года с повестью Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Этот журнал еще зимой Серега привез от своих родителей, откопав его где-то на чердаке.

Повесть эта была снова на слуху, и, когда все трое ее прочитали, «Роман-газета» пошла гулять по общаге и вот, надо же, где выплыла через полгода.

- Что вы молчите, Брусникин? - чекист в упор посмотрел на него.

- А че говорить-то? - Боря поправил запотевшие очки.

- Ваш журнальчик?

- Да не, не мой... Был он в нашей комнате. А кто принес, не знаю. Я даже не читал... То есть, читал, но не до конца. Я как-то литературу последнее время не очень...

И тут Боря говорил правду. Последнее время из литературы он читал в основном учебники, да и то без

особого толку.

- Вы же в высшем учебном заведении учитесь, Брусникин! Должны бы знать, что автор этой, с позволения сказать, повести - господин Солженицын - идеологический враг Советского Союза. Под видом развенчания культа личности Сталина решил сработать на руку буржуазным идеологам и дал им пищу для антисоветской пропаганды, - Александр Иванович приподнял краешек журнала и как бы потряс им над столом в доказательство того, что это действительно пища буржуазных идеологов.

Боря судорожно проглотил слюну:

- А чего же тогда печатали, если он для антисоветской пропаганды?

- Проглядели в свое время, прохлопали некоторые горе-руководители. Плохо, видимо, в институтах учились. «Хвосты» имели...

Брусникин заморгал глазами: «Все знает! Абсолютно все!»

- А сейчас вот разобрались, - продолжал гебист, - автора выслали из страны в этом году. Пусть теперь там своим западным хозяевам рассказыки пишет. А творчество его, - он снова потряс журналом, - изымается. Есть приказ Главлита. А вы вот продолжаете распространять!

Боря молчал. Он мысленно приготовился к самому худшему повороту событий. Уверен он был только в одном – из страны высылать его точно не будут. В этот момент Брусникин сильно захотел в армию, и еще захотелось учиться, учиться и учиться. И все одновременно.

- Про это ты, - молодой чекист неожиданно перешел на «ты», - про это ты спросил: «Зачем печатали?» А вот это что? Тоже печатали? - он вновь выдвинул ящик стола и положил перед Борисом стопку печатных листов.

- Что это? - обреченно спросил Брусникин.

- Тоже, небось, до конца не дочитал? Это самиздат. «Собачье сердце» Булгакова.

- Чье сердце? Булгакова? - снова спросил Боря. Прилагательное «собачье» он отнес на счет чекистской

неприязни к пособникам Запада, сразу почувствовав, как волнуется и бьется его собственное сердце, готовое выскочить из груди. - Это я совсем не знаю, не читал. И Булгакова не знаю.

Александр Иванович смотрел в мертвенно бледное лицо Брусникина и молчал. Может быть одну минуту. Борьке показалось - час. Потом неожиданно сказал:

- До свидания, Брусникин! Идите. И от вашего поведения зависит, как скоро состоится наше свидание, - чекист снова перешел на «вы».

Боря не помнил, как ноги его вынесли на улицу, после оледенившего душу допроса. Оглянулся на фасад строгого серого здания, как будто оценивая, стоит ли сюда еще раз приходиться? И пошел на остановку.

В общежитии еле дождался Серегу Хлебкова. Сразу к нему с вопросами:

- Ну, как, Сергей? Был в Комитете?

Хлебков был не в духе:

- Был. Все нормально.

Достал из спортивной сумки батон и бутылку кефира. Сел есть. Брусникин, видя, что друг не в настроении, с вопросами пока не лез. Но вдруг Серегу как будто прорвало. Он вскочил и начал ходить по комнате кругами:

- Понимаешь, Борька, дал я этим девчонкам из пединститута почитать «Ивана Денисовича». Ну, и забыл про это. Сколько времени прошло! А неделю назад Люська прибегает и говорит, что изъяли у них все. «Что все-то, - говорю, - там один журнал был?» А она мне: «Там еще «Собачье сердце» изъяли, «Мастера и Маргариту», «Белую гвардию». Я спрашиваю: «Ты зачем мне всю эту контрреволюцию перечисляешь?» А она: «Как зачем? Мы же сказали, что все это ты принес. Ты уж извини, мы очень испугались!» Представляешь, подарочек! Ну, куда деваться, пришлось для опера этого сказки выдумывать, откуда я все это взял. - Серега пнул валявшиеся на полу кроссовки. - Вот бабы! Пойдем в кино, что ли, сходим? А? Где Петька-то?

- Петька к тетке уехал до вечера. А я в кино не пойду. Я учить сопромат буду, - Брусникин проникновенно прижал «Соппротивление материалов» к груди. - Пока не выучу - никуда!

- Зарекалась свинья в грязь не лазить! - сказал Хлебков и ушел в спортзал работать со снарядным мешком.

Урочливый язык был у этого Хлебкова. Сглазил он Борино стремление к знаниям. Как только он ушел, у Брусникина разболелся зуб. Видимо, на нервной почве. Промаялся всю ночь. К утру щеку разбарабанило, и он пошел в стоматологическую клинику. Выстоял очередь к стоматологу. Потом направили в рентген-кабинет сделать снимок. Врач его посмотрел и сказал, что зуб надо удалять. К этому моменту Боря был готов удалить все зубы, лишь бы избавиться от боли. Хирург-стоматолог поставил обезболивающий укол и рванул зуб. Неудачно. Оказывается, обломилась корни. Пришлось снова ставить укол, разрезать десны и удалять эти корни каким-то элеватором.

Через два часа экзекуция закончилась. Боря, покачиваясь, вышел на крыльцо поликлиники. Подставил голову свежему ветру. Она казалась чугунной болванкой, по которой только что два часа долбали кузнечным молотом. Вчерашний разговор в КГБ казался далекой приятной беседой. Лучше бы еще два раза туда, к тому обаятельному оперу, чем к этому палачу в белом.

Пришел в институт. Стал бесцельно слоняться по пустым аудиториям. Обезболивающий укол переставал действовать, и Боря не знал, куда деться от невыносимой боли. Вдруг в одном из лекционных залов заметил четверых знакомых ребят. Они уединились на время обеда и решили перекинуться в картишки. Брусникин, бывало, участвовал в общежитии после стипендии в карточной игре, проигрывая или выигрывая трешку или пятерку. В общаге по-крупному не играли. Боря, чтобы отвлечься от боли, решил подключиться к игре в очко. Трое из игравших были студенты, а четвертый - известный в определенных

кругах мутный тип - Игорь Вороной, или Ворон – катала местного разлива.

Надо сказать, все знали, что за ним водится этот грех - игра краплеными картами. Поэтому играть его колодой отказывались. Тогда Ворон предлагал:

- Ни нашим, ни вашим – за новой колодой пляшем! Лады? Давайте, я слетаю!

- Нет уж, мы сами сходим, - отвечали Ворону партнеры, и кто-нибудь бежал в «Галантерею» напротив и покупал новую колоду карт за девяносто копеек. Наивные студенты полагали, что играют чистой колодой, не ведая о том, что обаятельный шулер уже загодя заглянул в магазин и скупил несколько колод. Вскрыл, обработал, запечатал и вернул коцанные карты продавцам, наказав прикормленным девочкам продать колоду именно из этих.

Таким образом, исход был предreshен. Опрометчивый Брусникин через полчаса вышел из игры, проиграв астрономическую сумму - двадцать рублей. Причем три рубля отдал наличными, а семнадцать остался должен. Первой цели он достиг - зубная боль прошла. Но появилась другая головная боль - где взять деньги? За карточный долг спросят. В совершеннейшей депрессии после обеда он вышел на работу, объяснив Якову, что был у зубного.

- Не надо подвигов, Борюся! - сказал мудрый Гуров, - на тебе же лица нет. Иди домой, отлежись.

Однако Брусникин остался, решив, что вечерней электричкой поедет к родителям. Все равно хотел к ним магнитофон увезти, еще вещишки кое-какие. Заодно попросит у них денег.

Пребывая в такой задумчивости, он таскал доски вместе с Хариним. Но беда, как известно, не приходит одна. Не заметив лежащую на дороге доску с гвоздем, Брусникин наступил именно на гвоздь. А так как обут он был в резиновые кеды, то проколол пятку.

Вконец расстроенный и измученный Брусникин сел на скамейку и, морщась, стал расшнуровывать обувь. Но тут вмешался бригадир:

- Сергей, Петя! А ну, быстро проводите его в медпункт. Нечего тут раны рассматривать! У нас даже зеленки нет. Считайте, что на сегодня рабочий день закончен.

Боря поднялся и, ступая раненой ногой на носок и прихрамывая, отправился в сопровождении друзей в медпункт. Там чернобровая медсестра обработала и перевязала рану, поставила укол от столбняка, который Брусникин перенес безропотно и даже не поморщился. Он уже был уверен, что его мучения не кончатся никогда. Покивав головой на распоряжение медсестры явиться в понедельник на перевязку, Боря поковылял в общежитие.

Друзья помогли ему собрать все, что он хотел взять с собой к родителям, проводили на вокзал и посадили в электричку. Каждый хотел как-то выразить сочувствие несчастному Брусникину.

- Держись, Борюся! - сказал Хлебков, - жизнь она, как зебра. Черная полоса должна закончиться. Отъедайся на родительских харчах и лечи ногу.

- Смотри, рассеянный, чтобы в электричке магнитофон не сперли, - посоветовал Петька, - и возвращайся здоровеньким!

Друзья в тот момент и подумать не могли, что Брусникина вновь они увидят не скоро, а черная полоса для него только начинается. Пройдя в вагон, Боря уселся у окна, положив магнитофон рядом, а сумку поставив на колени. Все, что произошло дальше, Брусникин с трудом вспомнил много позже. Потому что его воспаленный мозг не выдержал стрессовой нагрузки и перешел в другой режим работы.

Может быть, специалист сказал бы, что случился какой-нибудь маниакально-депрессивный психоз, но если говорить народным языком, у Бори просто «поехала крыша». Все что он делал дальше, это делал кто-то другой, а не он - девятнадцатилетний студент Борис Брусникин.

Взгляд его стал совершенно другим. Он отвернулся от окна и, увидев в конце вагона играющих в карты пассажиров, решительно подошел к ним и стал читать

лекцию о вреде азартных игр. Мужики сначала послушали, а потом отмахнулись:

- Иди, парень, отсюда! Не мешай.

Боря вышел в тамбур. Там двое мужичков, дымя папиросками, мирно беседовали. Поскольку Боря сам никогда не курил, он тут же начал читать им проповедь о вреде курения. Причем так эмоционально и трогательно взывая к их сознательности, что мужики хохотали от души.

Между тем электричка подошла к его станции. Закинув сумку на плечо и оставив магнитофон в вагоне, Брусникин сошел на платформу. До дома он добрался благополучно. Но уже из первых фраз разговора родители поняли, что с сыном творится неладное, потому что он стал рассказывать, как его подтолкнул черт и он проколол пятку, а магнитофон ему пришлось оставить в электричке, потому что там были плохие записи.

Расстроенные родители уложили сына спать, надеясь, что выспится и придет в себя. Однако утром, когда мать зашла к нему в комнату, то увидела Бориса стоящим на диване и завернутым в простыню, как в римскую тогу.

- Боря, ты чего?

- Ты знаешь, мама, а ведь я - гипнотизер!

Мама заплакала. Отец вызвал «Скорую». Когда прибыла медпомощь, Борис уже ходил по квартире в новенькой польской куртке с клетчатым подкладом. Причем одел он ее подкладом вверх и уверял родителей и младшую сестру, что он - шахматная доска.

Через час Брусникин уехал на машине с красной полосой туда, откуда приехал на электричке - в город, где на одной из окраин располагался психдиспансер. Войдя в палату, он всех поприветствовал:

- Здравствуйте, гипнотизеры!

Получил укол и уснул.

* * *

Хлебков и Харин узнали, что их друг попал в психушку только через несколько дней. Это известие для них, мягко говоря, было неожиданным и неприятным. Друзья решили

немедленно навестить Борьку, узнать, что с ним случилось и чем они могут помочь.

Найдя в телефонном справочнике нужный номер, Серега позвонил прямо с телефона на вахте общежития. Ответила заводделением. Хлебков кашлянул в кулак и спросил:

- Здравствуйте! К вам поступил Борис Брусникин? Я бы хотел с ним увидеться. Это можно?

- А вы кто ему будете? Мы разрешаем свидания только близким родственникам, - сообщил строгий женский голос. Хлебков замялся:

- Дело в том, что я не совсем родственник..., - Серега понял, что если он сейчас не приведет веского аргумента, то получится облом. И он пошел ва-банк. - Я сотрудник КГБ, лейтенант Иванов. Скажите, а как у него состояние?

Теперь возникла пауза на другом конце провода.

- Его состояние... Кризис миновал. Проводим терапевтический курс. А вам срочно нужно его увидеть?

- Да, очень срочно. И буквально на десять минут. Дело в том, что я работаю по делу Мартина Хартмана.

Снова пауза.

- Хорошо. Приезжайте.

Серега аккуратно положил трубку и посмотрел на бабуся-вахтера. Та только покачала головой:

- И-и-их! Врать нехорошо!

-Так надо, тетя Лиза! Ложь во имя спасения. Есть такое понятие.

Харин его спросил, когда зашли в комнату:

- И что? Все в порядке, думаешь? У нас же удостоверения спросят, когда приедем! Где мы их возьмем?

Хлебков глянул на обеспокоенную конопатую физиономию приятеля и, положив руку на его рыжую голову, изрек:

- Вынужден вас огорчить, мой юный друг, но еду я один!

- Это почему?

- Потому, что не бывает чекистов ростом метр

пятьдесят. Провалим операцию по проникновению на объект.

- Не метр пятьдесят, а метр пятьдесят пять! - обиделся Петька. - Все равно тебя не пустят без удостоверения.

- Вот об этом я сейчас и думаю, - сказал Хлебков, доставая костюм. Погладил брюки и рубашку. Потом вышел из комнаты и через десять минут вернулся с галстуком в полоску. Осерчавший Харин, лежа на койке, наблюдал за его сборами.

- Как, Петюня, галстучек? Подходит к костюму? – Серега приложил галстук к пиджаку.

- Ты их хоть два надень, все равно тебя не пустят! Документ надо.

- Встречают по одежке, Петя. По одежке! А провожают по уму. Если бы встречали по документам, то и поговорка была бы другая. Например, - Серега закатил глаза к потолку.- О! «Показал ксиву – встретили красиво!» Ну, как? - Хлебков засмеялся, радуясь своему экспромту.

Он взял с полки круглый значок, подаренный немецким другом Мартином, синюю папку с тесемочками и ушел.

Автобус под номером десять долго вез его по узким улицам северной окраины города. Водитель тормозил перед выбоинами на мостовой, автобус, скрипя и покачиваясь, преодолевал препятствие и снова натужно набирал скорость.

Тротуары от проезжей части были отделены фундаментными блоками, еще с весны заляпанными грязью. Многоэтажки остались позади, далее пошли одноэтажные дома частного сектора. Тополя и клены, росшие около них, стояли с серебристой от пыли листвой.

Остановка «Психиатрический диспансер» была конечная. Хлебков там выходил один. Высадив его, автобус отъехал от остановки, и Сергей увидел стоявшее через дорогу двухэтажное грязно-серое здание с решетками на окнах, стены которого когда-то были побелены.

Хлебков решительно потянул дверь на себя. Внутри диспансер представлял из себя нечто среднее

между тюрьмой и больницей. Следующая дверь была на противоположной стороне тамбура. Рядом с ней – полустеклянный скворечник, в котором сидела толстая женщина в белом халате и больших очках. Она пристально посмотрела на вошедшего молодого человека с темно-синей папкой в руках.

- Здравствуйте, я – лейтенант Иванов, - представился Сергей. – Вас не предупреждали? Мне нужна краткая беседа с вашим пациентом Брусникиным.

Сотрудница диспансера с подозрительным любопытством посмотрела на него сквозь толстые линзы.

- Документик покажите ваш, товарищ лейтенант Иванов!

Хлебков понял, что теперь главное – натиск.

- Если вы имеете в виду мое служебное удостоверение, то я не в милиции служу, - Серега придал голосу строгость, - а в Комитете государственной безопасности. Поэтому нам запрещено повсюду таскать свои удостоверения, особенно когда работаем по важным заданиям, - Хлебков переложил папку из одной руки в другую и отвернул левый лацкан пиджака. – Вот мой жетон оперативного работника!

Тетка с удивлением посмотрела на немецкий значок.

- Если вас что-то не устраивает, можете позвонить генералу. Я скажу телефон. Кстати, при нашем разговоре с Брусникиным разрешается присутствовать вашему сотруднику, - зачем-то добавил Хлебков.

- Не нужен мне ваш генерал! – строгая тетка пошла на попятную и позвонила по внутреннему телефону. – Сейчас придет ваш Брусникин. Пройдите по коридору и налево. Там комната для свиданий.

Борька вошел в комнату ровно через пять минут. Увидев Хлебкова, обрадовался так, как будто они не виделись целый год.

- Серега! Серый... Молодец, что приехал, - он крепко сжал ему руку, долго тряс ее, улыбаясь во весь рот и еле сдерживая себя, чтобы не броситься на шею другу. «Сильно же тебя торкнуло, дружище», - подумал Сергей.

К удивлению Хлебкова, Брусникин даже не похудел, только бледный был и какой-то заторможенный.

- Ну, рассказывай, Борюся, как тебя угораздило сюда загреметь?

Друзья уселись на деревянный диванчик, крашенный коричневой краской в несколько слоев, и Брусникин принялся рассказывать приятелю о том, что с ним приключилось.

- ... Понимаешь, Серега, я только на третий день, после того как сюда поступил, в себя пришел. Просыпаюсь утром и ничего не пойму. Что со мной случилось? Где я? На окнах решетки, койки казенные, люди кругом какие-то странные. А главное, ничего не помню с того момента, как вы с Петькой меня на электричку посадили. Полный аут! Сначала решил, что я в тюрьме. Из-за немца, думаю, посадили. Однако, почему ничего не помню? Был суд или нет? Сколько сидеть? Решил встать, размяться. Поднялся, пол холодный, а я босиком. Посмотреть решил, может, под кроватью тапочки. Полез туда, вдруг двое амбалов-санитаров подбегают и – хлоп! – ремнями меня к койке пристегнули! Зафиксировали, значит. Но потом ничего, освоился. Стал осторожнее. С прогулки, правда, один раз тоже уволокли, зафиксировали. К пожарной лестнице я неосторожно приблизился. Думали, видимо, что я на крышу рвануть решил.

Родители приезжали. Постепенно все вспомнил, что со мной произошло. Видимо, башка слабая. Помнишь, как я курить пробовал? Все курят, и ничего. А я после двух затяжек сознание чуть не потерял. Слабая у меня голова, Серега!

- Да ладно, не убивайся так, слабоголовый ты наш! Всякое бывает, и болезни тоже всякие случаются. Время пройдет, и болезнь пройдет.

Друзья проговорили еще полчаса, потом Брусникина позвали, и они стали прощаться. Хлебков потрепал друга по плечу:

- Давай, держись! Поправляйся, я еще приеду.

Сергея к Брусникину приезжал еще два раза: в сентябре и в конце октября, за неделю до выписки Бориса. В его последний визит Боря был значительно веселее и делился с Хлебковым своими планами на будущее:

- Переведусь на вечерний, на другую специальность, не связанную с оборонкой. В армию ведь теперь все равно не возьмут. Белый билет у меня будет. Потихоньку институт закончу.

- Или он закончит тебя. Еще раз вот так поднапряжешься и опять сюда загремишь. Переводился бы лучше в техникум. После двух курсов института ты его за год закончишь. Сдашь спецпредметы и диплом в кармане!

- Нет, Серега, мама хочет, чтобы я высшее образование получил. Предки мои, кстати, на будущий год в город переезжают. Сестра в пединститут поступать будет.

- Значит, не очень ты свою маму напугал, когда шахматной доской одевался. А я вот думаю бокс бросать. Хватит! Сейчас к серьезным соревнованиям готовимся – тренер ставит в спарринги с мастерами спорта. Они иной раз так по «тыкве» настучат, что домой прихожу сам не свой. Нужно курсовой делать, а у меня в голове шум и спать хочется. Видимо, пришла пора выбор сделать между спортом и учебой.

- Совсем спорт бросишь?

- Да нет! Зачем? Есть еще баскетбол, футбол. Там я тоже кое- что могу.

Поговорив «за жизнь», друзья стали прощаться:

- Ну, пока, Борюся! Теперь уже реже будем видеться. Заходи к нам с Петькой в общагу.

- Обязательно зайду.

Боря с грустью посмотрел вслед Сереге, он понимал, что теперь их жизненные пути будут расходиться все дальше, и второго такого надежного друга у него уже не будет.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ,

в которой Петя Харин убеждается на собственном опыте, как пагубна бывает страсть, даже к технике, что советская милиция всегда на высоте; он просыпается в полночь от грома над головой, узнает, почему фунт изюму и что друзья познаются в беде.

Если с Сергеем Хлебковым Боря Брусникин познакомился в колхозе, куда их направили вести битву за урожай сразу после вступительных экзаменов в машиностроительный институт, и где, прожив полтора месяца в спартанских условиях и работая бок о бок с утра до вечера, они подружились, то с Петром Харинным они познакомились, когда уже начались занятия в институте, и к ним в комнату подселили невысокого рыжего паренька.

Петя Харин заканчивал сельскую школу, в отличие от Брусникина и Хлебкова, которые приехали учиться хотя и из маленького, но все же города. Они посмеивались над Петькиным сельским говором. Но Петька был парень не простой и тоже за словом в карман не лазил. Если Серегу он уважал (тождественно «побаивался») за его физические данные, то очкарика Борю он иногда доводил своими шуточками, что называется, до белого каления. Поэтому Брусникин его иначе как рыжей бестией и не называл.

Родом Харин был из далекого от областного центра и старинного села Теплый Стан, где родители его работали в колхозе – мать дояркой, а отец скотником. Петьку же с детства тянуло к технике, он страшно завидовал пацанам, чьи отцы работали на тракторах или автомашинах. Когда он закончил седьмой класс без троек, как и обещал отцу, то упробил его купить мопед. И летом целыми днями и ночами, что особенно возмущало селян, гонял на мопеде без глушителя во главе целой моторизованной бригады таких же как он, юных любителей быстрой езды и громкого треска двухтактного двигателя.

Страдающие от этого бессонницей люди жаловались родителям. Петькин мопед запирался в сарай. Но уже через пару дней он носился по улицам села в надувшейся пузырями красной рубашке, завязанной узлом на пузе, и развевающимися по ветру рыжими вихрами. Петька Харин за лето настолько надоел односельчанам, что Федор Ноздрев, заведующий клубом – он же по совместительству начальник местного пневматического тира – большой шутник и остроумец, изготовил рыжую куклу в красной рубашечке и на велосипеде. Поставил в тире ее как главную мишень, он вдвое увеличил выручку. Мужики, попив пивка, с удовольствием пуляли в ненавистную рыжеволосую фигуру, злорадно ухмыляясь и выпуская пар.

Любое увлечение либо умирает, либо прогрессирует. Через пару лет мопед перестал удовлетворять нашего героя, потому как многие его ровесники уже катались на мотоциклах и мотороллерах. У Петькиного отца мотоцикла не было, и покупать его он не собирался – многодетная семья жила совсем другими заботами. А Петька даже не мечтал, а просто бредил мотоциклами. Ночами ему снился новенький «Восход» - как будто бы отец его дарит Петьке на день рождения.

Управлять мотоциклом он все же научился – то ребята дадут покататься, то у соседа попросит разрешение проехать сто метров. А один раз и без разрешения взял соседский мотоцикл и укатил. Когда приехал, сосед взял его за ухо и привел к отцу, который отстегал Петьку хворостинкой, приговаривая: «Чужое брать нехорошо, сынок! Тем более, соседское».

Зачем он тогда это сказал: «Тем более, соседское»? Может быть, имел в виду, что с соседями надо жить дружно? Но юный Харин понял так, что именно соседское брать нельзя, ни в коем случае. Потому что все равно узнают и выпорют. И он попробовал покататься без спросу на мотоцикле, который стоял совсем на другом конце деревни. Сунул в замок зажигания две спички и ... - айда! –

гонять по ночным переулкам. Покатался, бросил, и ничего! Никто не узнал, хворостиной не отреагировал. Так Петька, посеяв один поступок, приобрел дурную привычку. И если, пока он был несовершеннолетним, ему это сходило с рук, то, когда он после первого курса института, будучи дома на каникулах, угнал у одного приезжего «Яву», а потом бросил ее за околицей в стоге сена, тут уж участковый Мотыляев, которому Харин изрядно надоел, взялся за дело всерьез.

В протоколе он написал, что мотоцикл «был спрятан в стоге сена», квалифицировал это дело как кражу и стал подшивать бумажки, одну за одной, в свою папочку. И довел бы дело до суда, если бы не вступился председатель колхоза, который ценил родителей Харина, как людей скромных и работающих, и уверен был, что Петька, закончив институт, вернется в родную деревню и будет работать у него в колхозе механиком.

Через это дело с родителями, а точнее с отцом, Петька крепко поссорился и ушел жить к бабушке, которая жила недалеко – через две улицы, в своем пятистеннике. Уехать из деревни он не мог, потому что на все каникулы устроился работать в МТМ слесарем.

Анне Ивановне, или бабе Нюре, как звали ее внуки, было уже под восемьдесят, но здоровьем ее Бог не обидел – всю работала на огороде, держала кур и козочек. Единственное, на что жаловалась, это зрение – очки носила очень сильные, со множеством диоптрий.

Устроила она опального внука в просторной веранде, где у нее стояла кровать с «панцырьной» сеткой и старый комод, в котором Петька обнаружил несколько интересных книг. У кровати, вместо коврика, лежала черная козья шкура.

Зарекшись даже подходить к мотоциклам, Петя Харин, придя с работы, завалился на кровать и, скрестив руки на груди, уставился в дощатый потолок, весь пребывая в обиде на злую судьбу.

- Петруша, айда ужнать! – позвала бабушка.

- Я потом, баба. Не хочу пока.

Баба Нюра подошла к нему:

- А то поел бы да туалет починил. Там доску заменить надо. Совсем уж сгнила.

- Завтра починю, бабушка. Сегодня у меня вдохновения нету. Как будет душевный подъем, так и починю.

- Ну, смекай сам, когда чинить. А только у деда твоего подъем-от энтот был всегда! Бывалоча, только скажешь, тут же изладит...

Бабушка ушла в избу, но Петя недолго упивался уединением. Через десять минут раздался стук в дверь, которая тут же открылась. Вошел сосед – длинноволосый парень в потрепанных, давно не стиранных джинсах - Алексей Изюмов, более известный в Теплом Стане, как Леша-Изюм.

Изюмов был личностью неординарной. Закончив в свое время девять с половиной классов, он решил, что этого образования ему вполне достаточно и пошел работать. Вот тут то и выяснилось обстоятельство непреодолимой силы, которое огорчало близких Изюма и осложняло ему жизнь. Оказывается, у него было до невероятности стойкое – на патологическом уровне – отвращение к физическому труду. Больше двух месяцев он нигде не работал. И к двадцати восьми годам скопил небольшую библиотечку из трудовых книжек, так как увольняли его, в основном, за прогулы или пьянство. Поэтому, устраиваясь на новую работу, он старался и трудовую завести новую.

Работать Изюм не любил, зато он любил жизнь. Ему нравилось посидеть в компании, рассказать анекдот, побренчать на гитаре, попить пивка на пляже. Как ни странно, в детстве Алексей много читал и мог поддержать разговор до определенного уровня, конечно, так как бессистемность его образования иногда подводила, и он мог запросто перепутать Степана Бандеру с Остапом Бендером.

Узнав, что Петя Харин поселился у бабы Нюры, Изюм

сразу же решил его навестить, почуяв, что с Петькой вдвоем они интереснее проведут время, поэтому и прихватил с собой гитару.

После того как поздоровался сразу, же провел небольшую «разведку боем»:

- Петруха, ты деньгами не богат? Дай рупь денег!

Петька хмыкнул и, не вставая с кровати, посмотрел на вошедшего:

- Садись, где стоишь! Какие рубли? Я еще аванса не получал.

- Да и не надо, Петя. Это я так, для разговора. Конечно, неплохо бы сейчас пивка. Ну, да ладно. На нет и суда нет. Я ведь зашел за жизнь поговорить – давно не виделись.

Изюм, немного потрепавшись и видя, что Петька не в настроении, стал подкручивать колки у своей шестиструнной гитары:

- Я, Петруха, только вчера из города приехал. У кореша в гостях был. Песню про него написал. Сейчас сбациаю...

Изюм пробежался пальцами по струнам, подмигнул Петьке и запел:

В душе он убежденный холостяк,
Хиппи с музыкальным рок-уклоном.
Живет на очень низких скоростях
И без противоречия с законом.
Бывало, участковый навещал –
Соседи обращались за подмогой –
Ему он очень твердо обещал
Идти коммунистической дорогой.

Изюмов сделал проигрыш, еще раз картинно пробежался по струнам, потянув гриф на излом – гитара тренькнула с завыванием. Запел выше:

По своей натуре он флегматик,
Если опохмелится – сангвиник,
Если деньги есть – он математик,
Если дрожжи с сахаром, то химик...

Неожиданно Леша Изюм оборвал посередине аккорда

свою «Песню о друге», наклонился к Харину и страстно прошептал:

- Петруха, у меня мешок сахара есть! В натуре! Дай сорок копеек на дрожжи. Мы тут у тебя бражку поставим. Прикинь, а? Через неделю полный бочонок будет.

Харин нехотя поднялся и сел на кровати:

- Вот врешь же ты, Леха! Опять врешь. Ну откуда у тебя сахар? Тем более, целый мешок.

Изюм зацепил ногтем зуб и тренькнул громче, чем на гитаре:

- Обижаешь, Петруха! Ну! Зуб даю...

Петя подошел к висевшей на крючке куртке, достал мелочь, подал Лехе:

- Держи, химик-сангвиник!

Изюмова как ветром сдуло. Петя, не надеясь, что тот вернется, снова улегся и погрузился в свои мысли. Он помечтал, что неплохо бы у участкового инспектора угнать его «Урал», чтобы он остался безлошадным. Пусть бы побегал пешком по деревне! Петька даже представил, как он с удовольствием пустит его мотоцикл с крутого берега в глубокую реку, как накроет его речной волною, только пузырьки пойдут...

Тут его сладкие грезы опять перебил Изюмов, про которого он уже забыл. Он вошел к Петьке уже как к себе домой, весь целеустремленный и деловитый. Приволок с собой небольшой деревянный бочонок и дрожжи в пакетике. Оставив все это, убежал за сахаром.

Петр осмотрел емкость. Бочонок был добротный, литров на тридцать, с крепкой деревянной пробкой. В таких обычно на покос брали с собой холодную колодезную воду. В деревянной таре она долго не согревалась, не то, что в металлической фляге.

Пришел Изюмов с сахаром, спросил, где ведра и убежал на колодец. Когда забодяжили бражку, Петьке уже стал интересен этот творческий процесс.

- А как пить-то будем? Шланг туда опускать? – спросил

он Леху.

- А хоть бы и шланг! Было бы что пить.

Заработала инженерная мысль Харина. Он сходил в сарай к своему отцу, нашел кран. На следующий день врезал его в пробку и сделал над своей кроватью крепкую полку, куда они с Изюмом и поставили бочонок. Надевая на кран резиновый шланг, Петька подшучивал:

- Вот теперь полный порядок, Изюм! Я буду лежать, как белый человек, шланг посасывать. А ты будешь мне на гитаре играть. Нормально?

- Гы – гы... Нормально! – Изюм был доволен, что нашел единомышленника, и они вместе делают одно большое и интересное дело.

Тут же открытил кран и сделал глоток из шланга. Вздохнул:

- Вода голимая, понятное дело. Дней несколько надо для готовности.

Через несколько дней душной июльской ночью Петю Харина разбудил страшный удар грома и на него обрушился ливень. Ничего не понимая спросонья, он подумал, что крышу пробил молнией и сейчас зальет всю веранду. Вскочил, треснулся головой о полку над кроватью. Весь мокрый, кое-как нашарил выключатель. К его радости крыша была цела, зато бочки на полке не было. Она улетела в одну сторону, крышка в другую. Брагой было залита вся кровать и сам Петька с головы до пят. Он стоял в углу около выключателя, растопырив руки, как мокрая курица крылья, а гуща от браги стекала с его головы и с плеч. В этот момент из избы выглянула разбуженная грохотом баба Нюра:

- Ой, Петруша! Ты знать-то, в уборной провалился. Говорила тебе, замени доски! А ты все вдохновенья ждал. Может теперь оно придет?

Потом Петька делал уборку в своем летнем жилище и слушал ворчание бабы Нюры:

- Нашел с кем вожжаться-то, с Езюмом, с энтим...

Че бы доброе придумали, а то бражку! Испоганили всю постелью...

Поворчав для порядка, баба Нюра сменила гнев на милость и даже начала подшучивать над внуком:

- Ну, теперича хоть знашь, Петруша, почем он, фунт езюму-то? – Бабушка тоненько хихикала, прикрывая беззубый рот маленькой сморщенной ладошкой.

Вечером заглянул Изюм и выслушал Петькин рассказ о ночном происшествии. К концу печальной повести о гибели браги лицо Изюма вытянулось, челюсть отвисла, а брови, наоборот, поднялись:

- Зачем тебе этот кран понадобился, инженер хренов? Отвернул бы его тогда чуть-чуть, чтобы бочка не взорвалась, и все...

Изюмов взволнованно ходил из угла в угол, закатывая глаза и хищно втягивая ноздрями волшебный аромат, которым намертво пропахла веранда.

Однако и он переживал не долго. Махнул рукой:

- Черт с ним! У меня еще полмешка сахара осталось.

Лешка закурил, взял гитару и стал сочинять песню про Петьку Харина:

Чтоб дружбу товарищ

Пронес по волнам –

Мы гуцу от браги,

И ту пополам...

- Как, Петруха? Пойдет?

- Да иди ты со своей брагой! Слышать про нее больше не хочу. И так соседи смеются. Скоро вся деревня узнает, и все будут ржать и пальцем показывать.

Петя задумался. Как все-таки в городе хорошо на счет этого. Что бы ты ни сотворил, что бы с тобой ни случилось, никому до тебя дела нет. Живи, как хочешь, в свое удовольствие. А здесь, в деревне, живешь, как вошь под микроскопом. Скорее бы осень, уехать отсюда и забыть все эти неприятности.

Все проходит, прошло и лето. Начались занятия в

институте. Петя снова поселился в общежитии, в одной комнате со своими друзьями – Брусникиным и Хлебковым. Однако забыть все происшествия деревенского лета у Харина не получилось. Настоящая слава она ведь везде найдет и всегда догонит.

Оказывается, участковый инспектор Мотыляев, хотя и не стал возбуждать дело об угоне мотоцикла по просьбе председателя, но без наказания Харина решил все же не оставлять. Написал письмо в институт – просигнализировал, так сказать, по месту учебы.

Письмо попало в деканат. Декан, человек пожилой и умудренный опытом, справедливо решил, что пропесочить студента Харина надо в воспитательных целях, но шума большого поднимать не стоит. Не такое уж большое преступление – на мотоцикле прокатился. Тем более, милиция мер принимать не стала. Письмо он направил не в институтский комитет комсомола, где за такое дело Харина запросто могли исключить из рядов горячие комсомольские головы. А исключение из комсомола автоматически подразумевало отчисление из ВУЗа. Такая уж была практика. Без вариантов. Поэтому гуманный декан письмо отдал куратору группы старшему преподавателю Глухову:

- Вы уж там, Василий Иванович, снимите стружку с этого Харина. Да и Бог с ним, пусть парень учится дальше. Чтобы, значит, нам мусор из избы не это самое... Ну, вы меня поняли?

Василий Иванович все понял и, когда собрал группу, вопрос о Харине поднял уже в самом конце повестки, когда поговорили о прошедшем субботнике, о посещаемости лекций и даже кратко обсудили новый фильм «Романс о влюбленных». Поскольку подавляющее большинство будущих инженеров были мужского пола, то все обсуждение свелось к выяснению одного вопроса: почему затонул БТР? Из фильма было не понятно. В итоге пришли к выводу, что экипаж проявил халатность при подготовке машины к

эксплуатации на воде.

И вот, когда все вопросы были исчерпаны, и группа было готова разойтись, куратор Глухов озвучил последний вопрос:

- Товарищи студенты, у нас тут письмо есть по поводу нашего товарища – Петра Харина. Пришло оно из милиции, из поселка Теплый Стан, Озерского района. Зачитывать я его не буду, коротко скажу суть...

Для Петьки, который уже решил, что эта черная страница его бурной юности уже перевернута, слова куратора прозвучали как гром среди ясного неба. Он напрягся и покраснел. На его щеках стало не видно веснушек, потому что лицо стало такого же цвета, как волосы, и голова стала похожа на красный шар.

Василий Иванович изложил вкратце содержание письма и предложил:

- Я думаю, нам нужно выслушать студента Харина. Как он объясняет свой поступок?

Петька поднялся, он явно не готов был к публичному выступлению:

- А чего там объяснять? Я думал, что мотоцикл этот кого-то из наших... Ну, из деревенских. Взял, покатался-то всего пятнадцать минут, а шуму...

Староста группы Михаил Рыбин, который был постарше остальных ребят, потому что поступил в институт после службы в армии, человек с юмором, тут же вставил:

- Вот, за это тебя и накажем, Харин, что всего пятнадцать минут. Накатался бы на полную катушку, было бы что обсуждать. Я предлагаю объявить Харину выговор и разойтись, а то через полчаса в столовой перерыв начнется.

Комсорг группы Рыжиков старосту поддержал:

- Наказать, действительно, надо. Я за выговор.

Но неожиданно вмешался Дима Гуревич – член институтского комитета ВЛКСМ, член редколлегии вузовской многотиражки, член ... В общем – активист:

- Что-то мы все такие добренькие? Выговор – и пошли на обед! А в письме-то конкретно сказано «совершил угон мотоцикла». То есть, комсомолец взял чужую вещь. Значит, что? Значит – украл! Какие могут быть выговоры? Что мы в бирюльки играем? Не тот случай. Я предлагаю поставить вопрос об исключении Харина из комсомола.

- Как?! – возмутился Боря Брусникин. - За что? Да у меня в прошлом году Мишка Квасов пальто взял без спросу в магазин сбегать и пришел только к вечеру! А у меня билет в кино пропал – не в чем было выйти. Так что, его тоже надо было исключать?

- А ты, Брусникин, не подменяй понятия: во-первых, пальто, во-вторых, тебе его вернули, а в-третьих ...

- Мотоцикл тоже вернули!

- ... А в-третьих, вы живете в одной комнате, вот ты и заступаешься за дружка своего. Между прочим, этот вопиющий случай необходимо в многотиражке осветить ...

Сергея Хлебков не выдержал, поднялся:

- Ты, Митя, не забудь там осветить, сколько ты лекций пропускаешь! И кто это нам запретил выступать на собрании, если мы в одной комнате живем? Наоборот, это значит, что мы Харина лучше знаем.

- Причем тут лекции? Я из-за общественной работы пропускаю. Не уводи собрание в сторону, Хлебков. Время, действительно, мало. Нужно вопрос ставить на голосование. Некогда тут дискутировать!

Хлебков глянул на Гуревича исподлобья, слегка наклонив голову и прижав подбородок к груди. Это было признаком того, что его основательно рассердили:

- А я, Гуревич, могу и на улице с тобой подискутировать, если тебе тут некогда!

В аудитории повисла тишина. Чувствовалась некая двусмысленность в словах Хлебкова. Хотя сам Гуревич никакой двусмысленности здесь уже не усматривал. Он замер. Сразу вспомнил, как в мае они – члены народной дружины – дежурили вечером и, проходя вчетвером по

неосвященному переулку, заросшему кленами, наткнулись на троих хулиганов, которые нагло и хладнокровно снимали с женщины серьги и часы. Та, трясясь от страха, молча все отдавала, так как у одного из них был нож.

Он, Гуревич, тогда первый крикнул:

- Бежим звонить в милицию!

Один из блатарей откликнулся, подняв вверх лезвие:

- Правильно, канайте отсюда, пока я вам печенки не проткнул!

Однако Хлебков весь напрягся и коротко бросил:

- Подождите. Смотрите, чтоб никто не убежал!

Пружинистыми приставными шагами он приблизился к группе грабителей. Бросив корпус влево, коротко, без замаха нанес удар в голову одному, второму, третьему. Прошло три секунды, а, может, и меньше. Серега прошел через гопников, как шар проходит сквозь кегли. И через мгновение они все трое, как кегли, лежали. Тихо. Смирно. Не шевелясь.

Дима Гуревич тогда был в шоке. Он впервые увидел живую, чем отличается подготовленный боксер от уличного драчуна в дракоприменительной практике. Это произвело на него сильное впечатление.

Поэтому, услышав раздраженное пожелание Хлебкова продолжить дискуссию на улице, он замер. В животе у него неприятно похолодело. И что-то сократилось. Он даже почувствовал некоторую сырость в брюках.

Неизвестно, сколько бы он еще стоял молча. Но тут инициативу в руки взял староста. Поняв ситуацию, Рыбин ухмыльнулся:

- Предлагаю проголосовать. Кто за то, чтобы Харину объявить выговор? – и первый поднял руку. Все проголосовали за выговор.

- А ты воздержался? – спросил он Гуревича, который все еще столбом стоял у своего стола?

- Нет, нет! Я как все... - Дима поднял руку и, не приземляясь на стул, прихватив портфель, вдоль стеночки

вышел из аудитории.

Собрание проходило вместо четвертой пары, поэтому все трое сразу же поехали домой, в общежитие. Харин угрюмо молчал, а Брусникин приставал к нему с расспросами:

- А почему нам с Серегой сразу не рассказал про угон? А зачем ты мотоцикл в сене спрятал? Чтоб хозяева подольше искали?

- Точно, Боря! Обычный раздолбай просто так бы бросил, - засмеялся Серега, - а этот маленький рыжий Шапокляк ничего просто так не делает, а как бы повреднее. А может ты еще раз на этой «Яве» прокатиться хотел? Поэтому и спрятал, а, Петька?

Харин отмалчивался. Он опять погрузился в свою голубую мечту: «Угнать «Урал» у Мотыляева, наверное, не получится. А вот сахара насыпать в бензобак – запросто. Точно! Как только приеду в деревню на выходной, попрошу у Изюма килограмм – нет, лучше три – и высыплю все в бачок. Пусть потом попробует завести свой моцик, волк позорный!»

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ,

в которой Брусникин и Хлебков убеждаются в том, что свадьба – событие, которое запоминается на всю жизнь, Харин отрывается от коллектива и, несмотря на издержки своего вредоносного характера, цели своей все же добивается.

Был конец мая. Стояла жара. Цвели яблони. По городу гуляли веселые крепкие ребята в зеленых фуражках. Студентам же было не до гуляний. Приближалась летняя сессия, та самая, злополучная, в которой Боре Брусникину еще только предстояло завалить два экзамена – сопромат и высшую математику.

Но первым экзаменом для их группы поставили исторический материализм, поэтому Боря не расстраивался. Он несколько раз выступал на семинарах и был уверен, что экзамен сдаст. Не расстраивался и Серега Хлебков, потому что уже имел отметки в зачетке о двух экзаменах, сданных досрочно – как говорили «автоматом» - по черчению и по английскому. Черчение – потому что ему из-за соревнований приходилось практически все чертежи сдавать досрочно, а английский – потому что он был в числе тех немногих, которые после шести лет изучения языка в школе и двух лет в институте, умели хоть немного на нем разговаривать. Для большинства же студентов он оставался просто «иностранным языком», на котором они твердо помнили две фразы: «Москоу из зе кэпитал оф Ю, эС, эС, А» и еще «Ай эм он дьюти тудэй».

Поэтому Брусникин и Хлебков исторического материализма не боялись, его боялся их третий друг – Петя Харин. У Харина гуманитарные предметы вообще как-то не шли, а тут еще и с преподавателем отношения не сложились. Этот доцент его даже предупредил, чтобы на шпаргалки он не надеялся – будут дополнительные вопросы.

Петька в сложившейся ситуации видел два выхода, чтобы не получить «неуд» на первом же экзамене. Первый вариант – стандартный – взять медицинскую справку, чтобы истмат не сдавать вместе с группой, а сдать потом, после сессии, что намного проще. Вторым – невероятным – все выучить, хотя бы на троечку, что Харину представлялось невозможным, потому что он, по мнению доцента, не понимал главного – в чем ленинский историзм материализма и марксистский материализм истории. А тут еще свадьба эта – совсем не вовремя.

Когда ребята в группе узнали, что их однокашник Слава Резепин женится и приглашает всю группу на свадьбу в ресторан, все, конечно, приняли приглашение и решили скинуться по четыре рубля Славке на подарок. Петька же, пораскинув своим крестьянским умом, решил на свадьбу не ходить, потому что назначена она была на первое июня. Аккурат за три дня до страшного экзамена. Харин сразу смекнул, если он сдаст четыре рубля, то на свадьбе, соответственно, нужно будет на эту сумму съесть и выпить. А если он выпьет на эту сумму, то он и на следующий день за учебники не сядет. Таким образом, за свои же денежки два дня из подготовки к экзамену придется вычеркнуть.

А у него условия для занятий были куда как хороши. Его тетка уехала на отдых и попросила присмотреть за ее квартирой. Петька с удовольствием переехал из общежития на пару недель в двухкомнатную квартиру. Условия для подготовки к экзамену были идеальные – пляж в пяти минутах ходьбы. Друзьям он заявил, что на свадьбу не идет, дескать, квартиру нельзя оставлять без присмотра. Брусникин и Хлебков от коллектива отрываться не стали и сдали старосте по четыре рубля.

Свадьба была назначена в новом ресторане «Свадебный», куда очередь на заказы была больше, чем в ЗАГС на торжественную регистрацию брака. Мама Славки Резепина была не последний человек в городе – большой начальник в облпотребсоюзе, поэтому для единственного сына не поскупилась и банкет организовала на сто

пятьдесят персон. Причем, в числе гостей числилась в основном молодежь. Если жених пригласил всю свою группу, то невеста пригласила не меньше друзей и подруг.

К назначенному часу в ресторан стали подходить гости. Дамы проходили в зал или присаживались в просторном вестибюле. Мужчины оставались на улице, чтобы спокойно покурить в прохладной тени деревьев.

Боря Брусникин присутствовал на свадьбе второй раз в жизни. Первый раз он был приглашен на такое торжество к своему родственнику в деревню. Деревенская свадьба ему запомнилась песнями до хрипоты, плясками и дракой. Здесь все было по-другому. Если в деревне из напитков предлагали «красенькое» - плодово-ягодное вино, и «беленькое» - водку, а потом и вовсе перешли на самогон, то здесь – Боря заглянул в зал – на столах, кроме «Экстры», стояли красивые бутылки с белым и красным сухим вином и хорошими портвейнами. Не было граненых стаканов, как в деревне, а стояли фужеры на тоненьких ножках, пузатые бокалы с золотистым рисунком и маленькие аккуратные рюмочки. Закуска была разнообразна и красива. У Бори потекли слюнки, так как они с Серегой нарочно не пообедали, а время уже подходило к ужину. Боря заметил, что гостей мужского пола на банкет собралось значительно больше, нежели женского. В их группе были почти одни парни, среди гостей невесты было много ребят с физического факультета пединститута.

Наконец прибыли жених с невестой – к ресторану подкатили две «Волги» и несколько «Жигулей», украшенных разноцветными шарами и лентами. Славка и его будущая жена вышли из первой машины под радостные восклицания заждавшихся гостей, которые приветствовали двух оптимистов, готовых к торжественному старту в неведомое. Хотя, что там неведомого? Ведь брак это всего на всего продолжение той же взаимной любви иными средствами.

Мать жениха и мать невесты встретили молодых хлебом-солью. Молодожены прошли через живой коридор, организованный гостями, под бурные аплодисменты

последних.

Наконец все уселись за стол и сразу попали под влияние говорливого и агрессивно-активного тамады, который свое дело знал очень хорошо, так что в считанные секунды каждый из гостей, включая трезвенников и язвенников, выпил не менее пяти рюмок, так как тосты были очень важными, а напористость тамады исключала возможность уклониться от ритуала «пей до дна». Даже Боря Брусникин, имеющий стойкое отвращение к алкоголю, вынужден был трижды отхлебнуть из своей рюмки. Серега Хлебков пил по полной и налегал на копченую колбасу и селедку под шубой, не забывая при этом присматриваться к девушкам, выбирая партнершу на первый танец, а возможно и на весь вечер.

Музыкальное сопровождение свадебного вечера обеспечивал известный в городе вокально-инструментальный ансамбль в составе двух солистов, соло-, ритм-, бас-гитары, ударных и клавишных. И вот, когда, исполнив несколько песен, музыканты пошли перекурить, произошло то, на что организаторы замечательного свадебного праздника, в лице родителей жениха и невесты, никак не рассчитывали, хотя, учитывая специфику мероприятия, должны были предвидеть.

Один из родственников невесты, невысокого роста крепко подвыпивший дядя отпустил замечание в адрес музыкантов, дескать, не за то им платят, чтобы они курили, а за то, чтобы играли. Самый темпераментный из ансамбля – «ударник» - не сдержался и грубо ему ответил. Тогда родственник схватил его за рукав и стал тянуть на рабочее место. Музыкант толкнул его, не рассчитав, что тот уже изрядно пьян. Дядя растянулся на полу.

В этот момент, окажись рядом человек разумный, конфликт еще можно было погасить. Но рядом оказалась женщина, из числа тех, что называют скандальными бабами, чей визг по децибелам и воздействию на психику окружающих не уступает шуму разъяренной толпы. Под его воздействием поступки даже трезвых людей перестают

быть разумными.

Подбежали несколько человек и, что называется, понеслось! Из вестибюля драка быстро перекинулась в зал. Не принявшие в ней участие дяди и тети повскакивали со своих мест и прижались к стенкам. Женщины кричали и призывали позвонить в милицию. Жених с невестой уже пробирались к выходу. Славка одной рукой тащил за собой невесту, другой защищался от летающих по залу бутылок и кулаков. Хлебков, видя, как туго приходится Резепину, пришел ему на помощь и помог выйти на улицу.

- Поехали отсюда, Серега! Конец свадьбе. Сейчас сюда милиция приедет, - Славка пригласил Хлебкова в машину.

- Нет, Слава! Там Брусникин остался. Надо вытащить его. А то зашибут.

Не успел Хлебков войти в вестибюль, как увидел, что ему в лицо летит чья-то нога. Еще мгновение и тяжелый каблук впечатался бы ему прямо в лоб. Серега резко убрал голову влево, и нога противника легла ему на плечо. Он уронил нападавшего на пол. Его тут же атаковали трое крепких ребят. Хлебков переместился в угол и ушел в глухую защиту. Нападавшие, яростно работая кулаками, мешали сами себе. Их беспорядочные удары чаще приходились по рукам друг друга. Хлебков выбрал момент, когда открылся один из парней. Молниеносно выбросил кулак, хрустнул нос – один успокоился.

Получив короткую передышку, Серега поднял голову и увидел, как в вестибюль с улицы влетают несколько милиционеров. Сначала они пытались растащить дерущихся с помощью голых рук и грозных окриков. Это получалось плохо. Крепко доставалось и представителям правопорядка. Под ногами дерущихся уже валялись фуражки с красными околышами.

Через несколько минут прибыло подкрепление. На этот раз добрый десяток милиционеров с дубинками. И вот уже мундиры цвета маренго замелькали по всему залу. Получив пару раз по загривку или пьяной голове черным

символом власти, драчуны быстро трезвели и приходили в себя. Их оперативно выводили на улицу. Хлебков, будучи вытасканным туда же, увидел несколько машин ПМГ (передвижная милицейская группа) и пять «воронков» - машин спецмедслужбы.

Менты работали четко. Руководил ими высокий худой капитан. Видимо, он уже имел опыт организации финальных сцен «торжественного бракосочетания». Сортировали гостей по поло-возрастному признаку. В результате не менее полусотни мужиков моложе сорока лет оказались в «воронках». Женщинам и пожилым гостям предложили разойтись по домам, потому как транспорта на всех все равно не хватало. Один был «приятный» момент – Брусникина с разбитыми очками и в порванной рубашке затолкали в ту же машину, в которой уже сидел Хлебков. Оба обрадовались, как будто встретились где-то на фронте после тяжелых боев.

Замысел милицейского начальника, командующего операцией по пресечению беспорядков в ресторане «Свадебный», был прост. Пять машин спецмедслужбы, груженных дорогими гостями, разъехались в разные концы города. Там через определенные интервалы «воронков» останавливался, и экипаж «машины боевой» выпускал одного-двух свадебных хулиганов, затем машина следовала дальше, и через пару кварталов еще двое гостей покидали гостеприимную автомашину с красной полосой. Таким образом, участники беспорядков были эффективно рассеяны по всему городу, и их совместная встреча в ближайшее время исключалась.

Хлебкова выпроводили из машины после часа тряской езды в душном автозаке. На улице было темно. Лишь метров в ста по ходу машины горел фонарь. Туда Серега и направился, он надеялся встретиться с Борей, который еще оставался в машине. Проехав далеко за фонарь, машина остановилась. Хлебков ускорился и через пять минут встретился с Брусникиным, который медленно продвигался навстречу ему, потому что без очков и в

темноте вовсе ничего не видел.

В какую сторону им нужно идти они долго не могли понять, потому что институт их был расположен в центре, а окраин города они не знали совершенно. Дома на улице были все частные с палисадниками, в которых росла сирень и черемуха. Подойдя к угловому дому, Серега прочитал на табличках название улиц. Оказывается, они шли по улице Герцена, а пересекала ее улица Чапаева. Эта интересная информация, однако, не помогла нашим друзьям сориентироваться на местности. Поэтому курс менять не стали, пошли дальше в том же направлении, надеясь встретить какого-нибудь ночного прохожего, который укажет направление к центральной площади города. Автобусы уже не ходили, поэтому спешить было некуда. Определить время друзья могли только очень приблизительно, поскольку Серегины часы были разбиты в драке, а Боря свои и вовсе потерял.

- Один убыток, Борюся, от этих свадеб, - посетовал Хлебков, - и гостям, и хозяевам. Ухнули люди уйму денег. А для чего?

- Около пяти тысяч потратили, родственники говорили, - отозвался Брусникин.

- Вот видишь! Пять тысяч – машину купить можно. Да еще за разбитую посуду и сломанную мебель выложат не меньше тысячи. Зато все как у людей! Честь по чести. Будет, что вспомнить!

-Я где-то читал, что вся разница между похоронами и свадьбой лишь в том, на похоронах плачут немедленно, а после свадьбы – через год.

- Какой год, Борюся! Я думаю, после сегодняшней свадьбы уже многие всплакнули. Правильно, что все народные сказки свадьбой заканчиваются.

- Почему?

- Потому что дальше уже не интересно!

Хлебков не пропускал таблички с названиями улиц. Вскоре друзья выяснили, что параллельно улице Герцена идут улицы Огарева и Добролюбова, а пересекают их

улицы Чапаева, Щорса и Котовского.

- Ты погляди, Боря, как грамотно сделано – одна параллель названа именами революционных теоретиков, а пересекают их улицы революционеров-практиков. Не то, что у американцев – четные и нечетные авеню. То ли героев у них не хватает, то ли фантазии.

Брусникин тут же вспомнил про исторический материализм:

- Харин хитрый, как в воду глядел – не пошел на свадьбу. Наверное, уже половину учебника вызубрил. А мы только к утру в общагу попадем, так что еще один день пропал.

Брусникин был прав – в общежитие они пришли к шести часам утра. Как раз пошли первые автобусы. Но в том, что Харин усердно готовится к экзамену он, конечно, ошибался.

Петя Харин решил реализовать вариант первый – взять медицинскую справку. Сделав себе под мышкой натирание горчицей до покраснения, чтоб термометр температуру показал, он отправился в институтский медпункт. Долго и в подробностях рассказывал молодому доктору, как он громко кашляет и часто чихает, как болит голова и горло.

Врач посмотрел на градусник.

- Сколько, доктор? – дрожащим голосом спросил Петька.

- Нормально. Тридцать шесть и восемь.

- Какое же это «нормально»? Это очень даже много. Сейчас вот на улице жара, а меня всего знобит, - Петька для достоверности даже почкал зубами.

- Раздевайся!

Харин снял футболку. Доктор послушал его грудную клетку, осмотрел докрасна загорелое тело и стал что-то писать в свой журнал.

- Что у меня, доктор? – Петьке не терпелось узнать диагноз.

- У тебя? Симуляция.

- Как?! А температура?

- Поменьше валяйся на пляже, а то шкура слезет. Намажь на ночь вазелином или сметаной.

- Мне бы справочку...

- Свободен!

Расстроенный Петька поплелся домой. Выхода не было – нужно было читать исторический материализм. Войдя в теткину квартиру, он первым делом заглянул в стоящий в прихожей большой холодильник «ЗИЛ». Там стояла трехлитровая банка с квасом. Попил холодненького кваску прямо из банки. Вытер губы. Поднял голову. С высоты холодильника на него смотрел Ленин. Бюст Владимира Ильича тетя Глаша хранила как память о покойном муже. Он всегда стоял в его рабочем кабинете, а когда вышел на пенсию, бюст вождя нашел свое место на холодильнике.

Харин вздохнул, прошел в комнату, сел за стол у окна и уткнулся в учебник. Читал долго и упорно. Осилил целый параграф. Из него понял, за любыми фразами или заявлениями нужно искать интересы тех или иных классов. Вот врач сказал, что он – Петька – симулянт. К какому классу относятся врачи? Ни к какому. Они интеллигенция. Прослойка. Значит, по Марксу, за этой фразой ничего не стоит.

«Что-то я отвлекаться начал, - Харин почесал затылок, - значит устал. Надо отдохнуть». Петька отодвинул учебник. Открыл дверь и вышел на балкон. Хорошо на улице! Глянул вниз. С пятого этажа двор казался небольшим и уютным. Прямо под балконом два подростка спорили из-за велосипеда. « Мне бы ваши проблемы! – подумал Петька. – Сейчас, я разрулю ваши разногласия». Он побежал на кухню, взял полиэтиленовый пакет, потом в ванной комнате наполнил его водой, перетянул веревочкой, чтобы «бомба» долетела до земли. Аккуратно, двумя руками, чтобы меньше налить на пол, донес до балкона. Швырнул в пацанов и убежал в комнату, чтобы не заметили, откуда прилетело. С удовольствием выслушал возмущенные вопли мальчишек.

«Ну, теперь можно еще параграф прочитать!» Однако,

через пятнадцать минут Петька снова торчал на балконе, наблюдая за передвижениями дворового населения. Вот идет грузчик из овощного магазина – Парамоша. Мелочь считает. Значит, уже рубль насобирает на красненькую. Сейчас мы тебя опохмелим!

Харин побежал в ванну. Быстренько изготовил еще одну «бомбу». Запустил. Пакет с водой попал грузчику прямо в руки. Мелочь рассыпалась по асфальту. Парамошин мат был пятиэтажным, поэтому Петьке было хорошо слышно, как грузчик спрягает нецензурные глаголы. Харин, похихикивая, потирал руки. Лишь только Парамоша уgomонился и исчез, собрав свою мелочь, в конце двора появились две нарядные девушки. Цокая каблучками, они приближались к Петькиному балкону. «Ишь, намарафетились! Сейчас я вас...» Он кинулся снова в ванную наполнять очередной пакет, но тут, то ли ангел-хранитель Харина от него отвернулся, то ли, наоборот, фортуна к нему повернулась. Трудно судить. Только Петька, стремглав летевший в ванную, поскользнулся – на полу была вода. Падая, он машинально схватился за холодильник, который качнулся, что было достаточно, чтобы пятикилограммовый бронзовый бюст полетел вниз. Владимир Ильич с размаху клюнул носом Харина прямо в его рыжую непутевую голову, которая никак не хотела усваивать исторический материализм.

Петька ойкнул от боли и зажал голову рукой. Отняв ладонь ото лба и увидев кровь, он сначала испугался, но потом быстро сообразил, какое счастье ему привалило. Зажав рассеченный лоб носовым платком, он надел кроссовки и выскочил из квартиры. В медпункт Харин бежал «быстрее лани, быстрее, чем заяц от орла».

Врач, увидев его, воскликнул:

- Опять ты! С кем бодался? Неужели настолько справка необходима?

Зашив Петькину рану, справку он все же дал. Вариант номер один состоялся.

Все остальные экзамены Петька сдал успешно. И пришел в деканат с медицинской справкой брать разрешение на сдачу экзамена по историческому материализму с другой группой. Декан разрешение дал, но от замечания все же не удержался:

- У вас, Харин, все в группе сдали экзамен во время, несмотря ни на какие форс-мажоры. И с синяками ребята сдавали, и со сломанными носами. У одного даже ухо надорвано было! Один ты не сдавал из-за какой-то царапины. Справочкой прикрылся. Не по-мужски это, Харин, не по- мужски!

СОДЕРЖАНИЕ

Новая высота.....	4
Солнечный круг	9
Листовка	44
Политический анекдот.....	57
От судьбы не уйдёшь	64
Встреча.....	76
Практический подарок.....	79
Башкирки	83
Благодарность	89
Отдел.....	96
Омерта.....	101
Конец атамана.....	104
Житейские хроники Бори Брусникина	109
<i>История первая</i>	109
<i>История вторая</i>	128
<i>История третья</i>	141

